Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №11 Декабрь 2014 года

200 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова

Разные мнения о М.Ю.Лермонтове высказывались его современниками после его гибели. Но самую яркую и самую достоверную характеристику самому себе дают оставленные им его произведения: «Он исповедовался в своих стихах невольно, увлечённый восторгом поэзии», - говорил А.С.Пушкин о стихах Байрона. Эти слова великого русского поэта, классика Русской литературы, без сомнений можно отнести и к поэзии М.Ю.Лермонтова. «Чёрт знает – страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника», - сообщает В.Г.Белинский в своём письме Боткину, от впечатлений после прочтения стихотворения М.Ю.Лермонтова «Дары Терека», затем и от «Казачьей колыбельной песни», и от «Молитвы»...

Михаил Юрьевич Лермонтов – великий русский поэт, жизнь которого трагически оборвалась в самом её расцвете...

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А.

Корректура: Еськовой И.Е.

Время сдачи в печать 23.12.2014 г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г.Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется в основном на территории Кемеровской области, частично в других регионах РФ и ближнего зарубежья.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 2176; Тираж 1000 экз.

Цена договорная. 2014/ 12- 25 Г

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ: +16

1 - 200 лет со дня рождения М.Ю.Лермонтова – стр.1;
2 - Михаил Юрьевич Лермонтов – стр. 2 – 3;
3 - М.Ю.Лермонтов – стихи, стр. 4 – 5;
4 - Ираклий Андроников: «Портрет» - проза, стр. 6 – 9;
5 - Иван Кожемяко: «Последний юнкер», «Бахчисарайские грёзы» - проза, стр. 10 – 13;
6 - Сергей Грущанский – стихи, стр. 14;
7 - Вера Третьякова: «Мать матерей» - проза, стр. 15;
8 - Николай Нагорнов – стихи, стр. 16;
9 - Дина Сабынина – стихи, стр. 17;
10 - Сергей Ерофеев: «Форт полуострова Эскимо» - проза, стр. 18 – 19;
11 - Людмила Танкова: «Родники истории», «Так начиналась история» - публицистика; «Последнее предупреждение Атла» - фантастика, стр. 20 – 25;
12 – Анатолий Гуляев: «Знобящий Норд-Вест», «Как мы Черчилля «победили», «Поздние позрения», «Шипы розы любви»; «Плата за любовь» - проза, стр. 26 – 38;
13 – Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи» - стр. 38;
14 – Сергей Вяткин – поэзия, стр. 39;
15 – Людмила Лукьянова: «Учительское счастье», «Первая любовь», «Без вины виноватые» - проза, стр. 40 – 41;
16 – Людмила Лукьянцева: «Я буду твоей берегиней» - проза, стр. 42 – 43;
17 – Александр Васюнов: «Медведь», «Крутая рыбалка» - проза, стр. 44 – 45;
18 – Александр Щетинин – поэзия, стр. 46;
19 – Аделия Мачкова – поэзия, стр. 47;
20 – Нелли Смирнова – поэзия, стр. 47;
21 – «О начале хлебопашения в Кузнецком», «О первых дорогах Кузнецка», «О начале заселения Кузнецкого края», «Роговщина», «К вопросу о Кузнецком восстании 1919 г.» - история, краеведение, публицистика – стр. 48 – 53;
22 – Пётр Зотов: «Сиротская жизнь беспризорника Пети Зотова» - проза, стр. 54 – 56;
23 – Олег Зотов – поэзия, стр. 56;

Михаил Юрьевич Лермонтов

родился в ночь со 2-го на 3-е октября 1814 года, в Москве в доме генерал-майора Ф.Н. Толя (напротив красных ворот), в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рождённой Арсеньевой.

Ранней весной 1815 года семья Лермонтовых (вместе с Е.А. Арсеньевой - матерью Марии Михайловны) переехала в Тарханы, Чембарского уезда, Пензенской губернии. В Тарханах (ныне село Лермонтово) прошли детские годы М.Ю. Лермонтова.

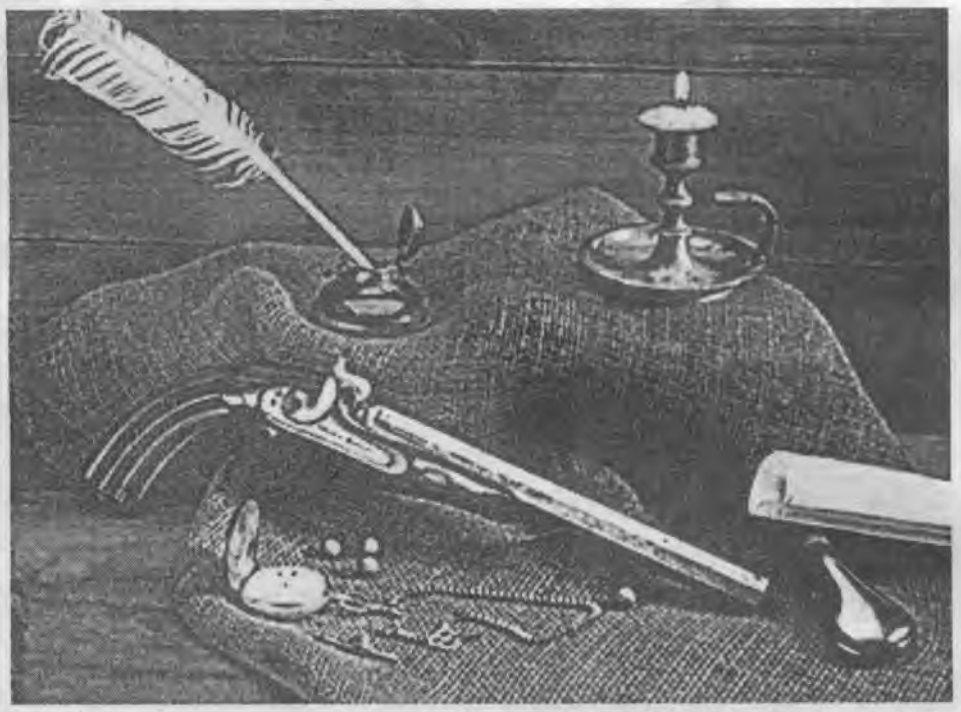
24 февраля 1817 года – Мария Михайловна Лермонтова, мать поэта, умерла. «Житие ее было: 21 год 11 месяцев 7 дней» - написано на её могильной плите в Тарханах.

5 марта 1817 года – уехал, из Тархан в Кропотово (Ефремовского уезда, Тульской губернии), отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов. Оставив трёхлетнего сына на попечение бабушки - Е.А. Арсеньевой.

В 1818 году маленький Лермонтов вместе с бабушкой посещает город Пензу, а через год – летом 1819 года, и Москву.

Летом 1820 года маленького Лермонтова, впервые привезли на Кавказские минеральные воды: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах кавказских: бабушка, тётушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я её видел там. Я не помню, хороша она была или нет. Но её образ и теперь ещё хранится в голове моей». (Запись Лермонтова от 8 июля 1830 года).

В конце лета 1827 года - двенадцатилетний Лермонтов, гостил в отцовской деревне - в Кропотово. А осенью этого же года, вместе с бабушкой, переезжает на жительство в Москву, где начинает заниматься с домашним учителем - А.З. Зиновьевым.



В начале лета 1828 года - Е.А. Арсеньева, вместе с внуком навещала Тарханы, где Лермонтов написал первую свою поэму - «Черкесы», на копии которой его рукой сделана надпись «В Чембаре за дубом».

В августе - в дом Е.А. Арсеньевой, к Лермонтову, приглашён гувернёр, француз - Жан Пьер Каллет-Жандро.

1 сентября – Лермонтов, был зачислен полупансионером в четвёртый класс Московского университетского благородного пансиона.

13-20 декабря после успешной сдачи экзаменов, Лермонтова перевели из четвёртого класса в пятый (с призами за хорошую успеваемость - книгой и картиной). В эти дни - в письме к тёте, М.А. Шан-Гирей, сообщая об успешной сдаче экзаменов и приезде своего отца, он отправляет стихотворение «Поэт».

1828 год М.Ю. Лермонтов считает началом своей поэтической деятельности. Этим годом, им датированы стихотворения: «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Кавказский пленник», «Корсар».

При этом, он сообщает: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они ещё теперь у меня» (запись 1830 года).

1829 год – первая редакция «Демона».

1 октября 1831 года – в Кропотово, умер от чахотки отец Михаила Лермонтова, Юрий Петрович Лермонтов, 44-х лет от роду. В первых числах ноября Лермонтов знакомится с В.А. Лопухиной, приехавшей из тульского имения в Москву.

6 июня 1832 года - принято «прошение» Лермонтова об его увольнении из Московского университета, на оборотной стороне «прошения» написано: «Приказали означенного студента Лермонтова, уволив из Университета, снабдить надлежащим о учении его свидетельством».

В июле/начале августа - Лермонтов, вместе с бабушкой, выезжает из Москвы в Петербург. В Новгороде, где Лермонтов был проездом, он написал стихотворение «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...».

В Петербурге Лермонтов подружился с С.А. Раевским. В начале сентября он отправляет письмо М.А. Лопухиной со стихами «Белеет парус одинокий...»

4 ноября 1832 года – Лермонтов держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

14 ноября 1832 года, приказом по Школе, М.Ю. Лермонтов зачислен в Школу на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка.

22 ноября 1834 года, по результатам экзаменов, Лермонтов высочайшим приказом произведён из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. В декабре 1834 года произошла встреча Лермонтова с Е.А. Сушковой. В феврале 1835 года, связь Лермонтова с Е.А. Сушковой прервалась.

20 декабря 1835 года, Лермонтов, получив отпуск из полка, проездом задержался в Москве, после чего приехал в Тарханы.

24 декабря 1836 года, Лермонтов «заболел простудою».

27 января 1837 года, около 5 часов пополудни, за комендантской дачей на Чёрной речке - в окрестностях Петербурга, состоялся поединок Пушкина с Дантесом. В тот же вечер, по городу распространился слух о смерти Пушкина.

28 января - Лермонтов написал первые 56 стихов стихотворения «Смерть поэта»; а 7 февраля - заключительные 16 стихов («А вы, надменные потомки...»).

Стихотворение «Смерть поэта», сразу после его написания получило очень широкое распространение - вначале в Петербурге, затем и по всей России.

18 февраля – за стихотворение «Смерть поэта», Лермонтов арестован и помещён в одну из комнат верхнего этажа Главного штаба.

19/20 февраля – шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, доложил царю Николаю Первому о стихотворении «Смерть поэта» и о том, что генералу Веймарну поручено допросить поэта и обыскать его квартиры в Петербурге и Царском Селе. На докладной записке рукой царя наложена резолюция: «...старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешен ли он...». 20 февраля – у Лермонтова и С.А.Раевского сделан обыск.

22 февраля – корнет лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю.Лермонтов, давал объяснения по поводу стихов «Смерть поэта».

23 февраля – началось дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю.Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарём Раевским».

25 февраля – военный министр Чернышёв, отношением за № 100, сообщил Бенкендорфу высочайшее повеление: «Л.-гвардии Гусарского полка, корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, - по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

19 марта – Лермонтов выехал из Петербурга в ссылку на Кавказ через Москву; 23 марта - приехал в Москву; 10 апреля – выехал из Москвы на Кавказ; вторая половина апреля/начало мая – приехал в Ставрополь, «простудившись дорогой» - подал прошение в штаб Кавказской линии «об освидетельствовании болезни его». В связи с чем помещён вначале в ставропольский военный госпиталь, затем переведён в пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами.

18 июля – из Пятигорска, Лермонтов отправил письмо бабушке (начавшей ходатайствовать перед своими родственниками, приближёнными к царю, о смягчении наказания своему внуку): сообщил о причислении себя к эскадрону Нижегородского драгунского полка, находящегося в Анапе, пожаловался на плохую погоду и попросил прислать денег.

В первой половине сентября с Кавказских минеральных вод, через Ставрополь и укрепление Ольгинское, Лермонтов выехал в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик.

В Тамани находился отряд генерала Вильяминова, готовившейся к встрече царя Николая-Первого. Отчего у Лермонтова

произошла вынужденная задержка дальнейшего своего продвижения.

29 сентября Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в Тифлис.

В Ольгинском, по-видимому, произошла встреча Лермонтова с Н.С.Мартыновым, которому Лермонтов должен был передать пакет с письмами и деньгами от родных из Пятигорска.

5 октября – из Екатеринодара, Н.С. Мартынов в письме отцу, сообщил: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил: но писем никаких, потому, что его обокрали в дороге, и деньги эти, вло-

женные в письмо, так же пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои».

Из Ольгинского, по пути в Тифлис, Лермонтов вернулся в Ставрополь, где задержался до конца октября (в том числе и, в гостях, у своего родственника Начальника штаба Кавказской линии генерал-майора П.И.Петрова).

10 октября на Дидубийском поле - под Тифлисом, царь проводил смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых находились четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, найденные царём в отличном состоянии. В это время Лермонтов находился ещё в Ставрополе, но смотр под Тифлисом.., косвенным образом, положительно повлиял и на дальнейшую судьбу Лермонтова.

11 октября в Тифлисе отдан высочайший приказ по кавалерии, о переводе «прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом».

Конец октября/начало ноября – Лермонтов из Ставрополя направляется в Тифлис, к месту расквартирования своего полка (из которого был уже переведён, но числился за ним - до 25 ноября): переехал горы, а затем в Закавказье «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».

6 ноября – из Москвы, Е.А.Мартынова отправила письмо своему сыну Н.С.Мартынову, в котором сетует на пропажу писем, посланных с Лермонтовым, и обвиняет Лермонтова в том, что эти письма он будто бы вскрыл и прочёл.

По пути из Тифлиса в Петербург, по Кавказу Лермонтов ехал по военно-грузинской дороге: побывал во Владикавказе.., вновь в Ставрополе...

16 февраля – Лермонтов выехал из Петербурга в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в распоряжение штаба лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

26 февраля – Лермонтов прибыл в расположение лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (дислоцировавшегося под Новгородом), представился командиру полка князю Д.Г.Багратиону, получил назначение в 4-й эскадрон, которым командовал К.Войнилович и поселился вместе с Н.А.Краснокутским в доме для холостых офицеров.

24 марта - А.Х.Бенкендорф (по ходатайству Е.А.Арсеньевой) сделал представление через военного министра А.И.Чернышева о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гусарский полк (дислоцировавшийся в Петербурге).

9 апреля – опубликован высочайший приказ (приказ царя) о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гусарский полк.

24/25 апреля – Лермонтов возвратился в Петербург (Софию - под Царское Село).

22 сентября – за очередную гусарскую шалость (появление на параде со слишком короткой саблей), по приказанию великого князя Михаила Павловича (брата царя) Лермонтов арестован и посажен на Царскосельскую гауптвахту (до 10 октября).

22 января 1839 года – Лермонтов в Аничковом дворце в присутствии императорской фамилии был гостем на свадьбе А.Г.Столыпина, как родственник со стороны жениха.

6 декабря – высочайшим приказом Лермонтов произведён из корнетов в поручики.

16 февраля 1840 года – на балу у графини Лаваль, произошло столкновение Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Де Барант вызвал Лермонтова на дуэль.

18 февраля - в воскресенье, в 12 часов дня дуэль Лермонтова с де Барантом состоялась за Чёрной речкой на Парголовской дороге, при секундантах... Дрались на саблях, на дуэли Лермонтов был легко ранен в руку, ниже локтя. В 20-х числах февраля, командир лейб-гвардии Гусарского полка Н.Ф.Плаутин, потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с де Барантом.

10 марта – начато «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса... О поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтове...предании его военному суду, за несвоевременный доклад о дуэли с французским подданным де Барантом». Лермонтов вновь арестован.

13 апреля – на докладе генерал-аудитора по делу Лермонтова, рукой Николая-Первого написано: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином... В прочем быть по сему. Николай. С.-Петербург 13 апреля 1840».

Май (первая половина) - по дороге на Кавказ, Лермонтов задержавшись в Москве часто бывал в семье Мартыновых...

25 мая. – Письмо Е.М.Мартыновой, из Москвы к сыну Н.С.Мартынову на Кавказ, в котором говорится, что Лермонтов ещё в городе и почти каждый день посещает её дочерей, находящих «большое удовольствие в его обществе».

Май (последние числа) – Лермонтов выехал из Москвы в сторону Кавказа.

Июнь (первые числа) – Лермонтов в Новочеркасске (задержавшись на несколько дней - каждый день бывал в театре).

18 июня – Лермонтов «командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции, под началом генерал-лейтенанта Галафеева».

6 – 10 июля – Отряд, в котором находится Лермонтов, выступив из крепости Грозный, с боями пошёл по Кавказу...

10 октября когда выбыл из строя по ранению юнкер Руфин Дорохов, Лермонтов - приняв на себя командование отрядом охранников кавалерии («летучей сотнею казаков»), «с командою» отличился в делах 12 и 15 октября за Шалинским лесом и при переправе через Аргун.

В 20-х числах октября, после двадцатидневной экспедиции по Чечне, Лермонтов прибыл в Грозный.

27 октября – Лермонтов, в составе отряда генерала А.В.Галафеева, выступил из крепости Грозный и отличился в делах: 27, 28, 29 и 30 октября у аула Алды, в Гойтинском лесу и реки Валерик.

с 9 по 20 ноября – Во время второй экспедиции в малой Чечне – Лермонтов постоянно при генерал-лейтенанте А.В.Галафееве.

20 ноября – Лермонтов в Ставрополе.

11 декабря – Военный министр А.И.Чернышев сообщил командиру Отдельного кавказского корпуса о том, что царь разрешил предоставить Лермонтову отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

24 декабря – Рапорт командующего кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя В.С.Голицына командующему войсками Кавказской линии и в Черномории...с представлением к награждению Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость».

31 декабря – Приказом № 365 Лермонтов зачислен «налицо» в Тенгинском пехотном полку. Штаб полка находился в станице Ивановской.

14 января 1841 года – Лермонтову выдан отпускной билет на два месяца. Вероятно, в этот день он выехал из Ставрополя в Петербург, через Новочеркасск, Воронеж, Москву.

11 апреля – Дежурный генерал Главного штаба граф П.А.Клейнмихель вызвал к себе Лермонтова и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк.

От Клейнмихеля Лермонтов вышел в сильном возбуждении...

14 апреля, в 8 часов утра Лермонтов выехал из Петербурга и «17» апреля приехал в Москву.

23 апреля – Лермонтов выехал из Москвы в Ставрополь, в конце месяца в Туле догнал А.А.Столыпина, выехавшего из Москвы сутками раньше и, дальше ехали вместе...

9 мая – Лермонтов и Столыпин приехали в Ставрополь, где были прикомандированы к отряду для участия в экспедиции «на левом фланге Кавказа».

20 мая – Лермонтов и Столыпин прибыли в Пятигорск, где подали рапорты коменданту о болезни с ходатайством разрешения на лечение минеральными водами. Разрешение было получено.

Конец мая – Лермонтов и А.А.Столыпин сняли в Пятигорске дом и поселились у капитана В.И.Чилаева. В соседних домах остановились: М.П.Глебов, князь А.И.Васильчиков, С.В.Трубецкой и Н.С.Мартынов – их старые приятели по Петербургу и Кавказу, составившие вместе «Лермонтовский кружок».

13 июня 1841 года Лермонтов подал рапорт на имя командира Тенгинского полка, полковника С.И. Хлюпина, о том, что он, отправляясь в отряд Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, заболел и получил от Пятигорского коменданта позволение остаться в Пятигорске вплоть до излечения.

13 июля 1841 года - на вечере в доме Верзилиных произошла неожиданная стычка между Лермонтовым и Мартыновым. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

15 июля 1841 года – Утром к Лермонтову в Железноводске, из Пятигорска приехали в коляске Обыденная и Е.Г. Быховец, которых сопровождали верхами юнкер Бенкендорф, М.В. Дмитриевский и Л.С. Пушкин. Вместе с ними Лермонтов поехал на пикник в немецкую колонию Каррас (Шотландка).

После пикника, между шестью – семью часами вечера, у подножия горы Машук, состоялась дуэль Лермонтова и Мартынова, при секундантах М.П.Глебове и князе А.И.Васильчикове.

При дуэли присутствовали: А.А.Столыпин, С.В.Трубецкой, Р.И.Дорохов.

На дуэли – Лермонтов, был убит...

Поздно вечером - с места дуэли, тело Лермонтова было перевезено в Пятигорск, в дом капитана Чилаева.

16 июля – В Пятигорске была создана следственная комиссия по делу о дуэли. Составлен акт осмотра места поединка в присутствии секундантов, произведено медицинское освидетельствование тела Лермонтова лекарем И.Е.Барклаем де Толли, художник Р.К.Шведе зарисовал Лермонтова в гробу.

17 июля 1841 года - Было проведено погребение праха убитого поэта на Пятигорском кладбище:

«Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слёзы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую...»

«Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля.

17 июля - погребен, погребение пето не было». – Записано в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви - за 1841 год, часть 3, № 35.

21 апреля 1842 года, по ходатайству Е.А.Арсеньевой (бабушки поэта) - гроб с прахом М.Ю. Лермонтова, привезён из Пятигорска в Тарханы и

23 апреля 1842 года - погребён в фамильном склепе Арсеньевых – Лермонтовых, в Тарханах.

ПОСТСКРИПТУМ

Столетние юбилеи М.Ю.Лермонтова на Родине поэта не отмечались по объективным причинам:

- В августе 1914 года, началась - Первая мировая война;

- В июне 1941 года, началась - Великая Отечественная война.

Связаны эти два трагических события в истории страны, с трагической судьбой М.Ю.Лермонтова, или нет, людям знать не дано!..

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

(РАННИЕ: 1828 – 1836 годы)

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищённый
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомлённый и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

НАПОЛЕОН

Где бьёт волна о брег высокий,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой –
Там спит герой, друзья! –
Наполеон!..
Вещают так: и камень одинокий,
И дуб возвышенный
и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь
свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришёл мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединённый,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника
и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным
короны разбивал?
Зачем шутил граждан
спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов –
но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побеждён московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

К...

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!...
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)
Ты знал ли дикий край,
под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность
злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твёрдые как камень?
Но мощь их давится
безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра
спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка
бывает для людей,
Там за утехами несётся укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчизна!
P.S.
Ах! если ты меня поймёшь,
Прости свободные намёки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, -
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть ещё небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев жёлтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нём, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств лёгкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины,
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел её, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробуждён немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдёт, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается ещё в своих грехах;
Ещё он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильной
С её страстями я люблю;
За то, что редка в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костёр,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

***

Один среди людского шума,
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлися пылкие друзья,
Но я, лишённый вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Изменой душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участья,
Ни слёз, ни пламенных страстей.

Н.Ф.И...ВОЙ

Любил сначала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И чёрных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы принимала ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумлённый,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослеплённый.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашёл я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звёзд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызёт от колыбели...
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

***

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, -
Сказала дева: верю я,
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Ещё не знаю. – Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,

Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далёк!»
Вскочил мой рыцарь, восхищённый
Её душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вянет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!» -
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадёжной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.
Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьётся,
Когда его приметит взор,
Он незабудкою зовётся;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья,
И цветом неба он цветёт,
Где смерти нет и нет забвенья...
Вот повести конец моей;
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы —
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащённой,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединённый,
Он ждёт; что ж медлить над землёй?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моём...

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты на век тобою!

ЗАВЕЩАНИЕ

Есть место близ тропы глухой,
В лесу пустынном средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребрённые луной...
Мой друг! Ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

Могиле той не откажи
Ни в чём, последуя закону;
Поставь над нею крест из клёну
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечёт;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнёт.

ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображён,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мёртвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, - и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны - ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! Он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

(СТИХОТВОРЕНИЯ: 1837 — 1841 года)

СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... - он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навёл удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно.
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой.
Сражённый, как и он,
безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег
и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет,
завистливый и душный
Для сердца вольного
и пламенных страстей?
Зачем он руку дал
клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам
и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, -
они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шёпотом
насмешливых надежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть и божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегните к злословью;
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благородная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю - за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю
скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам,
вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нём предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружась в веселье шумном,
Не отличая ни кого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдёмся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на чёрной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонёк золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нём были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шёл воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его грустный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жён
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда, что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Ираклий АНДРОНИКОВ

ПОРТРЕТ

(Из книги «Рассказы литературоведа» в сокращении)

Знакомое лицо

Я хочу рассказать вам историю одного старинного портрета, который изображает человека, давно умершего и тем не менее хорошо вам знакомого. История эта не такая старинная, как сам портрет, но, хотя она началась совсем недавно, это всё-таки целая история.

От одного московского издательства я был как-то командирован в Ленинград и пробыл там несколько дней. Событие это, само по себе ничем не примечательно, если бы другое событие не положило начало целому ряду приключений.

Посвятив себя изучению жизни и творчества Лермонтова, я, приезжая в Ленинград, никогда не упускаю случая побывать в Пушкинском доме, где собраны почти все рукописи Лермонтова, где можно видеть его портреты, картины и рисунки, сделанные его рукой, где целая комната уставлена шкафами, в которых хранятся решительно все издания сочинений Лермонтова и литература о нём.

Когда-то я даже служил в Пушкинском доме – по старой памяти пользуюсь там полной свободой и по-прежнему имею доступ в рабочие комнаты.

Так и на этот раз я явился в музейный отдел, к Елене Панфиловне Населенко, и получил от неё разрешение хозяйничать: просматривать каталоги, перелистывать инвентарные книги, самому доставать с полок тяжёлые альбомы и папки.

Бывают же такие неудачи! Не успела Елена Панфиловна отвернуться, как я, пробираясь мимо её стола, смахнул рукавом какую-то разинутую папку с незавязанными тесёмками. Папка шлёпнулась на пол, и тут же высыпалось из неё чуть ли всё содержимое: штук пятнадцать портретов известного педагога Ушинского, гравированный портрет митрополита Евгения, составившего словарь русских писателей, несколько изображений Ломоносова.

- Как это меня угораздило! Прямо слон... - бормочу я, ползая по полу. – Простите, Елена Панфиловна, не сердитесь!

- Ну уж ладно, что с вами делать! – улыбается она. – Давайте-ка папку сюда.

Но я медлю отдать её ей.

- Простите, - говорю. – Разрешите мне ещё разок взглянуть на эти картинки.

- На что они вам?

- Сейчас... - отвечаю я и уже роюсь и роюсь в папке. – Сейчас!..

Неужели это мне только почудилось? Нет, конечно я видел и упустил какое-то ужасно знакомое лицо. Оно мелькнуло, когда папка упала.

- Одну минутку... секундочку... Вот!

И я быстро выхватил из кучи картинок небольшую пожелтевшую любительскую фотографию, изображавшую молодого военного.

Никогда в жизни не видел я этого портрета. Но откуда же тогда я знаю его лицо? Тёмный блеск задумчивых глаз, чуть вздёрнутый нос, тонкие тёмные усы над пухлым детским ртом, упрямый подбородок, высоко поднятые, словно удивлённые брови и ясный, спокойный лоб будто и не согласованы между собой, а лицо между тем чудное, необыкновенное. Из-под накинутой на плечи распахнутой тяжёлой шинели виднеется эполет.

Перевернул. На обороте – надпись карандашом: «Прибор серебряный». И всё! Кто же это?

Это, конечно, он! Я узнал его сразу, словно знаком с ним давно, словно видел его когда-то вот точно таким. Так неужели же это Лермонтов? Неужели это неизвестный нам лермонтовский портрет? И сразу удивление, и радость, и сомнение: Лермонтов?! В куче каких-то случайных картинок... А вот уверен, что он был такой, каким изображён на этой выцветшей фотографии, хотя, по правде сказать, и не очень похож на другие свои портреты. Но всё-таки кто это?

- Елена Панфиловна, это, случайно, не Лермонтов?

- Считается почему-то, что Лермонтов, - отвечает она, и мне уже нечем дышать, - только почему так считается, в точности никому не известно.

И вот смотрю я – и ведь ещё неизвестно, кто это, а уже кажется, словно короче стали сто лет, которые отделяют нас от него, и Лермонтов словно ожил на этой старенькой фотографии. И какая заманчивая тайна окружает его лицо! Сколько лет ему на этом портрете? В каком он изображён мундире? Как попала сюда эта выцветшая фотография и где сам портрей? И на каком основании всё-таки считается, что это Лермонтов?

- Елена Панфиловна, на каком всё-таки основании считается, что это Лермонтов?

- Это фотография, - говорит она, - попала к нам в Пушкинский дом из Лермонтовского музея при кавалерийском училище, очевидно, в 1917 году. Наверно, там её считали репродукцией с лермонтовского портрета. А уж коли вам кажется, что это действительно Лермонтов, вам надо заняться этим вопросом и найти сам портрет. Портрет интересный, - с улыбкой заключила она и, выдвинув ящик каталога, взялась за перо.

«Г 1-08-87»

Итак, прежде всего надо было установить, как попала фотография в музей, на стол к Елене Панфиловне.

...Перелистал инвентарную книгу. Теперь я уже знаю: фотографию с портрета М.Ю.Лермонтова в Лермонтовский музей пожертвовал некий В.К.Вульферт, член Московской судебной палаты.

Как искать этого Вульферта? Жив ли он? В Москве ли? Хранит ли у себя портрет?

«Вульферт А.В., улица Вахтангова, 13, кв. 23, телефон Г 1-08-87» (в Москве).

- Есть!

Поклонник театра Руставели

Вернулся в Москву. И вечером, в тот же день, отправился на поиски Вульферта. В портфеле у меня фотография, переснятая в Пушкинском доме с той фотографии.

Живу, оказывается, от Вульферта на расстоянии одного квартала, крышу дома его вижу из своего окна каждый день и даже не подозревал, что так близко от меня незнакомый лермонтовский портрет.

Удивительно!

Поднимаюсь по лестнице, рассматриваю дощечки на дверях и наконец стучу в дверь 23-й квартиры. Открывает какая-то заспанная старуха.

- Простите, - говорю, - можно видеть Анатолия Владимировича Вульферта?

- Опомнились! Они уже давно не живут здесь.

Я обомлел:

- Да что вы! А где же они?

- Не скажу.

- А у кого же теперь узнать?

- У сына ихнего, у Сашеньки. Он военным инженером работает. Сходите к нему домой. Он и скажет.

- А где он живёт?

...И вот я уже бегу на Новинский.

Дом 23. Квартира, оказывается 17. На двери ящик почтовый. Из ящика высунулся угол газеты «Советское искусство». Ну, думаю, коли здесь искусство в чести, цену портрету знают. Очевидно он цел – невредим.

Звоню. Слышу за дверью шаги и голос мужской:

- Кто?

- Можно видеть Александра Анатольевича?

Замок щёлкнул.

Не успел я ещё и дверь за собою закрыть - уже чувствую, угадываю по вещам: портрет здесь!

В передней, под вешалкой, старинный, с горбатой крышкой баул.

В стенном шкафу – корешки старинных альманахов и книг.

Над шкафом, тут же в передней, старинная картина: пруд и деревья.

Пока я оглядывал переднюю, вышел хозяин квартиры – высокий, красивый, тонкий, чуть-чуть сутулится. Увидел меня – и:

- Ах, простите! Я не знал!.. Я по голосу принял вас за одного моего приятеля... Мне так неловко!

- Помилуйте! Это мне должно быть неловко.

- Позвольте познакомиться: Вульферт.

- Андронников.

Из передней Вульферт ввёл меня в комнату. Я покосился на стены: старинные гравюры, акварели. «Моего» портрета не видно. Наконец я раскрыл свой портфель, вынул из него фотографию и переложил к себе на колени. Затем обратился к Вульферту.:

- Простите, Александр Анатольевич, этот портрет вам знаком?

С этими словами показал ему фотографию.

- Так это же наш Лермонтов! – воскликнул Вульферт. – Откуда он у вас?

- Так это действительно Лермонтов? – удивился, в свою очередь, я. – Неужели он цел? Покажите!

- А я не спросил вас даже, зачем вы зашли, и замучил своими восторгами. Объясните мне, ради бога, откуда у вас фотография?

Я объяснил.

- Восхитительная история! – поражается Вульферт. – Сейчас настанет конец вашим поискам. Портрет где-то здесь в этой квартире. Дед мой очень ценил его и, даже когда жертвовал свою библиотеку и рукописи в Исторический музей, с портретом не захотел расставаться. Кстати, вот фотография деда. А это вот прадед. Рядом с ним прабабка моя, Надежда Владимировна, сестра Николая Станкевича. Другая сестра была замужем за сыном Михаила Семёновича Щепкина. У деда хранился где-то портрет Михаила Семёновича, но теперь я не знаю...

- Погодите, сейчас покажу вам Лермонтова, - сказал Вульферт.

Он заглянул за шкаф. На шкаф. В шкаф. Под шкаф. За ширму. Пошарил за письменным столом. Потом отодвинул диван, сундук в передней...

- Странно! – проговорил он. – Портрет довольно большой, в хорошей овальной раме, писан маслом и, к слову сказать, недурным художником. Ума не приложу, где он. Очевидно мама его куда-то запрятала... Давайте условимся так: через несколько дней моя мать, Татьяна Александровна, приедет из Крыма. Мы с ней отыщем портрет, и я вам сразу же позвоню.

Я записал ему свой телефон и ушёл, оживлённый приятною встречей.

«Вы не расстраивайтесь...»

Прошло две недели. Наконец Вульферт звонит.

- Вы не расстраивайтесь, - предупреждает он с первых же слов. – С портретом произошла маленькая неприятность, и я, в результате чувствую себя виноватым перед вами за то, что невольно вводил вас в заблуждение. Мне прямо не хочется говорить, но портрет, к сожалению, уже не в наших руках и, боюсь, не погиб ли...

Я не мог вымолвить слова.

- Пять лет назад, - продолжал Вульферт, - когда мы переезжали из Николо-Песковского в новую нашу квартиру, моя мать отдала этот портрет одному человеку за совершенный бесценок. Этот паренёк, по имени Боря; раньше он служил в лавке старинных вещей на Смоленском рынке, у старика антиквара. Мама заходила иногда в эту лавку и видела там этого Борю. Потом он раз или два приносил что-то к нам на квартиру и присмотрел для себя овальную раму от лермонтовского портрета, просил продать ему её, но мама отказывалась. И вот в день переезда он снова появился у нас и пристал... ну, прямо с ножом к горлу: продайте ему эту раму! Мама отдала ему раму, потом спохватилась: оказывается, он унёс её вместе с портретом.

- Как фамилия этого Бори? – спрашиваю я.

- К сожалению, мама не знает.

А почему вы говорите, что портрет мог погибнуть?

- Да ведь, очевидно, этот Боря не представляет себе, что в его руках Лермонтов, - ответил Вульферт. – Татьяна Александровна ему ничего не успела сказать. А после этого случая она его не видела. Я очень сожалею, что так получилось. Но если мы что-нибудь узнаем случайно об этом портрете, я вам позвоню.

Мне казалось, что я узнал о гибели дорогого мне друга.

Однако если этот Борис не знает, что купил Лермонтова, то портрет не обнаружится сам. На это надеяться нечего. Портрет нужно искать, искать упорно, настойчиво! Если у меня мало данных, чтобы продолжать мои поиски, значит нужно собирать эти данные. И прежде всего порасспросить Вульферов об этом бесфамильном Борисе.

Я отправился к Вульфертам.

На этот раз меня встретила немолодая, но статная черноволосая женщина с умными серо-голубыми глазами.

- Знаю, знаю всё! – ответила она с живостью, как только услышала мою фамилию. – Саша мой мне всё рассказал: «Приходил, - говорит. – Так интересно мы с ним поговорили». Я как узнала, что он начал прямо с театра, так ему и сказала: «Ты его, верно, заговорил до смерти, он больше к нам не придёт!». Я и то удивляюсь, что вам не противно с нами возиться, - продолжала она, жмурясь с шутливым неудовольствием. – Ведь с этим портретом я и сама себе места не нахожу, а уж будь я в вашем положении, я прямо с ума бы сошла!

- А как, – спрашиваю, - унёс Борис эту раму?

- Да очень просто! – смеётся Татьяна Александровна. – Взял под мышку да и понёс. Она не тяжёлая... И откуда он тут вывернулся, никак не пойму, - недоумевает она. – Нагрузили, значит, машину полную, а Саша куда-то побежал и все деньги унёс с собой. Шофёру платить нечем. И вдруг тут этот Борис, эдакий вертлявенький, белобрысенький, шепелявенький: «Отдайте мне рамощку жа пятьдещат!». – Да ну вас совсем! – говорю. – Берите!

Он сунул мне деньги и унёс. Хватилась – милые мои! – утащил вместе с портретом... В тридцать пятом году, - припоминает она, - Борис этот работал в Торгсине кассиром в колбасном отделе. Раньше-то он мне часто на глаза попадался, а с тех пор как портрет купил, как в воду канул: верно, боится меня. Вот встретила бы его – мигом бы к вам отрядила моего Александра, и достали бы вы портрет за милую душу...

Тут стало мне казаться, что всё ещё можно поправить: так успокоительно действовала на меня певучая московская речь Татьяны Александровны.

Встреча в комиссионном магазине.

Обошёл я комиссионные магазины Москвы. Расспрашивал, не встречал ли кто по комиссионным делам шепелявого Бориса.

- Как фамилия? - спрашивают.

- Фамилию-то как раз и не знаю.

- Трудно сказать, - отвечают. – В Москве много Борисов.

Выкладывал перед ними фотографию с бывшего «вульфовского» портрета:

- Не попадал к вам этот портрет?

- Не попадал.

- Если поступит к вам на комиссию, не откажите сообщить мне по телефону.

Побывал с этой фотографией в Литературном музее. Просил позвонить, если портрет принесут к ним.

Встречаю знакомых, советуюсь с ними, как разыскать Бориса.

Заглянул к Вульфертам. Татьяна Александровна дома.

- Как живёте, Татьяна Александровна?

- Не спрашивайте!

- Что так?

- Я всё погубила.

- Что погубила?

- Ваш портрет.

- То есть как «мой» портрет погубили?

- Да вы слушайте!.. Зашла я как-то в Столешников переулок, в комиссионный. Только вхожу, вдруг вижу – среди публики Борис этот самый! Я как крикну: «Боренька! Боря!» - и прямо к нему. Даже самой неловко. Он обернулся. «Я, - говорю, - Татьяна Александровна Вульферт, из Николо-Песковского. Неужели не помните?». А он смотрит на меня телячьими своими глазами. «Помню - говорит.- Я у вас рамощку купил». – «Шут с ней, с этой рамочкой! – говорю. – Вы мне портрет верните. Это портрет нашего предка и не мне принадлежит, а моему брату. (Это я нарочно. А то сказать ему: «Лермонтов» - не отдаст!) Брат меня, - говорю, - поедом ест каждый день, требует портрет обратно». И слышу тут я от него, что портрет он какому-то художнику отдал, и у того он за шкафом валяется. А раму кому-то другому уступил. Я как узнала, что цел портрет, прямо взмолилась: «Продайте его мне!» А он смеётся: «Если я вам портрет принесу, вы мне за него миниатюры отдадите?» Я согласилась. «Пускай, - думаю, - миниатюры даром берёт». Условились, что он на другой день принесёт мне портрет. Записала ему новый адрес... И вот сижу жду его, жду – три недели прошло, а его нет!

- А вы фамилию узнали? – торопливо спрашиваю я.

- Вот то-то, что нет.

- Ах, как же так?

- Да я спросила, а он говорит: «Вам ведь не фамилию мою к брату нести, а портрет. Не волнуйтесь, завтра приду»... Да бросьте вы хмуриться! – уговаривает меня Татьяна Александровна. – Главное, портрет цел. А уж если мне попадётся теперь этот Борис, силой заставлю сказать фамилию, к милиционеру сведу. Одного только боюсь: не вздумал бы этот художник расчищать холст. Ведь там под мундиром у Лермонтова, будто ещё виднеется что-то. Знакомый художник один к нам ходил, всё просит, бывало: «Татьяна Александровна, дайте кусочек отколупнуть, посмотреть, что там просвечивает!»

- Позвольте... А что же там может просвечивать? – спрашиваю я в испуге.

- И говорю ему: «Душа там, наверно, просвечивает». Уж не знаю, что он там нашёл, только ковырять я ему не позволила.

- Ничего, - отвечаю я многозначительным тоном. – Отыщем – проверим, в чём дело. Только бы отыскать портрет поскорей! Остальное нетрудно.

Николай Палыч

Время идёт – портрета нет. Нет ни портрета, ни Бориса, ни адреса художника у которого портрет за шкафом. Знакомые интересуются:

- Нашли?

- Нет ещё.

- Что-то вы долго ищите? Портрет, наверно, давно уже ушёл в другие руки. Кто же станет Лермонтова за шкафом держать!

Я объясняю:

- Так ведь нынешний владелец не знает, что это Лермонтов.

- Ну-у... - тянут разочаровано, - в таком случае, вряд ли найдёте.

- Ладно, - думаю, - докажу им!

А доказать нечего.

Решил я тогда потолковать на эту тему с Пахомовым, с Николай Палычем.

Николай Палыч среди московских музейных работников пользуется известностью и авторитетом.

А уж что касается Лермонтова, то никто лучше Пахомова не знает портретов Лермонтова, рисунков Лермонтова, иллюстраций к произведениям Лермонтова, музейных материалов, связанных с именем Лермонтова. По этой части Николай Палыч осведомлён лучше всех. А тут я ещё узнаю, что он работает над книгой «Лермонтов в изобразительном искусстве». «Дай, – думаю, - зайду к нему. Сперва удивлю его новым портретом, а потом посоветуюсь».

Сговорился с ним по телефону и пошёл к нему вечерком.

- Николай Палыч, - обращаюсь к нему с напускным равнодушием, - какого вы мнения об этом портрете?

И с этими словами поднимаю фотографию над стаканом, чтобы Николай Палычу лучше её разглядеть. Улыбаюсь. Жду, что он скажет.

- Минуточку, - произносит Николай Палыч. – Что-то не вижу, родной, без очков на таком расстоянии.

Он протягивает руку к письменному столу.

- Вы говорите об этом портрете? – и показывает мне фотографию, такую же точно.

Я не мигая смотрю, надеясь отыскать в ней хоть небольшое отличие. Нет! Никакой решительно разницы! Так же виднеется серебряный эполет из-под воротника шинели, так же удивлённо приподняты брови у Лермонтова, и глаза смотрят сосредоточено и серьёзно. Такой же нос, и губы, и волосы. Даже сам размер фотографии точно такой же!

Первое мгновение ошарашило меня, как нечаянный выстрел. В следующий миг и портрет, и Борис, и комиссионные магазины, и разговоры в музеях показались мне пресными, никому уже больше не нужными, как вчерашние сны.

Молчим, я прокашлялся.

- Любопытно, - говорю. – Совершенно одинаковые!

Пахомов положил фотографию на стол и улыбнулся.

- М-да! – сказал он коротко.

Мы прихлебнули чаю.

- Откуда у вас фотография? – помолчав, спрашивает Николай Палыч.

- Пушкинский дом. А ваша?

- Исторический музей.

- Там оригинал?

- Нет, фотография. Оригинал был у Вульферта.

Всё знает! В какое глупое положение я поставил себя!

Снова отхлебнули чаю и снова молчим. Наконец я решаюсь заговорить:

- Что вы думаете, Николай Палыч, об этом портрете? По-моему, интересный.

- Согласен, - отвечает Пахомов. – Весь вопрос только в том, чей портрет!

- То есть как «чей»? Понятно, чей: Лермонтова!

- Простите, а откуда вы знаете?

- Ниоткуда не знаю, - говорю. – Я только делаю выводы из некоторых признаков. Например, офицер этот необыкновенно похож на мать Лермонтова. Вы ведь, наверно, помните, что Краевский, бывший с Лермонтовым в дружеских отношениях, говорил, что более чем на свои собственные портреты, Лермонтов был похож на портрет своей матери. Помните, Висковатов в своей биографии Лермонтова приводит слова Краевского: «Он походил на мать свою, и если, - говорил Краевский, указывая на её портрет, - вы к этому лицу приделаете усы, измените причёску да накинете гусарский ментик – так вот вам и Лермонтов...» Поверьте, Николай Палыч, - продолжал я, - что я уже прилаживал усики к лицу матери

Лермонтова и ментик пристраивал – и сходство с «вульфертовским» портретом получается просто поразительное. И это сходство можно объяснить, по-моему, только в том случае, если на портрете изображён её собственный сын – Михаил Юрьевич Лермонтов.

- Предположим, - допускает Пахомов.

- Затем, - продолжаю я, - очевидно, у Вульферта были какие-то основания считать этот портрет лермонтовским. Не стал бы он держать его у себя, да ещё жертвовать фотографии в музеи, если бы ему самому он казался сомнительным. И, наконец, Лермонтов изображён здесь, очевидно, в форме Гродненского гусарского полка. В пользу этого говорит серебряный эполет на портрете, потому что в остальных полках, в которых пришлось служить Лермонтову – в лейб-гвардии Гусарском, в Нижнегородском драгунском и в Тенгинском пехотном, - прибор был золотой.

- Вы кончили? – спрашивает Пахомов. – Тогда позвольте возразить вам. Прежде всего, я не нахожу, что этот офицер похож на мать Лермонтова. Простите меня, но это аргумент слабый. Вам кажется, что похож, мне кажется – не похож, а ещё кому-нибудь покажется, что он похож на меня или на вас. Мало ли кому что покажется. Нужны доказательства.

А я думаю: «Кажется, он прав. Действительно, это не доказательство».

- Вы ссылаетесь на мнение Вульферта, - продолжает Пахомов. – А я вам покажу сейчас фотографии портретов, которые их владельцы тоже выдавали за лермонтовские... Вот, полюбуйтесь.

И он протягивает мне две фотографии. На одной торчит кретин, узкоплечий, туполобый и равнодушный. На другой – пучеглазый, со щетинистыми усами и головой, втянутой в плечи, с гримасой ужасного отвращения курит длинный чубук. И впрямь, даже оскорбительно подозревать в этих изображениях Лермонтова! И снова я вынужден согласиться: мало ли что Вульферт считал...

- Что же касается формы, - продолжает неумолимый Николай Палыч, - по фотографии, конечно её определить невозможно, но вспомните, что серебряные эполеты носили во многих полках, не в одном только Гродненском. Лично я остерегался бы делать какие-либо выводы на основании столь шатких соображений. А теперь, родной, скажите по-честному... - и Николай Палыч дружески улыбается, - скажите, положа руку на сердце: какой же это Лермонтов? Да возьмите вы его достоверные изображения! Разве есть в них хоть капля сходства с этим портретом?

- Есть, конечно.

- Ну в чём же? – недоумевает Пахомов. – Как вы докажите это?

Молчу. Доказать нечем.

СУЩЕСТВО СПОРА

Вышел на улицу, словно ошпаренный.

Неужели же я ошибся? Неужели это не Лермонтов? Не может этого быть! Выходит, напрасно старался. Досада ужасная!

А я уже представлял себе, как Лермонтов, такой, каким он изображён на этом портрете, ранней весною 1838 года приехал на несколько дней в Петербург. Служба в военных поселениях близ Новгорода, где расквартирован Гродненский полк, подходит к концу. Бабушка хлопочет через влиятельных лиц при дворе. Со дня на день можно ожидать перевода обратно в Царское Село, в лейб-гвардии Гусарский полк. И, прежде чем навсегда снять мундир гродненского гусара, Лермонтов уступил, наверно, просьбам бабушки и согласился посидеть перед художником.

Портрет, судя по фотографии, очень хороший. Очевидно, бабушка пригласила известного живописца.

Вот Лермонтов воротился на несколько дней в город, откуда за год перед тем за стихи на смерть Пушкина был сослан в Кавказскую армию. Он возмужал. Путешествие по странам Кавказа, встречи с новыми людьми в казачьих станицах, в приморских городишках, у минеральных источников, скитания по дорогам кавказским исполнили его впечатлений необыкновенных, породили в нём смелые замыслы.

Уже приходила ему мысль описать свои впечатления в романе, обрисовать в нём трагическую судьбу умного и талантливого человека своего времени, героя своего поколения.

Разве не можем мы прочесть эти мысли на «вульфертовском» портрете?

Почему мы разошлись с Пахомовым во мнениях об этом портрете? Да потому, очевидно, что по-разному представляем себе самого Лермонтова.

Правда, в этом нет ничего удивительного: даже знакомые Лермонтова расходились во мнениях о нём. Те, кто сражался и странствовал с ним рядом, рассказывали, что Лермонтов был предан своим друзьям и в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности. Но многим он казался заносчивым, резким, насмешливым, злым. Они не угадывали в нём великого поэта под офицерским мундиром и мерили его своею малою меркой.

Так почему же я должен согласиться с Пахомовым? Разве он представил мне какие-нибудь неопровержимые данные? Но если бы у меня серьёзные доказательства были, тогда Пахомову пришлось бы согласиться. Значит, надо отыскать портрет, во что бы то ни стало.

ВЫСТАВКА В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

Звонят мне однажды по телефону, приглашают в Литературный музей на открытие лермонтовской выставки.

- Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, наш директор, очень просит вас быть. Соберутся писатели, товарищи с кинофабрики, корреспонденты.

Потом позвонил Пахомов:

- Хорошо, если бы вы завтра зашли. Нам с Михаилом Дмитриевичем Беляевым удалось отыскать для выставки кое-что любопытное: неизвестные рисунки нашлись, книжечка с автографом Лермонтова.

Я пришёл, когда уже расходились.

- Поздновато, поздновато! – с любезной улыбкой приветствовал меня Пахомов и гостеприимно повёл меня в залы.

Несколько опоздавших, закинув голову, рассматривали портреты, картины, скульптуры.

- Это потом поглядим, - проговорил Пахомов. – Начнёмте лучше отсюда.

И повёл сразу во второй зал.

Передо мной висел «вульфовский» портрет в скромной овальной раме. Подлинный, писанный масляными красками. Так же, как и на фотографии, виднелся серебрянный эполет из-под бобрового воротника офицерской шинели, и Лермонтов смотрел поверх моей головы задумчиво и печально.

- Падайте! – воскликнул Пахомов, жмурясь от дружелюбного смеха и протягивая ко мне обе руки, словно я падал.

Я стою молча, чувствую, как краснею, и в глубоком волнении разглядываю портрет, о котором так долго, так неотступно мечтал. Я растерян. Я почти счастлив. Но какая-то тайная досада омрачает мне радость встречи. К чему были все мои труды, мои ожидания, волнения? Кому и какую пользу принёс я? Всё даром!

- Что ж, сударь мой, не скажете ничего? – спрашивает меня Беляев.

- Он онемел от восторга, - с улыбкой отвечает Пахомов.

- Дайте, дайте ему рассмотреть хорошенько! – требует Бонч-Бруевич. – Всё-таки, можно сказать, из-за него портрет куплен.

- Почему из-за меня? – оживляюсь я.

- Это потом! – машет рукой Пахомов. – Как купили, я расскажу после. Скажи лучше: каков портрет?

- По-моему, превосходный.

- Портрет недурной, - соглашается Пахомов. – Только ведь это не Лермонтов, теперь уже окончательно.

- Как – не Лермонтов? Кто же?

- Да просто себе офицерик какой-то.

- Почему вы решили?

- Да по мундиру.

- А что же с мундиром?

- Офицер инженерных войск получается, вот что! Поглядите, дорогой мой: на воротнике сюртука у него кант... красный! А красные выпушки и серебряный прибор были в те времена в инженерных войсках. Тут уж ничего не поделаешь.

- Значит?..

- Значит, ясно: не Лермонтов.

- Так зачем же вы его повесили здесь?

- Да хоть ради того, что бы вам показать, услыхать ваше мнение. Хоть и не Лермонтов, а пока пусть себе повесит. Он тут никому не мешает.

- А по-моему, Николай Палыч, тут ещё всё-таки не до конца ясно...

Пахомов мотает головой:

- Оставьте!..

СЕМЕЙСТВО СЛОЕВЫХ

Оказалось, портрет попал в Литературный музей всего лишь за несколько дней до открытия выставки.

Пришла в приёмную музея старушка, принесла четыре старинные гравюры и скатанный трубочкой холст. Предложила купить. Развернув, предъявила портрет молодого военного, который оценила в сто пятьдесят рублей.

Закупочная комиссия приобрела гравюры, а портрет неизвестного офицера решила не покупать. Зашла старушка за ответом. Ей возвращают портрет:

- Не подходит.

Разложив на столе газету, старушка уже собиралась снова скатать холст в трубочку, но тут как раз в комнату вошёл Михаил Дмитриевич Беляев. Увидев в руках старушки портрет, он заявил, что это тот самый, который разыскивает Андроников и фотографию с которого приносил в Литературный музей. Для точности заметил, что Андроников считает портрет лермонтовским, хотя Николай Палыч Пахомов держится на этот счёт совершенно иного мнения. Вошедший вслед за ним Николай Палыч стал настаивать, что бы портрет непременно приобрели. И тогда Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич распорядился купить. После этого портрет был внесён в опись музея под № 13931.

Спрашиваю в музее:

- Что за старушка?

- Слоева Елизавета Харитоновна.

- Где живёт?

- Здесь, в Москве, Тихвинский переулок, одинадцать.

Поехал в Тихвинский переулок.

- Слоеву Елизавету Харитоновну можно?

- Я Слоева.

- Вы продали на днях портрет в Литературный музей?

- Я.

- Откуда он у вас?

- Старший сын дал.

- А где ваш старший сын?

- В той комнате бреется.

- Простите, товарищ Слоев. Где вы достали портрет?

- Младший братишка принёс. Он сейчас войдёт... Коля, расскажи товарищу, откуда взялся портрет.

И тот Коля, студент железнодорожного техникума, рассказал мне конец моей многолетней истории:

Ломали сарай деревянный у нас во дворе. Выбросили ломаный шкаф и портрет. Иду по двору, вижу: детишки маленькие верёвку к портрету прилаживают, мокрого кота возить собираются. Я говорю: «Не стыдно вам, ребята, с портретом баловаться! Что вы, из себя несознательных хотите изображать?» Забрал у них портрет и положил на подоконник на лестнице. А старший брат шёл. «Эдак, - говорит, - от парового отопления покоробятся и холст и краски». Снёс я портрет домой, брат починил, где порвано, подреставрировал своими силами, протёр маслом и повесил. А потом мама говорит: «Это какой-то хороший портрет. Снесука я его в музей, предложу».

- А кому принадлежал шкаф из деревянного сарая? – спрашиваю я.

- Художнику Воронову.

- Где этот Воронов?

- Умер два года назад. А вещи его – портрет, шкаф – сложили в сарай.

Концы истории с портретом сошлись. Так я узнал наконец, что все эти годы портрет пролежал в Тихвинском, за шкафом у художника Воронова.

ОТВЕТ ИЗ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Вышла книга Пахомова. «Вульфертовский» портрет был воспроизведён в ней в отделе недостоверных. «Изображённый на портрете офицер мало чем напоминает Лермонтова, - прочёл я на 69-й странице. – Только лоб и нос на этом портрете имеют отдалённое сходство с Лермонтовым».

Дочитал я до этого места, задумался.

Раньше мне казалось, что самое главное – найти портрет. Теперь он в музее, а главное не решено и решено, вероятно, не будет. И хотя я по-прежнему верю, что это Лермонтов, доказать это я, очевидно, не в силах. Годами, десятилетиями будет стоять портрет в тёмном шкафу, и тысячи пылких, вдохновенных читателей Лермонтова никогда не взглянут на его необыкновенное лицо. Великий поэт по-прежнему будет скрыт под военным мундиром. Этот мундир не снимешь...

Не снимешь? А если всё-таки попытаться?

Татьяна Александровна Вульферт говорила, что под мундиром что-то виднеется. Если портрет реставрировался, как знать... может быть, поверх сюртука был написан другой сюртук, с другими кантами.

Пришёл в Литературный музей, в отдел иконографии. Обращаюсь к сотрудникам:

- Можно посмотреть «вульфертовский» портрет Лермонтова, который висел на выставке?

- Какой?

- Вульфертовский, Вульфертам раньше принадлежал.

- Нет у нас такого.

- Ну, слоевский, который у Слоевой куплен.

- В первый раз слышим.

И вдруг одна молоденькая сотрудница восклицает:

Так это, наверно, он говорит про андрониковский, фальшивый!

Я покраснел даже.

Выдали мне портрет. И снова я подивился выражению лица – ясного, благородного, умного.

Поднёс к окну. Действительно, под серебряной пуговицей шинели и под воротником в одном месте что-то просвечивает.

Попросил лупу. Вглядываюсь. Действительно, так и кажется – под зелёной шинелью сквозь трещинки в краске что-то виднеется. Словно шинель и сюртук написаны поверх другого мундира.

А вдруг, думаю, этот мундир соответствует форме Нижегородского, Тенгинского или Гродненского полков, в которых Лермонтов служил, когда отбывал ссылку?

Выяснить это можно только с помощью рентгеновских лучей. Ведь именно благодаря им художник Корин обнаружил недавно в Москве знаменитую Форнарину. Рентген показал, что фигура её скрыта одеждой, которая написана позже. Корин снял верхний слой красок с картины и открыл творение Джулио Романо, ученика Рафаэля.

- Нельзя ли, - спрашиваю, - просветить портрет рентгеновскими лучами?

- Отчего нельзя? Можно. Пошлём его в Третьяковскую галерею, там просветят.

Послали портрет в Третьяковскую. Я наведывался в музей каждый день, ждал ответа.

Наконец портрет возвратили с приложением бумажки. Смысл её был таков:

«Ничего под мундиром не обнаружено». И подпись профессора Торопова.

ГЛАЗА ХУДОЖНИКА

...Портрет сфотографировали в инфракрасных лучах и с лицевой стороны и с обратной. Но и этим способом ничего невидимого так и не обнаружили.

Не оправдались мои расчёты!

...Э, - думаю, - лучи лучами, а это искусство. Здесь нужен живой человек. Посоветуюсь с Кориным. Это художник замечательного таланта, тончайшего вкуса, глаз у него острый. Поможет!

Позвонил ему, попросил зайти в Литературный музей.

Встретились. Привёл его к портрету.

- Вот говорю Павел Дмитриевич, хочу услышать ваше мнение: может ли тут оказаться под мундиром другой мундир или нет? Ни рентген, ни ультрафиолетовые лучи, ни лучи инфракрасные ничего не показывают.

- А чего вы хотите узнать? – тихим голосом и неторопливо спрашивает Корин.

- Хочу установить, кто изображён на портрете.

- Так мне кажется, это довольно ясно: Лермонтов, очевидно?

- Позвольте, как вы узнали?

- По лицу узнаю: похож! А по-вашему, кто это?

- И по моему, тоже Лермонтов.

- Так в чём же дело?

- Дело в том, что у меня нет доказательств.

- Как же нет! Главное доказательство – сходство.

- Но ведь сходство – не документ!

- Так вы же не спрашиваете у знакомых документ, прежде чем поздороваться с ними, - так узнаёте! – улыбается Корин.

- Верно! Но согласитесь, Павел Дмитриевич, - отвечаю, - сходство можно оспаривать. Есть люди, которые с вами и со мной не согласны. Считают, что не похож.

- Как же так - не похож? – недоумевает Корин. – Овал, пропорции, черты лица – лермонтовские. Писано с натуры. В хорошей манере. В тридцатых годах. Мастер безусловно очень умелый. А почему, собственно, вас интересует, есть ли другой мундир?

- Да этот мундир не подходит.

- Ах вот что! Понятно! Но, к сожалению, чужой кисти здесь нет, - озабоченно говорит Корин. – Снизу, кое-где видны мелкие авторские поправочки. И всё. Расчищать портрет незачем. Вы его только испортите.

- Что же вы посоветуете?

- Поищите другой способ утвердиться в вашей точке зрения. Такой способ, мне кажется, должен существовать. Идите от лица, от сходства. У меня лично оно сомнений не вызывает.

ВТОРАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

В то время, когда я ещё жил в Ленинграде и работал в Пушкинском доме, сдружился с Павлом Павловичем Щеголевым.

...Это был молодой профессор очень талантливый историк, человек великолепно образованный, острый.

У него я познакомился с его другом – известным юристом, профессором Ленинградского университета Яковом Ивановичем Давидовичем.

Сидя в кабинете у Щеголева, я не раз бывал свидетелем необыкновенной игры двух друзей. Яков Иванович ещё в передней, ещё потирает руки с мороза, а Пал Палыч уже посылает ему свой первый вопрос:

- Не скажите ли вы, дорогой Яков Иванович, какого цвета были выпушки на обшлагах колета лейб-гвардии Кирасирского её величества полка?

- Простите, Пал Палыч, это детский вопросик, - снисходительно усмехается Яков Иванович, входя в комнату и раклaниваясь. – Что выпушки в Кирасирском полку были светло-синие, известно буквально каждому. А вас, в свою очередь, дорогой Пал Палыч, я попрошу назвать цвет ментика Павлоградского гусарского полка, в котором служил Николай Ростов.

- Зелёный, - отвечает ему Пал Палыч. – А султаны в лейб-гвардии Финляндском?

- Чёрные!

- А ответьте мне, дорогой Яков Иванович, в каком году сформирован Литовский лейб-гвардии полк?

- Если мне не изменяет память, в тысяча восемьсот одинадцатом.

- А в каких боях он участвовал?

- Бородино, Бауцен, Дрезден, Лейпциг. Я называю только те сражения, в которых он отличился. Я не сказал ещё, что этот полк одним из первых вошёл в Париж.

- Яков Иванович, этого, кроме вас, никто не помнит! Вы гигант! Вы колоссальный человек! – восхищается Пал Палыч.

По правде сказать, эти восторги были мне недоступны. Я ничего не знал ни о выпушках, ни о ташках, ни о вальтрапах, в специальных вопросах военной истории был не силён. Я уставал следить за этой игрой, начинал потихоньку зевать и прощался. Теперь, размышляя о портрете, я всё чаще вспоминал о необыкновенных познаниях Якова Ивановича.

«Если, - рассуждал я, - Корин прав:

1) Если о поисках другого мундира надо забыть (а в этом Корин прав безусловно);

2) Если исходить из того, что это всё-таки Лермонтов, то остаётся –

3) Подвергуть изучению мундир, в котором Лермонтов изображён на портрете».

Одному мне в этом вопросе не разобраться. И специально, чтобы повидать Давидовича, предварительно изложив ему свою просьбу по телефону, поехал я в Ленинград.

Прихожу к нему домой, спрашиваю ещё на пороге:

- Яков Иванович, в форму какого полка мог быть одет офицер в девятнадцатом веке, если на воротнике у него красные канты?

- Позвольте... что значит красные? – возмущается Яков Иванович. – Для русского мундира характерно необычайное разнообразие оттенков цветов. Прошу пояснить: о каком красном цвете вы говорите?

- Об этом! – отвечаю я. – И протягиваю клочок бумаги, на котором у меня скопирован цвет канта.

- Это не красный и никогда красным не был! – отчеканивает Яков Иванович. – Это самый настоящий малиновый, который, сколько мне помнится, был в лейб-гвардии стрелковых батальонах, в семнадцатом уланском Новомиргородском, в шестнадцатом Тверском драгунском и в лейб-гвардии Гродненском гусарском полках. Сейчас я проверю...

Он открывает шкаф, перелистывает таблицы мундиров, истории полков, цветные гравюры...

- Пока всё правильно, - подтверждает он. – Пойдём дальше... Если эполет на этом мундире кавалерийский – в таком случае стрелковые батальоны отпадают. Остаются драгуны, уланы и Гродненский гусарский полк. Тверской и Новомиргородский тоже приходится исключить: в этих полках пуговицы и эполеты «повелено было иметь «золотые». А на вашем портрете дано серебро. Следовательно, это должен быть Гродненский... А как выглядит сам портрет?

Я показываю ему фотографию.

- Вы дитя! – восклицает Яков Иванович. – Это же сюртук кавалериста тридцатых годов. В то время в Гродненском полку введены перемены и на доломаны присвоены синие выпушки. Но сюртуки оливкового цвета сохранены по 1845 год, и до 1838 года на них оставался малиновый кант. В этом вы можете убедиться, просмотрев экземпляр рисунков, специально раскрашенных для Николая Первого...

Итак, - заключает Яков Иванович, складывая книги высокими стопками, - всё сходится в пользу Гродненского.

- Яков Иванович, - восклицаю я, - вы даже не знаете, какой важности сообщение вы делаете! Ведь на основании ваших слов получается, что это Лермонтов.

- Простите, - останавливает меня Яков Иванович, - этого я не говорю! Пока установлено, что это офицер гусарского Гродненского полка. И не больше. А Лермонтов или не Лермонтов – это не по моей части.

МЕТОД ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Гродненский гусар! Круг людей, среди которых жил этот офицер, сузился теперь до тридцати – сорока человек: офицеров в Гродненском полку в 30-х годах было не больше...

Кажется, уже близок конец. И тем не менее вот тут-то и непонятно, что делать дальше.

Вернулся в Москву. Снова ломаю голову. Снова сижу и смотрю на фотографию, словно жду, что она заговорит. Конечно, было бы недурно, если бы портрет сам сказал, с кого он писан.

Снова отправляюсь с портретом в криминалистическую лабораторию.

- А что вы, собственно, хотите узнать? – спрашивают у меня. Я объясняю:

- С мундиром всё уже выяснил. Теперь помогите опознать изображённую на портрете личность: Лермонтов, в конце концов, или не Лермонтов?

- Знаете что, - говорят, - посоветуйтесь с Сергеем Михайловичем. Может быть, он и возьмётся. Если уж он даст заключение – ваши сомнения будут разрешены.

- А кто такой Сергей Михайлович?

- Как? Вы не знаете? Это профессор Потапов! Учёный с мировым именем, один из основоположников русской криминалистики, лучший знаток судебной фотографии, создатель научного почерковедения, высший авторитет в области криминалистической идентификации! Он, кстати, любит разные сложные, запутанные вопросы и, вероятно, заинтересуется вашим портретом...

- Сергей Михайлович, можно к вам?

И вводят меня в кабинет.

За столом - пожилой человек с волосами, гладко зачёсанными наверх, с короткой седой бородкой. На спокойном, умном лице – карие глаза, живые и быстрые... Выслушал он мою просьбу внимательно, пристально рассмотрел портрет, тонким голосом задал несколько вопросов. Наконец обратился к своим сотрудникам.

- Попробуем применить к данному случаю учение об идентификации на основе словесного портрета, - сказал он. И мне: - Попрошу вас доверить нам этот портрет, прислать репродукции со всех имеющихся изображений этого же лица и дать нам месяц сроку...

ОТВЕТ ПРОФЕССОРА ПОТАПОВА

Прошёл месяц. И вот мне вручают пакет и письмо на моё имя. Разрываю конверт и первое, что вижу, - заглавие:

«Мнение профессора Потапова...

С целью осуществления попытки решить поставленный вопрос путём сравнения признаков лица... с имеющимися образцами несомненных изображений Лермонтова, были рассмотрены существующие репродукции с его известных портретов...

При наложении этих диапозитивов один на другой и рассматривании их на просвет...следует высказать мнение, что доставленный тов. Андрониковым портрет масляными красками представляет один из портретов М.Ю. Лермонтова...».

- Какая радость, - думаю я. – Какая замечательная работа! Выдающийся советский криминалист, впервые в истории криминалистики. Взялся за опознание личности неизвестного офицера на живописном портрете прошлого века, и с каким блеском продемонстрировал он точность криминалистических методов!

Потапов опасался, что если художники нарушили пропорции между отдельными чертами лица, то, стало быть, портреты не похожи на оригинал и при сличении их ничего не получится. Но, к счастью, всё получилось.

И я продолжаю с огромным волнением и радостью рассматривать это волшебное слияние двух разных изображений в одно живое лицо. Как удивительно изменились глаза! Рассеянный, задумчивый взгляд «вульфертовского» портрета сделался пристальным и сосредоточенным и, кажется, устремлён теперь прямо на вас. Какое счастье, что оба художника были верны натуре! Соблюдая реальные соотношения лица, они с большой точностью запечатлели черты великого своего современника.

...Гляжу я на этот портрет и только теперь, когда уже окончены поиски и собраны доказательства, могу сказать вам, как сильно полюбил я его, и как трудно было бы мне приучить себя к мысли, что это не Лермонтов. Сколько лермонтовских стихов, сколько представлений о живом Лермонтове связал я с этим благородным изображением!

Скажем же о нём на прощание словами самого Лермонтова:

«...Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мёртвый, не совсем живой...»
1962 г.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг – профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, член Центрального совета ВОПД «Духовное наследие» с 1999 г., советник Атамана Центра возрождения казачества с 1998 г., генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. в с. Олешня Корюковского района Черниговской области; окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. В 1999 г. баллотировался кандидатом в депутаты Государственной Думы РФ от ВОПД «Духовное наследие»; женат, имеет сына и дочь.

Ради славы Отечества!

За его трудовую жизнь пройдено немало сложных армейских дорог и всё, как шутит Иван Иванович Кожемяко, «по задворкам Российской Империи». Только 21 место службы осталось за плечами, да в сердце, да в неугомонной памяти, которая и сегодня не дает ему покоя и подвигает на многие достойные для человека поступки.

В Афганистане, Среднеазиатском военном округе, где ему пришлось прослужить более 11 лет, в Закавказье, в молодости – в Белоруссии, совсем немного – в Северо-Кавказском военном округе – везде, куда заносили автора непредсказуемые дороги армейской службы, он умел мастерски, добротно делать самое главное из человеческих дел – служить, до самоотречения, людям, всегда отдавать им огонь своего пламенного сердца, воспринимать их боли всегда острее, чем собственные.

За это его уважали и любили товарищи по службе, а для друзей он был всегда тем нравственным ориентиром, к которому стремиться и всем должно.

Вот как о нем отзываются его коллеги:

Иван Иванович в войсках занимал ключевые должности, всегда работал с людьми, был начальником политотдела соединения, завершил службу на ответственнейшем и многотрудном посту начальника отдела организационно-партийной работы Политуправления Сухопутных войск.

Это – организатор работы огромного коллектива, особая роль, требующая много души, совести и человеколюбия, сопереживания и внимания к людям.

Здесь, в наибольшей мере, раскрылись его дарования и прирождённые качества лидера, крупного организатора политической работы, талантливого педагога и воспитателя масс.

Сегодня об этом уже можно сказать открыто – утекло много воды и событий прошумело столько, что хватило не на одну судьбу, а на весь многострадальный народ России – в составе Сухопутных войск, которыми в ту пору руководил талантливый и мужественный полководец – Герой Советского Союза генерал армии Варенников Валентин Иванович – Вы, уважаемые читатели, только вслушайтесь в это – было более 1 млн. 600 тыс. человек, только коммунистов – более 300 тыс., и всеми проблемами по организации работы с ними занимался Иван Иванович. И, следует отметить, занимался достойно, прилежно, совестливо.

Мы, командующие армиями и даже старшие воинские начальники, не говоря уже о Членах Военных Советов объединений и военных округов, оказавшись в Москве, в первую очередь стремились увидеться с Иваном Ивановичем, так как твёрдо знали, что он и поддержит, и поможет, и посоветует, и вдохновит.

Прошёл автор и через страшные для любого совестливого человека испытания, через сотворённые лукавыми властителями кровавые трагедии на своей земле. Это и Алма-Ата, и Баку, Тбилиси, Вильнюс, Степанакерт, Ош и Фергана, Чечня...

И везде Иван Иванович делал всё, от него зависящее и что только было в человеческих силах, по предотвращению кровопролития и примирению заблудших сторон, но ведь детей Отечества.

Подлинный интеллектуал, человек высоких художественных дарований он немало сделал и на ниве творчества. Его совестливому перу принадлежит множество публикаций, интересных и актуальных книг, среди которых особое место занимают: «Я мыслю, значит – существую», «Чечня: пять лет спустя», «Письма к сыну» – два тома, более тысячи страниц «Собственных мыслей вслух», в которых автор, своим изболевшимся сердцем, пытается понять сам и делится с нами теми тревогами и сомнениями, которых, в избытке стало хватать на каждого после чудовищного злодейства и поругания родной земли, судьбы народа в окаянное время, начавшееся с 1985 года, года начала горбачёвского предательства.

Было уничтожено Великое Отечество, которому мы присягали и которому всегда хранили верность. По меньшей мере – большинство из нас.

И в этих непростых условиях генерал-майор казачьих войск Кожемяко И. И. всегда истово служил Отечеству нашему, Великой Родине, своим товарищам, спешил поддержать тех, кто ослабел и растерялся в это сумасбродное время.

Глубоко зная многотрудный и извилистый путь своей страны, Иван Иванович много сделал по восстановлению исторической правды и справедливости, возданию по заслугам тем, кому нет прощения за свершённое святотатство и великое злодейство – попрание священных принципов и понятий кровного родства, единой веры и единства народов Великой России и их духовных ценностей для всех нас, как первоосновы к пониманию сути происходящего, и выработке защитного иммунитета от заёмной скверны, любой попытки поношения славы и истории Отечества.

Наверное, будем реалистами, нам, нашему поколению, уже не выправить при своей жизни этого самого страшного преступления во всей истории человечества, сотворённого всяческими горбачёвыми, яковлевыми, ельциными...

И здесь миссия Ивана Ивановича особенно значима. Мы, его друзья, понимаем, что в силу своего дарования, таланта, он может сделать намного больше за нас всех, ибо в его творчестве, глубоких исследованиях, что под силу не каждому – для будущих поколений останется искренняя правда о страшном пережитом нашим поколением времени. И, что самое главное, в его трудах не только доказательства тех злодеяний, которые и ввергли нас в столь тяжёлую ситуацию, но глубоко и научно обосновываются пути преодоления великой смуты и уничижения былой славы Отечества.

Личная страшная трагедия подорвала творческие силы нашего друга и брата – очень рано, на самом взлёте зрелой жизни, ушла по вечной дороге, из которой не возвращаются к родному порогу, самый близкий и дорогой человек для Ивана Ивановича – его жена, милейшая Валентина Николаевна.

Множество раз грелись теплом её сердца, уютом в их приветливом доме и хлебом-солью, с которыми Иван Иванович и Валентина Николаевна встречали нас всегда.

Не залечивается эта страшная рана в его сердце, кровоточит и болит оно до сей поры, и, зная нашего друга, понимаем, что не смирится он с этой потерей уже до конца жизни, отпущенного Господом и судьбой срока.

Последний юнкер

«Те, последние,
которых мы помним, были когда-то первыми».
Иван ВЛАДИСЛАВЛЕВ

Отношения этих двух прекрасных людей могут быть примером для подражания очень многим в сегодняшней столь немилосердной ко многим действительности, особенно, молодым людям.

Я часто вечерами прогуливался по набережной Ялты. Благо, времени было – девать некуда, младшая сестра с мужем подарили королевский отдых, которого я и в жизни не упомню.

Целых двадцать один день безмятежной жизни в прекрасных условиях. Днём я, как правило, пропадал на море, уютно расположившись под тентом – годы, годы уже не те, чтобы, как молодые, жариться на солнце, и дописывал свою рукопись очередной книги, которую надо было сдавать в издательство. А вечером – шёл на набережную, там неспешно ужинал в приморском ресторанчике, с интересом разглядывая толпы и нарядных, и босяковатых отдыхающих.

Сам никогда бы не вышел в людное место в таких шортах, да в майке застиранной и обвисшей, да во вьетнамках – на босу ногу.

Но им было комфортно и глубоко безразлично к тому, что о них думает этот седой, в светлом костюме, мужчина. Если что и привлекало во мне, да и то только тех, кто постарше и только знающих, так это Золотая Звезда на левой стороне моего пиджака. Но она терялась в вечерних сумерках, и, мне думается, ни одной живой душе я был не интересен на этом празднике жизни.

И очень этому радовался да и сам не стремился к какому-либо знакомству.

Мне не было скучно, напротив, я отдыхал от напряжения дня и, запивая знаменитую крымскую барабольку рубиновым красным портвейном Ливадия (сказывают, сам государь, последний, полюблял это вино), и всё думал о финальных сценах своего очередного романа. Как я называл его условно – любовно-белогвардейского.

Но в последнее время невдалеке от этого ресторанчика появился какой-то шумный раздражитель. Весь день – там что-то сверлили и пилили, и в один из вечеров я подошёл к этому месту, досадуя, что моё спокойное времяпрепровождение в этом райском уголке чем-то порушилось.

На самом берегу возводилась часовня.

Уже успели выгнать стены цыганковатые, как и у нас в России, молдаване, даже прикрепили чёрную, в золотых буквах плиту, на которой значилось, что сия часовня воздвигается в честь невинно убиенных – тысяч офицеров и юнкеров Добровольческой армии, а также – священнослужителей, павших от рук красных.

Меня это заинтересовало, так как подлинную историю последних боёв в Крыму я знал хорошо, и, действительно, был такой печальный и трагический факт, когда тысячи мальчишек-юнкеров были пощажены новой властью и под честное слово командующего Югфронтом - Михаила Васильевича Фрунзе - отпущены по домам.

Да не все туда добрались, не все, далеко не все сумели оставить Крым и вернуться к родным местам. Но не Фрунзе тому виной и не советская власть. Это уж, если доподлинно, честно. Была сила, уже в ту пору, над которой не властен был и Фрунзе.

Ударные отряды Троцкого, бывшие дети закройщиков и цирюльников, закованные в кожу, с тяжёлыми маузерами на боку, словно в отместку России, мстя ей за свои былые унижения, вершили свой неправедный суд и расправу над боевыми офицерами, мальчишками-юнкерами, которые дали честное слово красной власти, что никогда не выступят против неё более.

Но венгерский еврей Бела Кун, не имевший даже русского гражданства, что в ту пору было не дивом: не имел его и Артузов, работающий в руководстве ВЧК; Радек – на самом верху новой власти, множество других, прибывших в Россию искать славы и богатств – поддержанный старой большевичкой, председателем Крымревкома Розой Моисеевной Землячкой, которую старые партийцы знали под её родной фамилией Залкинд, тысячами загоняли этих мальчишек в концентрационные лагеря, а затем – без суда и следствия – расстреливали во всех поросших акацией крымских балках.

Не справлялись расстрельные команды. Тогда их, мальчишек, многих ещё с алыми погонами, обшитыми золотым галуном, ставили в строй и выкашивали из пулемётов.

Никто не может сказать достоверно, сколько их осталось навечно в крымской земле, а то и просто утопленных в море, с камнями на ногах или на шее, привязанными толстой веревкой. А если её не находилось, то и колючей проволокой, которой у них всех были скручены руки за спиной.

Это правда, как правда и то, что во времена исхода белых войск из Крыма – тысячи красноармейцев да и мирных жителей приняли такую же мученическую смерть за то, что они просто были русскими людьми и не разделяли правды Деникина, не хотели быть скотами, рабами, а стремились к жизни свободной, хотя бы для своих детей.

Беседовать со строителями было делом зряшным, но я приходил и приходил к этой строящейся часовне, словно исполнял какую-то повинность, духовную обязанность и стремился понять, что же двигало русскими людьми в ту пору, отчего такой жестокостью была наполнена каждая минута, прожитая в те лета.

Как бы то ни было, но прав всегда народ. И народ не пошёл за старой властью. Ему было невмочь вновь холопствовать перед деникиными в ту пору, когда новая власть заявляла о жизни неведомой и такой красивой. Народ отшатнулся от белых вождей. И именно народ, а не новая власть, и даже не красная армия предрешил конец того мира.

«Какая же это власть, коль выстояла, – думал я, – победила, повела за собой народ, если офицеров у Колчака, Деникина, Юденича, Покровского, Май-Маевского было во много раз больше, нежели тех самых большевиков, о которых в семнадцатом году, по сути, никто и не слышал, и не знал – в чём же их сила и суть».

...И в один из вечеров, когда я стоял у часовни и не мог справиться со своими мыслями, ко мне подошёл статный, опирающийся на изящную трость, но совершенно старый уже человек. Это было видно по пергаменту кожи на лице да по рукам, состоящим из одних бугристых сухих морщин.

– Что, интересуетесь? – обратился он ко мне первым, лишь на мгновение задержав взгляд на моей Золотой Звезде.

– И, конечно же, осуждаете – и власти, и этих, – он указал рукой на копошащихся на стройке молдаван, – за благое деяние...

– Ну, зачем же Вы так, не зная меня совершенно, а сразу – осуждаете...

И я – уже с сердцем, несдержанно:

– Разве может быть оправдано беспричинное зверство и уничтожение своего народа? Только вот не надо правды лишь одной стороны. Кровь реками лилась с обеих сторон, а здесь, в этой часовне, изначально заложено осуждение лишь красных. Это не так, это неправда.

Старец с улыбкой смотрел на меня, и в его потухших уже глазах загорелся даже какой-то огонёк интереса и жизни.

Я продолжил:

– А Вы – знаете, что Ваш душка-Деникин творил на Дону, на Кубани?

– Не надо, молодой человек, я знаю... Я – участник тех событий и всё, к несчастью, знаю.

Тут уже пришла пора удивляться мне.

– Да, да, Вы не удивляйтесь. Правда, не знаю, как Вам и представиться.

– В ту пору – юнкер Турчинский, комбригом уже – меня знавали Александр Васильевич Горбатов и Константин Константинович Рокоссовский. В одной камере сидели. Да и освобождены были вместе, в сороковом году.

– А войну закончил командующим славной 28 армии, генерал-лейтенантом?

– А Вы, простите, – повернулся он ко мне, – в каком чине?

Моя настороженность прошла, и я, открыто улыбаясь, тепло и сердечно ответил:

– Мы с Вами в равных чинах, и... командую я как раз 28 общевойсковой армией Белорусского военного округа, уважаемый Владислав Иванович.

Он при этих моих словах даже вздрогнул и спросил меня:

– А откуда, молодой человек, Вы меня знаете? Не имел чести...

– Плохим я был бы командующим, если бы не знал своих предшественников, тем более – дорогих моему сердцу фронтовиков...

– Благодарю Вас, – как-то красиво и чопорно ответил он в ответ и тут же обратился ко мне, указав рукой на Звезду Героя:

– А это – за что?

– Афганистан.

– Я так и понял, так как для фронтовика Вы слишком молоды.

– Да, – после некоторой паузы сказал он мне, – не беседовали бы мы с Вами, если бы – не Михаил Васильевич, лично.

Его лицо озарилось красивой светлой улыбкой, и он продолжил:

– Фрунзе как раз проезжал куда-то со своим штабом, а нас, мальчишек, вели на расстрел.

Посмотрел мне пристально в глаза и чётко, как и подобает военному человеку, отчеканил:

– Скажу я Вам – прекраснейший человек. Правда, о том, что это Фрунзе, я узнал немного спустя. Он остановился у нашей колонны, вышел из машины, спросил у начальника караула – куда и зачем эту ведут группу молодых офицеров и юнкеров под конвоем.

– Тот беспечно и как-то развязно ответил: «Так известно куда, товарищ хороший. Бела Кун приказал всех отправить по одному адресу – «в штаб Духонина».

Воспоминания преобразили его лицо, оно стало одухотворённым, оживились его глаза, речь стала более быстрой и напористой:

– Фрунзе прямо пополотнел. Он подошёл к нашему строю, а вернее – толпе, какой там строй, и громко, чтобы слышали все, спросил:

- Оружие сложили добровольно? Слово не сражаться с советской властью – давали?

Мы – дружно, в ответ:

– Да! В соответствии с Вашим приказом.

Справляясь с волнением, словно эти события происходили сейчас, он на минуту замолчал, а затем тихо заговорил вновь:

– Кто-то даже листовку из кармана достал, их много раз из аэропланов сбрасывали красные над нашими войсками.

После этих слов он замолчал уже надолго, тяжело отдышался, видно, что ему непросто даются эти воспоминания, а затем – продолжил:

– Да и командиры наши – отцами были нам, мальчишкам. Это ведь они нам объявили своё решение – сложить оружие и под честное слово командующего фронтом красных, сдаться.

Как-то горько и обречённо дополнил:

– Жалели молодёжь. Самим уже терять было нечего. Знали, что не простят. Крови было много между ними и новой властью. А нас – как могли, спасали.

И уже как единомышленнику поведал то, чем гордился и что обогревало его сердце:

– Фрунзе высадил из машины всех чинов своего штаба и приставил к нашему отряду. Велел проводить на специальном поезде до Джанкоя и тут же, собственноручно, написал приказ, объявив его и нам, что почтёт за врага советской власти любого, кто добровольно сдавшихся юнкеров и офицеров будет преследовать и подвергать каким-либо притеснениям и репрессиям.

Мой собеседник молодо улыбнулся и молодым же голосом продолжил:

– Вот такая, если кратко, история, молодой человек. Простите, коллега.

Он хорошо улыбнулся, для чего-то постучал тростью о камень, вздохнул:

– Так я и остался жив. И смог послужить России. Уже в январе двадцать первого года был зачислен в Красную Армию, где и прослужил всю жизнь, за исключением четырёх лет, до конца сорокового года.

Горькая улыбка сделала его лицо отчуждённым и далёким:

– А там – поверили. И так, с ромбами комбрига, принял дивизию и воевал до сорок второго года. После того, как погнали мы фашиста из под Москвы, генерал-майора был удостоен. Командиром корпуса стал.

Посмотрел на море и спокойно, как о неотвратимом, неизбежном для каждого, заметил:

– Знаете, мне жить – уже мало осталось, поэтому лукавить нет смысла, да и не приучен был к лукавству и неискренности.

Пригласил меня пройтись по набережной и продолжил свои воззрения:

– Так вот я Вам и скажу, уважаемый коллега – на этой плите, что на чаше часовни, я думаю – одна лишняя строка, одна неправда – это о немыслимом числе жертв среди церковных служителей.

Мы медленно шли среди праздного люда и я, с упоением, слушал его рассказ:

– Во-первых, такого количества их, как здесь указано, не было, да и не могло быть с уходящими войсками, нет, не было, это точно. Но даже не это главное. Главное в том, что ни один из них, ни один – поверьте очевидцу, не призывал к замирению русских людей, оказавшихся на двух берегах реки жизни. Сколько и помню, всё призывали сокрушать безбожную власть, а наиболее циничные – даже сокрушались об убиении большевиками государя-императора.

Как-то сдержанно хмыкнув в свои белые аккуратные усы, дополнил:

– Но я-то помню, как уже в мартовские и особенно апрельские дни семнадцатого года она же, церковь, призывала нас всех, «освободившись от оков тирании и сатрапии», служить верой и правдой «благочестивому Временному правительству».

– Да, Владислав Иванович, я это знаю, – вставил я свою реплику.

– А, затем – вместо того, чтобы встать посреди разделившегося русского люда и призвать его к миру, а не братоубийству, во всех храмах провозглашали «многая лета» Деникину, Май-Маевскому, за ними – Врангелю, которые должны сокрушать «красного дьявола».

И уже страстно, убеждённо, как давно выстраданную правду, подытожил:

– Только вражду и ненависть сеяли святые отцы. Ни один из них не взошёл на Голгофу за то, что призывал к миру народ русский и к взаимопониманию, взаимному прощению.

Я зачарованно слушал своего собеседника. Признаться, такую точку зрения на роль и практическую деятельность церкви я слышал впервые, хотя знал, полагаю, неплохо и сам историю церкви и её роль в жизни российского государства, особенно, в эти непростые годы.

Так, мало кому известно, а русской православной церкви и не хочется афишировать эту скорбную и очень постыдную страницу из своей истории, что на временно оккупированных территориях Советского Союза, немцы открыли православных храмов в три с половиной раза больше, нежели за всё предшествующее время.

Здесь действовало «митрополитбюро», как его называли обиходно, где шесть отступников-митрополитов, оказавшись на временно оккупированной территории, перешли на службу фашистам и открыто призывали народ бороться с советской властью.

А уж деяния митрополита русской православной церкви за рубежом Антония Храповицкого – вышли за все пределы понятий о вере и верности Отечеству.

Пастырь, высший иерарх церкви, называл Гитлера «карающим мечом в борьбе с богопротивной властью» и призывал его, как и папа Римский, к крестовому походу против большевиков...

Мы ещё несколько раз встречались с этим интересным человеком. Переговорено было обо всём, не оставили мы в стороне и события сегодняшнего дня, раздирающие, по живому, единое государство и разобщающие единоверный народ на враждующие лагеря.

А затем – он перестал приходить на ставшие уже традиционными наши вечерние встречи. Я обратился в военкомат, чтобы узнать, где он живёт, и поведать старого солдата.

И дежурный майор, несмотря на то, что уже был в мундире украинской армии, здесь первыми торопились продемонстрировать свою «незалежность», вытянулся предо мною, отдал честь и ответил на мой вопрос:

– Товарищ генерал-лейтенант, не стало нашего старейшего ветерана. Вчера его хоронили на Аллее Героев.

Утром, купив букет багровых крымских роз, я был на этом священном месте. Простой крест украшал могилу, было много цветов, много венков. Положил и я свой траурный букет на могильный холмик. Больше всего меня поразила надпись на ленте одного из нарядных венков – «Верному солдату Отечества».

Какая правда и какая сила в этих, всего в трёх, но таких значимых и святых словах.

Он действительно истово и честно служил Великой, Единой и Неделимой России, Отечеству нашему, которое мы сегодня потеряли. Понятие Отечества не всегда, а если уж прямо – никогда, ни при каких обстоятельствах, не совпадает с понятием государства.

Отечество всегда значительно выше, нежели государство. По смыслу выше, по содержанию. Отечеству могли служить все совестливые русские люди, если они были даже разобщены верой и знаменем, под которым им довелось жить и умирать за благословенную Отчизну.

Думаю, что Отечеству, именно нашему Великому Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России, служил всегда и мой старший товарищ.

Земля Вам пухом, старый солдат, последний юнкер Великой России.

Бахчисарайские грёзы

«Алыми маками зацветает
степь там, где пролилась кровь
людская в те стародавние времена.
Да разве только в стародавние?
Сколько её пролилось уже в наши...
Это буйство красок всегда
волнует меня и не даёт
уняться сердцу, которое вновь
переживает чью-то жизнь.
Ту, которая уже была».

И. Владиславлев.

***

Господи, от чего же так стало тревожно мне, когда по моему лицу скользнули эти миндалевидные, пронзительно-карие глаза. Эффект их присутствия усиливался от того, что глаза были словно насильно вкраплены на белое славянское лицо русской женщины. Множество их именно этого типа встретишь на Херсонщине, в Одесской глубинке, на Тамани, Кубанских безбрежьях...

Где я их видел? И почему они просто преследуют меня? Где бы я ни появился в Бахчисарае, я везде видел этот взор, полный и муки, и страсти, и памяти, и мольбы о сохранении давно минувшего.

А ещё – о прощении.

Так смотрят матери на своих детей, которых лишились в силу злого рока, но которых любили истово до самого последнего своего часа. Так смотрит лишь мать на своё дитя, прощаясь с ним навеки под гнётом чужой силы, которой они противостоять не могут. Жизнь бы отдала для спасения своей кровиночки, да Господь не принимает этой мольбы и обрекает просящих неведомо за что на страшные страдания, наверное, испытывая и готовя для служения себе в вечности.

Не хочет и Господь иметь дело с падшими, а лишь лучших приближает к себе в той вечной жизни, засчитывая им все перенесённые страдания в земной юдоли за высокий духовный подвиг. И кто страдал больше, да не возроптал на Господа, тот и удостаивался Его благословения и поддержки, переступая порог вечности.

***

Невольничий рынок шумел. Большая удача пришла сегодня к мурзе Гирею. Он, удачно совершив набег на Тамань, поперёк сёдел своих уставших коней, а также в связках – арканами из конского волоса - привёз на невольничий рынок множество гяуров. Перед всадниками на шее коней лежали дети, белокурые мальчики и девочки, а повязанными арканами, сбив босые ноги в кровь, брели уже равнодушные от мук и боли, ещё вчера ослепительно красивые молодые женщины и девушки.

Мужчин почти не было. Все пали под кривыми татарскими саблями, защищая дом свой и семью. Правоверные знали, что минуют несколько месяцев и смирятся непокорные русины - жизнь-то всем дорога - и начнут до наступления старости рожать рослых и красивых янычар, которые вскоре и забудут о родной земле, а родного языка и знать не будут, и мать свою почти ни одному из них увидеть будет не дано.

А колыбельной песней для них будет посвист калёной стрелы, редко какая из них не напьётся крови из чужой груди, да звон кривых сабель, к которым они привыкали раньше, чем успевали выговорить первое слово, но уже на татарском языке.

И только когда умирал мамлюк, встретив разящий удар более проворного клинка, чем его собственный, он, неведомо откуда и узнав, кричал в свой последний миг жизни святое слово «мама» на том языке, на котором и говорила его мать. Чаще всего – это был язык русов, россичей, русинов, да его наречия – малороссские, кубанские, терские...

И недоумевал Господь, определяя их судьбу в жизни вечной, так как и Творцу было непросто решить: а куда отнести этого басурманина, но ведь русского по крови и крещёного, не отступившегося от веры даже, так как о ней у него никто и не спрашивал, а просто забывшего о ней и не помнившего, по малолетству, под влиянием учителей, слуг Аллаха, льстивых и жестоких, ни в чём не признающих своей вины.

Сегодня, среди обилия живого товара, заполонившего всё вокруг, сразу же бросались в глаза два совершенных тела: почти нагой женщины с бездонными синими очами и молодого казака со страшной раной через всё лицо.

О, их мучители знали толк в своём ремесле, поэтому и поместили их в метре друг от друга, напротив, но так туго увязали руки позади столба волосяными арканами, что они не могли придвинуться и на сантиметр к тому, кто ещё вчера был смыслом жизни, сутью всего земного существования.

– Любый мой, – только и шептала она запёкшимися губами, такими красивыми, совершенной формы, норовя движением своей головы рассыпать золотые волосы по груди – в самом расцвете женской красоты – тугой, налитой, с коричневыми сосцами, уже познавшими радость материнства, но такими юными и свежими, которые даже сейчас, в неволе, заставляли мужские головы кружиться от вожделенного ожидания – чтобы прикрыть срам, такой страшный и непривычный ей в прошлой жизни.

И лишь на её бёдрах осталась какая-то полоска ткани, прикрывающая уж совсем не допустимое для людского глаза.

Но точёные ноги, красивый впалый живот, сильный и вместе с тем – необыкновенно женственный, с идеально сформированным при рождении пупком, руки изящества необыкновенного – всё было наружу, не прикрыто никакой одеждой, и всё это так будоражило торговцев живым товаром, что те в восхищении цокали языками и всё твердили: «Якши, якши, красивая урус, такую и в ханский дворец поставить не стыдно. Первая красавица в гареме хана будет».

Уже десятки почтенных мурз подходили к владельцу этой рабыни, предлагали хорошие деньги, но он всем неизменно отказывал и всё чего-то ждал:

– Э, почтенный, – вежливо говорил он старикам, – у тебя не сыщется таких денег, чтобы я не оскорбил Аллаха, называя цену. Такая красавица дорогого стоит. Для простого шатра она не подходит.

Бери, вон, татарку. Мы её тоже в племени урусов захватили, – и он показывал на красавицу в зелёном наряде, которая, кажется, даже печаловалась меньше, нежели белокурые невольницы.

На тех же, кто был моложе его по возрасту, смотрел полупрезрительно, даже не удостаивая их своим ответом.

А избранник этой молодой женщины всё это видел, всё это вбирал в своё запёкшееся от боли сердце, и не было муки для него горше, чем быть с любимой столь рядом и ничем ей не будучи способным помочь, облегчить участь.

Если бы он знал, что таким будет его позор, своей бы саблей, ещё дедовской, срубил бы эту голову в золотой россыпи волос, чтобы сберечь от позора и надругательства свою мечту, свою судьбу, своё счастье, свою любимую, мать своего сына.

А хотел ведь, хотел предать смерти собственноручно и её, и сына своего единственного, видя всю безысходность положения.

Прорубаясь к ним, онемевшим от ужаса, он во дворе своего дома, уложил добрый десяток басурман, и уже решившись на роковой шаг - до него оставалось лишь несколько мгновений – да раньше его воли, страшной и последней, татарская стрела распорола всё его лицо, а волосяной аркан захлестнулся тугой удавкой на горле. И он, теряя сознание, только и увидел в последний миг, как его жену бросил поперёк седла страшный, с язвами на лице татарин, а второй – сгрёб в охапку сына-кровиночку, который царапался и кричал, но враг при этом только хищно щерился, а затем гикнул на лошадь и ускакал прочь.

И вот – встреча на невольничьем рынке.

Он, искусав все губы в кровь, молил Господа лишь о смерти, чтобы не видеть надругательства над родным и любимым человеком. Не сдержался от боли и бессилия и закричал так страшно, что на миг даже гомон утих на этом торжище людским горем:

– Нету тебя, Господи! Иначе не допустил бы до такого! Я же молил тебя о милости, о том, чтобы своей рукой оборвать их жизнь, а своя-то – мне не дорога. Как же ты мог позволить – такую муку видеть и принимать! Нету тебя, нету!

Придя в себя, он повернул голову в разные стороны – старался найти своим взором сына, но того в поле его зрения не было видно. Он не знал, что детей продавали в дальнем загоне, и было только слышно изредка, как оттуда доносился рёв малышей.

Да на него, привыкшие к людскому горю и слезам татары не обращали никакого внимания. Он, силясь освободить свои руки, в кровь изрезал их арканом, который всё глубже и глубже впивался в его тело, причиняя невыносимые страдания.

Она же, заслышав его полный боли и отчаяния крик, потеряла сознание, и сейчас торговец отпаивал её водой, но она, даже будучи в бессознательном состоянии, отворачивала свою голову и норовила сцепить зубы так, чтоб ни единой капли не попало ей в рот. Но татарин был опытным, он както ловко надавил ей на челюсти, и спасительная влага полилась в её открытые, необыкновенно красивые уста.

Она тут же пришла в себя и сумела выбить головой пиалу с водой из рук работорговца. Тот даже засмеялся при этом, своей рукой откинул копну её золотых волос за спину и стал беззастенчиво разглядывать её грудь, а затем – ловко и привычно охватив пальцами сосок, тугой и налитый, стал его ласкать. Страшная волна неестественной чувственности прошла по её телу, оно напружинилось, и она, умирая со стыда, безвольно повисла на связанных за спиной руках. Лицо татарина исказилось от похоти и откровенного желания, которого он не то, что не мог даже скрыть а, напротив, воодушевлялся им и гордился.

Но тут к ним подошла толпа нарядно одетых, увешанных дорогим оружием мюридов. Они бесцеремонно рассматривали её, откидывали плётками волосы с груди и восхищённо при этом что-то говорили, взбрасывая вверх правые руки.

К великому несчастию мужа невольницы, он понимал их язык, дед научил, а поэтому его страдания только умножались от тех слов, которые они обращали в адрес его жены:

– О, это подлинная красавица...

– Это будет самый достойный бриллиант в оправе шахского гарема...

– Да, такую не часто увидишь даже среди урусов, женщины которых всегда славились красотой и статью...

– Какая грудь, а ведь рожала. Видно, что женщина вступила в пору своей зрелости, в самом соку женского очарования...

– А ноги-то, ноги – словно точёные. Наш хан будет счастлив от такого подарка.

И самый старший мурза, в пунцовом бархатном халате, бросил, с каким-то возгласом, хозяину невольницы тугой кошелёк с золотом и тут же велел отвязать её от столба.

Две юркие невольницы, в чёрных и дорогих, в золоте – паранджах, крепко взяли её под руки и повели к тарантасу.

Она, ничего не чувствуя и не понимая, покорно шла между ними.

И он, собрав всю оставшуюся силу, рванул аркан, которым были связаны его руки так, что тот не выдержал и лопнул, прозвенев, словно тетива лука.

От неожиданного освобождения он упал, но тут же вскочил, вырвал у близстоящего татарина кривую саблю и нанёс сокрушительный удар по владельцу живого товара, только что продавшего его жену, развалив его разящей сталью почти надвое. По дороге к ней успел ещё троих зарубить, но уже через миг пять арканов захлестнули его сильное тело, на него кинулось с десяток нукеров, и прижали копьями и мечами к земле.

– Хорош, урус! О, какой сильный, – восторженно говорили они, при этом нисколько не печалуясь судьбой только что убитого владельца живого товара.

Более того, его младший брат даже откровенно радовался такому повороту дел, становясь владельцем всего имущества старшего брата.

Уже через несколько минут он продал непокорного русского знатному татарину-мулле мечети Ляк-Копе, слуги которого связали того, бросили привычно на седло запасной лошади и под её брюхом стянули аркан, соединяющий его руки и ноги.

Их же сын, по закону, был продан государству, мамлюки давали за этот товар хорошие деньги, но рабовладельцы с ними никогда не спорили, страшась их гнева, и готовы были уступить свой особый товар и за сущие копейки.

А весь смысл торговли детьми, особенно мальчиками, был в том, что торговцы живым товаром освобождались от уплаты значительной части налогов и получали за это особую грамоту хана.

Уже на второй день мальчик был в специальном лагере, где таких, как он – были тысячи. Их обучали военному искусству суровые и молчаливые мамлюки, но всегда справедливые и неподкупные.

Так бы и канула в лету судьба этой семьи, как без следа исчезли тысячи других, если бы не угодно было Господу испытать этих людей на прочность и на верность ему.

И имела эта история продолжение совсем невероятное. Не каждая душа православная способна вынести такие испытания и такую проверку на верность Господу и своей любви.

Он, находясь в неволе, быстро понял, что чем будет строптивее и непокорнее, тем с большим рвением будут его стеречь верные псы – нукеры муллы.

Поэтому сделал всё возможное и зависящее от него, чтобы его мучители увидели, что он на самом деле сломился и покорился.

Мулла, к слову, и эту его покорность отнёс к воле Аллаха, всемилостивого и всемогущего, пред которым урус сломился, покорился, и похвалялся этим своим гостям, показывая пленника как диковинное чудо.

А он, действительно, на совесть работал на хозяйственном дворе, ворочая пласты многолетнего, слежавшегося навоза, чистил и выгребал грязь и мусор от лошадей. И скоро усадьба муллы стала выделяться среди всей знати – она была самой ухоженной и красивой.

Невольник даже везде, где только было возможно, насажал цветы, особенно в изобилии – разноцветные мальвы, которые сопровождали его по всей жизни – с раннего детства в материнском доме. Где только и добыл семена – так и осталось его тайной.

И мулла через несколько лет проникся таким уважением и доверием к неверному, что поручал ему даже досмотр за своими детьми, без опаски вверял деньги для покупок на рынке.

А далее – всё дошло до того, что и жить было позволено пленнику в господском доме, на половине многочисленных детей муллы, которые любили вечерами слушать рассказы раба, в которых он говорил о какой-то неведомой для них стране, странных и непривычных людях и их жизни.

Что же касается одежды – то он давно носил татарские шальвары и богато выши-

тую верхнюю хламиду, хоть и ношенную, но зато с барского плеча.

Тем неожиданнее была страшная месть русского за свои унижения и долголетний полон.

В один из дней родная сестра муллы, едучи с рынка, решила проведать брата.

Зайдя в его богатый дом и к своему удивлению – не встретив во дворе ни единого человека, она, уже через минуту с душераздирающими криками выскочила на улицу:

– О, горе мне! Отвернулся Аллах от моего рода! Посмотрите, правоверные, зайдите в дом...

Она тут же упала в придорожную пыль и стала рвать на себе волосы и посыпать голову перемолотой в пыль копытами лошадей землёй.

– За что, Аллах милостивый, за что? – всё хотела она получить ответ от Всевышнего.

– За что ты их так?

И она каталась по земле, не давая никому никаких объяснений, а толпа встревоженных зевак всё прибывала и прибывала к дому муллы.

Наконец, собравшись с духом и обнажив оружие, трое смельчаков переступили порог дома муллы.

Вышли они из дома – шатаясь, лица были бледными, словно жизнь оставила их за порогом.

Все трое удалились в дальний угол двора, и долго было слышно, как их выворачивает наизнанку, до кровавой пены.

– Что там? – наконец сурово обратился к ним старейшина.

– Там, там, – вымолвил, наконец, самый сильный из воинов, – все порублены.

– И мулла, и его служки, и охрана. Все до единого. Пощадили лишь детей. Они живы, лежат связанными на ковре, а чтоб не кричали – рты им кляпами забили.

Только после этого – и старейшины, и зеваки ломанулись в дом. То, что они увидели, засовывая в свои карманы всё, что попадалось на пути, всю кровь в их жилах остановило и выстудило.

Давно и ничему не удивлявшиеся их чёрствые сердца – зашлись от ужаса: мулла был развален сабельным ударом почти пополам; без головы лежали многие его нукеры, успевшие выхватить сабли из ножен, даже садовник скрючился почти на пороге дома – видать, убегал, со страшной раной – от плеча до поясницы.

Старейшины единодушно решили, что такой силой удара мог обладать только искусный воин, а таковым в здешних местах, по их мнению, был лишь один – тот русский, который уже годы и годы работал у муллы.

Кто-то вспомнил, как он обучал детей муллы искусству владения оружием и перерубал специально вылепленного из глины для этих целей истукана – пополам.

Все кинулись искать пропавшего русского. Но его нигде не было. Не было и никаких следов его пребывания не только в окрестностях Бахчисарая, но и по всему Крыму.

Вскоре эта история забылась, так как множество событий, более значимых и судьбоносных, пронеслось над ханскими владениями. И в них не то, что одна судьба людская терялась без следа, а исчезали целые народы.

Минуло ещё несколько лет. И к ханскому дворцу подошёл богатый караван. Множество верблюдов было нагружено драгоценной поклажей: коврами, кувшинами с вином, благовониями и шёлковыми разноцветными свёртками.

Хозяин каравана с богатыми дарами, которые держали слуги на серебряных подносах, попросил встречи со светлейшим ханом, возвращаясь в Персию, к себе на родину.

Хан незамедлительно принял статного купца, богато одетого, молчаливого, со светлыми голубыми глазами, в которых застыла такая тоска, что хан даже вздрогнул, неочаянно, лишь на миг, встретившись с ним взглядом. И только обратил он к нему дежурные и ничего не значащие слова учтивости, хищно и плотоядно взирая при этом на полагающиеся ему дары, как сам купец и его слуги выхватили из-под халатов клинки, которыми были опоясаны, словно ремнями, и изрубили в один миг всю охрану, не дав ни единому человеку убежать из дворца.

Купец-перс, уже в летах, но стройный и подвижный, сбросил с себя золочёный халат и в одной алой сорочке устремился на женскую половину дворца владыки Крыма. Все служки, которые выбегали ему навстречу, тут же падали под ударами его разящего клинка.

Переполох, начавшийся в гареме, он остановил властным окриком, заявив, что никому зла не причинит и ему нужна только русская невольница, которая попала в гарем двадцать лет назад.

Юркая, как змея, смотрительница тут же ускользнула в покои, утопавшие в коврах, и вывела за руку очень яркую и очень красивую женщину. Даже под тюркской одеждой невозможно было скрыть её славянские черты и стать.

– Алёна, душа моя, это же я, твой Иван, – кинулся к ней хозяин каравана с леденящим душу торжествующим криком.

Она стояла недвижимо. Кровь отхлынула от её лица, оно пополотнело и стало белее её богатого шарфа, который развевался у неё за плечами от слабого дуновения ветра.

– Ты что, не узнаёшь меня, любовь моя?

– Узнаю, Иванко. И не забывала никогда.

– Тогда собирайся быстро, моя хорошая. Пора в путь, пока всё войско хана не опомнилось. Кони свежие ждут нас за воротами. И отряд, готовый умереть за нас, сдержит супостатов, пока мы до моря доберёмся, а там – фелюга уже ждёт. Скорее, Алёна.

– Любый мой, не могу я быть с тобой, не достойна. Не чистая я, Иванко, двух сыновей, хотя и не по своей воле, родила от самого хана...

Зарыдала в голос, а потом, через слёзы, упав на колени перед Иваном, чайкой подбитой прокричала:

– Заруби нас всех шаблей, родной мой, облегчи свою душу. Кровью смой мой позор.

Схватила его за ноги, прижалась к коленям и простонала:

– Но, видит Бог, и ты это знаешь, что не по своей воле стала я наложницей. Сила сломала солому. И они... Иванко, милый, ведь дети мои. Как и наш Василько, помнишь ли ты его?

Иван заскрипел зубами, со стоном отбросил шашку в угол и, схватившись за голову руками, шатаясь, словно пьяный, вышел за дверь.

За ним исчезли и все его товарищи, словно растаяли, только бешеный топот копыт стал удаляться от дворца и вскоре затих за садами.

Ханом тут же был провозглашён старший сын убитого Иваном правителя, который по праву властителя забрал в свой гарем и её, русскую полонянку.

Только вот её детям повезло меньше.

Они были лишены имён и направлены на выучку мамлюкам.

Дети быстро забывают всё, и уже через несколько лет это были безжалостные воины, не знающие страха, не щадившие своих врагов.

Но воцарившийся хан был умён и коварен, он истреблял до третьего колена всех, кто хоть в какой-то мере знал историю о его братьях по отцу. Их же самих он почему-то пощадил.

Не зажилась долго на этом свете и русская невольница. Она всё оставалась неотразимой, несмотря на годы, которые так быстро и так безжалостно промчались над её головой.

Как только новый хан потребовал её к себе, она тут же потаённым ножом перерезала себе горло.

Нигде не объявлялся и Иван.

Как он выбрался из Крыма в этот раз – никому не было ведомо.

Только вскоре почувствовали татары, что опытная и властная рука стала руководить набегами казаков на Крым.

И пощады при этом не было никому, кого бы они ни встретили с оружием в руках.

Особенно же беспощаден был казачий атаман к мамлюкам, выходцам из северных стран, беловолосым и белокожим.

***

История этого сражения передавалась затем из века в век, и в песнях, и в сказаниях старцев, и в летописях монастырских отыскался её след.

Дошёл он и до наших времён.

***

Два вышколенных войска сошлись в степи, под Джанкоем.

За весь день ни одна сила не смогла сломить другую, бились до поздней ночи – и всё без результата.

Таяло войско с обеих сторон, но никто так и не смог взять верх.

И тогда старый и опытный военачальник казаков, на чистом татарском языке, вскричал над полем брани:

– Не надо больше кровопролития, Хочу биться с предводителем. Кто из нас побеждает, той стороны и верх будет в сегодняшней битве.

Затихло войско, опустило свои мечи, да так и замерло на тех местах, где их и застало необычное обращение казачьего атамана.

Так и стояли они друг возле друга – ордынцы и православные, словно и не рубились минуту назад. Более того, стали даже помогать друг другу встать, отирая кровь и отложив в сторону мечи.

Все ожидали развязки столь необычайного, редко случающегося в войнах события.

На горячем скакуне, с которого хлопьями спадала пена, на середину круга, образованного расступившимися противниками, которые стояли бок о бок, перемешавшись в плотном людском море, выскочил мюрид татар – статный, красивый, белолицый и совершенно неожиданно – голубоглазый. Молодой, с кривой саблей, которая была вся в крови, в правой руке.

Его взгляд был страшен, и он, оскалив белые зубы, гортанно прокричал:

– Сейчас, гяур, я твоей поганой кровью напою свой клинок, – и, гикнув на уставшего коня, со всего маху пустил его в сторону вожака русского войска.

Их сабли тут же скрестились со страшным звоном – противники проверяли друг друга на прочность и искали миг для разящего удара. Кони, разворачиваясь на задних ногах, беснуясь, грызли друг друга.

Старый казак даже улыбнулся в свои седые и вислые усы:

«Щенок, горячится. Оставляет по молодости неприкрытым плечо. Сейчас ты у меня за это и поплатишься, сопляк».

И в какой-то миг, невидимый ни для кого, перекинул свою шаблю – с правой руки в левую – и тут же, со страшной силой, в беспощадной ярости рубанул татарина по правому плечу.

Сразу обмякло в седле тело мамлюка, и он с каждым махом коня стал заваливаться на левое стремя, а вскоре – и упал в перезрелую полынь.

Войско басурман притихло, русское же – стало громогласно кричать:

– Слава, слава, атаману!

– Слава батьке нашему!

– Любо, казаки, атаману!

– Живи сто лет, батько!

Старый казак с натугой слез с седла, подошёл к поверженному татарину, который уже отходил, часто загребая землю ногами в кованых золотом зелёных бархатных сапогах, с загнутыми по обычаю носами.

И в последний миг, представая пред своим господом, закричал пронзительно и звонко, на чистом малороссском языке:

– Мама, мамочко, как же больно...

Вздрогнул старый казак, рванул с силой богатый чекмень татарина и увидел на его шее ладанку, которую он не забыл за всю свою жизнь – сам повесил её на шею своему сыну Василию и велел беречь её всегда, при всех обстоятельствах, что бы ни случилось в его жизни.

– Сынок, сыночек, – разнёсся над полем боя его звериный крик, – Господи, что же это я дитя родное – смерти предал!

До каждого сердца участника битвы дошли его страшные, горькие слова:

– Сынку, Василько мой, это же я, твой отец, тебя жизни лишил!

– Василько мой, – целовал он спёкшимися губами безжизненные губы сына, через которые тугой струёй вытекала густая кровь.

А затем крепко обнял сыновье тело, из которого уходила жизнь, и запел тому колыбельную, которую запомнил с детства.

Молодой мамлюк улыбнулся – чисто, совершенно по-детски, затем вздрогнул и стал затяжелевать на руках отца, вытягиваясь в длину.

На лице его так и застыла счастливая улыбка, что повергло первые ряды смешанного войска в ужас. Православные сдёрнули со своих голов свои шапки и шлёмы, стали креститься, а магометане – попадав на колени, громко заголосили:

– О, алла!

Вздрогнул от их крика старый казак, положил голову сына себе на колени, медленно вытащил из-за пояса богатый пистоль, поцеловал своего Василька в мёртвые уже уста и выстрелил себе прямо в сердце.

Да так и застыл, сидя недвижимо, с родным сыном на руках.

***

Говорила бабушка, что в нашем роду течёт кровь того атамана, его родство мы, значит. И то – одна семья мы все на русской земле, от одного корня произошли.

Вот почему меня так встревожили те глаза, чёрные, раскосые, татарки со славянским лицом, которая так пристально смотрела на меня на рынке.

А вдруг – это зов крови, и она несёт в себе печать нашего общего родства, которое рассеялось по всему миру, а уж в Крыму-то – в особенности.

После этого события, казалось, совершенно рядового и обычного, я долго размышлял над тем, кто мы такие сегодня? И есть ли среди нас тот, кто может сказать, что он – русский или татарин по крови, в чистом, так сказать, виде?

Человеческие дети мы, а значит – Божьи. Так неужели не поразумеемся и всегда будем за шашку хвататься? Или ещё что-нибудь, более страшное придумаем, только бы свой верх установить, нам только ведомую правду узаконить?

Так ведь и изведём друг друга, под корень.

И не повинимся пред Господом и друг пред другом за прегрешения вольные и невольные.

Люди ли мы после этого или каины? И кто направляет судьбы живущих: одних – по дороге совести, а других – лихоимства и бесчестия?

Знать бы ответы на все эти вопросы, смотришь, и зла на земле поубавилось.

И крови меньше стало бы литься.

Да, непохоже, что вразумил Господь своих детей. В едином роду, в вере единой, а готовы уже в горло вцепиться друг другу, забыв о вековом братстве и судьбе одной, щедро кровью окроплённой.

Общей. Нерасторжимой.

Сохрани и помилуй, Господи, люди твоя!

Дай нам всем прозреть только до срока, чтобы не было поздно.

г. Москва.

Сергей ГРУЩАНСКИЙ

Родился в Прокопьевске, где в коммуналке, по улице Союзная, прошли первые семь лет его жизни. В дальнейшем городом его судьбы стал Киселёвск.

Окончил естественно-географический факультет Новокузнецкого пединститута, работал учителем в средней школе. Затем – на долгие 23 года – связал себя с газетной журналистикой.

Сочинять «в рифму» начал, едва освоив грамоту. В 1980-е годы участвовал в работе областной литературной студии «Притомье». Автор трёх книжек стихов, изданных в Кемерове и Киселёвске.

Приметы главного

УПРЯМЕЦ

Вихрастый мальчишка шагал на ходулях,
друзьям восхищённым кричал:
«Мелкота!» -
и с каждым шажищем подкашивал скулы,
и жадно поглядывал на облака.

Не в силах высот одолеть искушенье,
руками взмахнул он:
как птица – лететь!
О, чувство полёта во время паденья
и мягкой земли приземления медь...

Друзья хохотали: «Мы это видали!»
Сопел мальчуган и отплёвывал пыль.
Но пели в глазах его вышние дали,
когда он
привычно
ходули чинил.

ЖЕЛАНИЕ

Уйти в извечный аромат и шорох
от площадей и улиц городских,
Забыть о толчее и тяжких спорах,
о неудачных опытах своих.

Упасть в траву,
заторопиться сердцем,
сквозь слёзы улыбнуться муравью...
И вспомнить мир с названьем тёплым
Детство –
поэму изначальную свою.

НЕ ПОНЯТЬ

Закон в античной Спарте был суров.
О, мальчики с изъяном от рожденья!..
По приговору сумрачных жрецов
их ждал полёт
с вершины
на каменья.

В умах тогда стояли холода,
коль не от горя, не от боли лютой –
отец и мать рыдали от стыда
и проклинали связь свою с малюткой.

Плечистый ритор чётко излагал:
- Жить - будущие воины достойны!

Никто не думал:
«Вдруг от алых скал
ушли в Ничто гомеры и платоны?»

ПРИСНИТСЯ ЖЕ

«В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались».
Константин СЛУЧЕВСКИЙ.

Я видел собственную смерть.
Волна агонии затихла,
и щёки начали бледнеть.
С женою приключилось лихо.

Пошла соседка отбивать
с каёмкой чёрной телеграммы.
Бабульки взялись обмывать
мои худые килограммы.

Два алкаша втащили гроб,
венки расставили по зале.
Входили сослуживцы,
чтоб
в кулак покашлять, в знак печали.

Закрыты были зеркала,
и лёд в тазах слезился явно.
Фотограф щёлкал «Вилиа»
и света требовал нахально.

А в истечение трёх дней
от моего пустого вдоха
меня зарыли,
трубачей
за медь вознаградив неплохо.

В столовой бойко тризна шла,
и кто-то спьяну развернулся:
«Он жил?! Не нажил ни шиша!»

Мне стало грустно.
Я проснулся...

НОЧНОЙ ЭТЮД

В тонком свете Луны –
мир наук почитая –
крутолобое облако
небо читает.

А внизу, на обочине,
спит подорожник
и не знает, что скоро –
познания дождик.

ПОДУМАЛОСЬ

Пока Искусство бережёт секреты,
пока закон Таланта вне игры,
под петли не взойдут на табуреты
чеканщики, поэты, гончары.

Не дай нам Бог дожить до идеала
и суть его на формулы разбить!
И музыки бы новой не звучало,
и живописцы бросили б творить...

ГРУСТНЫЙ ШЕЛЕСТ БЕРЁЗ

Вначале было сердце мамы –
как солнышко, над головой.
Потом весь мир, такой желанный:
с людьми,
ручьями
и травой.

В мальчишьей голове светало.
Я рос,
я как-то быстро рос.

Я шёл,
а мама отставала,
чтоб слиться с шелестом берёз...

НА КЛАДБИЩЕ

Когда над мамой горбится земля
и тусклыми цветами прорастает –
разбитым сердцем видится заря,
не льют дожди – отчаянно рыдают.

И мир бездарным кажется,
и жизнь
пуста, как шахта старого колодца.
И ветер дышит стужей укоризн,
и горькою пыльцой в гортани жжётся.

НОЯБРЬ

И снова зима...
Необъятная стынь
уныло молчит в перелесках.
Пустынно в природе. И мысли пусты
от глупого снежного блеска.

Как будто замедлило Время поход.
Как будто иссякли желанья.
И бледен, как вечный покой, небосвод –
потухший экран мирозданья.

Есть память.
Но в памяти место цветам:
фиалковый, жёлтый, зелёный...
На деле – серебряный траур куста
и серые линии клёнов.

Создатель пошёл на отчётливый брак.
Цепочка следов анонимных
сбегает по белому
в белый овраг
и только... Живого не видно.

И сам я – вдали от весенних сует
покинувший гладкость дороги –
как будто бы есть, а как будто бы нет,
и в сердце – кристаллик тревоги.

КОНЕЦ АВГУСТА

Ещё не осень - и уже не лето.
От паутинок воздух серебрист.
В аллее, по-нарядному одетой,
готов к началу медленный стриптиз.

Вот-вот начнётся... Шорох листопада
отметит беспокойная молва,
и голая, как в изначалье, правда
повеет к нам от каждого ствола.

В плащи ударят стылые дождинки,
печаль по сердцу лапкой проведёт.
И вспомнятся «Весёлые картинки»
и те, кто в гости больше не придёт.

СТРАННИКИ

Я помню, как старцы
по улицам тёмным ходили,
как тихо стучали в дома
и просили ночлега.
Впускали их редко,
но хлеб им всегда выносили.
Они говорили «спасибо!»
за ломтики хлеба.

И долго потом
на закрытые двери глядели.
И хлебные крошки
с крылечек в щепоть собирали.
На лицах, в которые били
дожди и метели,
какие-то тени,
какие-то блики мерцали.

Кем были они,
обладатели тощих котомок?
Об этом теперь
и намёком никто не укажет...
Но вот показалось,
что я – их прямой непутёвый потомок,
которого Бог очень сильно
и больно накажет.

За то, что боялся их:
поздних... косматых... несытых...
За то, что мог спать,
а над ними куражились ветры.
За то, что у глаз их,
по-детски широко открытых,
кустились морщинки,
что не были мной отогреты.

И может, когда-то
поставит меня на дорогу
великая Сила,
а, может быть, – зло человека.
И я подойду
к незнакомому прежде порогу,
и в дверь постучу,
как посланник из давнего века.

И сбудется всё
по знакомому с детства сюжету.
И хлебные крошки
в щепоть соберу осторожно...
И буду дивиться ночному
высокому свету,
и теням, и бликам,
и людям за дверью надёжной.

ПРИМЕТЫ ГЛАВНОГО

Кто ищет ландыш посреди зимы...
Кто пьёт вино от Ветхого Завета...
У нищего на донышке сумы
теряет блеск фальшивая монета.

И горек мёд, отжатый впопыхах,
и сладок яд в пилюлях наркомана.
И Арлекин с ухмылкой на устах
тайком плюёт на сцену балагана.

Философ тянет вязью:
«...Горя нет!
Мы за него печали принимаем».
Гадалка шепчет в сторону комет:
- Уже ли близко Третья мировая?

Тень летописца – Данте со спины,
а хроники божественно трагичны.
Покойников уводят от стены
московского Кремля
на суд публичный...

Холмы таят глубокий сон руды.
Леса пичуг выпуливают в небо.
Но главное – вот хижина... Вот дым
и запах выпекаемого хлеба.

г. Киселёвск

Вера ТРЕТЬЯКОВА

Мать матерей

Опять сегодня снег над городом. Стою у окна и вижу в глубине двора коротко спиленные три тополя, как три брата-новобранца, их голые плоские вершины прикрыты снежными беретами.

Вокруг теснятся серые пятиэтажки, скучают иномарки в «карманах», пересекают двор редкие прохожие, а небо из низких туч сыплет на город снежные свои дары...

А где-то на Земле есть хакасская степь, белая и чистая от ноябрьского снега.

И возвышается над ней старый черный тополь, раскинувший по небу свои могучие руки-ветви.

Рядом с тополем - юрта: стеклянные стены под крышей цвета переспелой вишни.

Внутри, в центре юрты, стоишь
ТЫ –
Великая каменная старуха,
Степная богиня,
Хакасская Божья Матерь,
Чаша или Гнездо с зародышами,
Чрево Земли,
Мать матерей,
Улуг Хуртуях Тас.

Долгие тысячелетия – четыре, пять, шесть? - стояла Ты в родной Сагайской степи.

Солнце тебя и грело, и палило, ветры и ласкали, и сбить «с ног» пытались.

Шли дожди по кругу: весенние, летние, осенние, падали мягкими снежными хлопьями и хлестали ледяной крупой.

Огрубели черты от непогоды, стерлись, сгладились формы. Но по-прежнему видна личина на животе Твоём.

Мать всех матерей беременна, и беременна Ты всей Вселенной,
Улуг Хуртуях Тас.

Помнишь ли время, когда жили на Земле богатыри?

Конечно, ведь Ты была женой великого богатыря Сартакпая и сама была ему подстать. А ещё была Ты счастливой матерью.

Давно перевелись богатыри на Земле. В битвах с врагами защищали они землю и семьи свои, часто погибая в неравной борьбе.

Вот и Сартакпай погиб, защищая самое дорогое – свою семью.

Велел он Тебе с детьми ехать в безопасное место, но не сумела Ты сберечь их...

Оставшись одна, от горя закричать хотела - пожаловаться Богам.

Но не в обычае у богатырей слёзы лить и упрекать Богов в земных своих бедах...

И Ты запела, и замерло всё живое в степи, внимая песне матери, потерявшей детей своих.

«О, Боги, в Вашей власти всё сущее на Земле и на Небе!

Ведомо Вам горе моё, видите Вы тоску мою, как степь бескрайнюю.

Как смогу встретить утро новое без любимых моих? Как смогу разжечь очаг потухший?

Кому укажу свет надежды? Кому пошлю помощь и заботу мою материнскую?»

И такая мощь и красота была в той песне, что растроганные Боги подарили Тебе бессмертие, благословив на земной подвиг, на служение великое:

«Отныне быть Тебе каменной богиней и даровать людям то, чего им не хватает: женщине - дитя, а мужчине - светлого разума».

Сколько тысячелетий прошло с тех пор, сколько поколений родилось и ушло в землю!

Постарела Ты, но по-прежнему неутомима в помощи всем, кто обращается к Тебе.

Ты - символ женского начала и символ плодородия. Женщины молят Тебя о помощи в родах и избавлении от бесплодия.

Ритуал несложен и выверен веками: нужно обойти вокруг Тебя три раза по солнцу, разбрызгать на четыре стороны света что-нибудь молочное, поставить еду у «ног» и только тогда обратиться с просьбой:

«Наша белая каменная мать! Все звери имеют детей, все птицы имеют детей, все рыбы имеют детей, у всех людей есть дети.

Дай мне ребенка, чтоб я могла стать матерью».

И Ты внимаешь, и Ты помогаешь,
Улуг Хуртуях Тас.

Хорошо, что еду теперь ставят рядом. А не так давно, ещё в прошлом веке, женщины простодушно кормили Тебя сметаной и другой жирной пищей. До сих пор на каменном лице и животе Твоём черные, несмываемые пятна.

Прости их, Великая Мать, они думали, что рот Твой открыт для еды, а это Твоя молитвенная песня длится веками.

Ведь не одна помогаешь: через Тебя, через каменную сущность Твою идут просьбы-молитвы земных женщин к Небесной Матери.

Да Ты и сама знаешь, что без Высшей материнской творческой силы невозможно творчество земное.

«Материнство - основа жизни всего. От былинки до человека. Женщина раскрывается в детях своих. Ведь дети – это творчество матери... Мать и учитель - основа мироздания» - так поймёт человек, умеющий внимать мудрости веков,

Твоей мудрости,
Улуг Хуртуях Тас.

Затянулось Твоё служение на тысячелетия, но по-прежнему Ты нужна нам, женщинам Земли.

Пока ещё живёт на Земле человечество, помоги охранить и продолжить род наш.

И, понимая наши земные несовершенства, прости и укрепи нас.

В бесконечном даянии и милосердии своём не устань.

Ты, дающая импульс к материнскому творчеству,

помогающая Ангелам Небесным прийти на Землю

в образе младенцев долгожданных,

вдохнови на творчество и нас,

Улуг Хуртуях Тас,

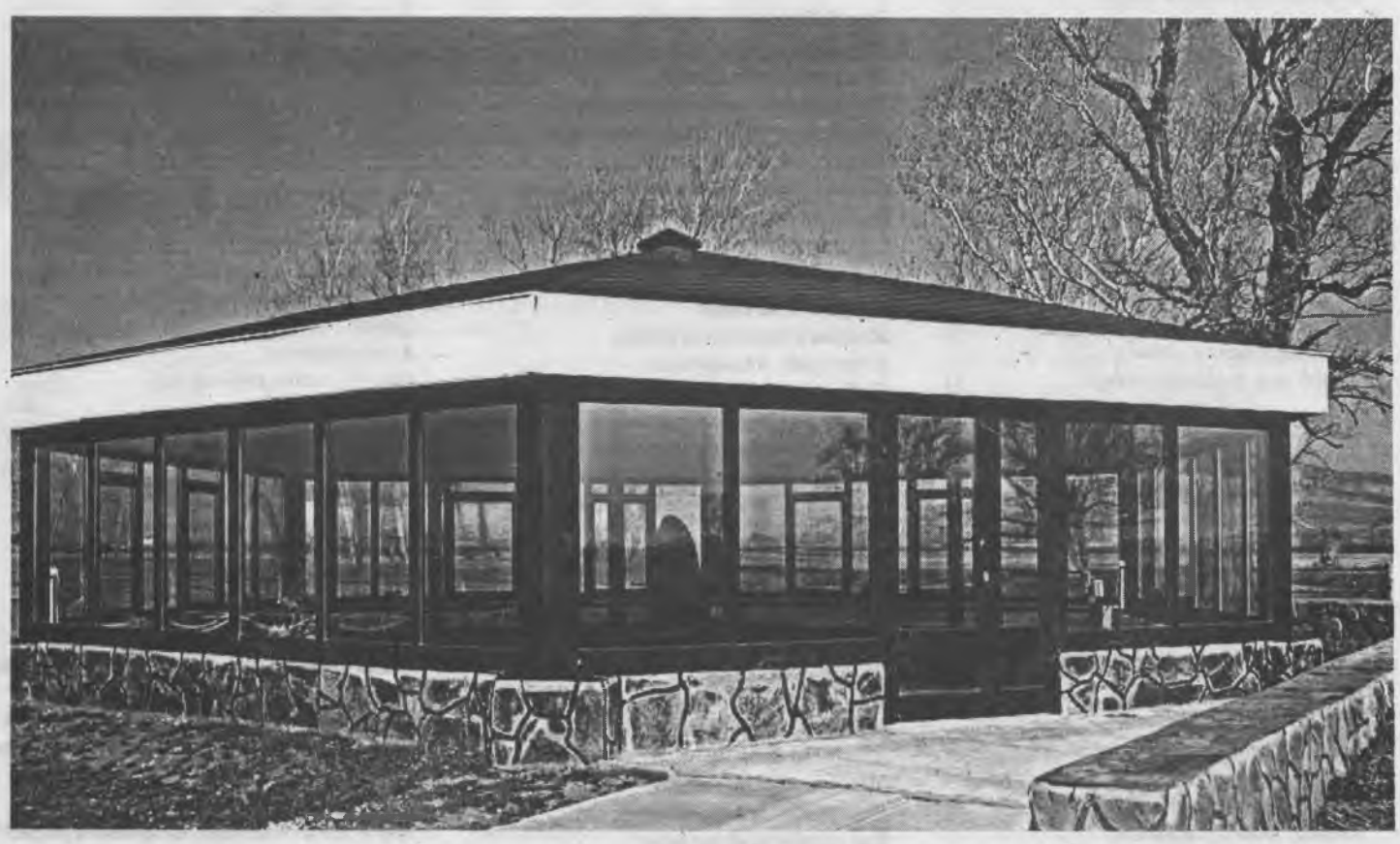
Мать матерей.

Вновь подхожу к окну. Снег перестал, ветер унёс остатки туч. Улыбаюсь зимнему дню, улыбаюсь братьям-тополям:

«Придёт весна, потянетесь к солнышку ожившими телами, и новые веточки, как новые дети, пробьются сквозь старую кору.

И Мать-Земля возрадуется творчеству своих детей».

г. Новокузнецк.



Николай НАГОРНОВ

Поэт-бард Николай Нагорнов родился 16 декабря 1970 года в городе Тайга. Детство и юность его прошли на Алтае. Много лет увлекается музыкой и поэзией, стремясь развивать своё творческое мастерство.

С 1994 года жил в Новокузнецке. Встречи с поэтами на фестивалях и участие в заседаниях поэтических и бардовских клубов дают Николаю новые темы для литературных и музыкальных произведений.

Член Международного союза творческих сил «Озарение». Автор большого количества песен на свои стихи и слова других авторов, написал музыку новоильинского гимна.

Печатается в коллективных сборниках, хрестоматии и периодических изданиях Кемеровской области. Дипломант поэтических и бардовских фестивалей в Кузбассе и Сибири. В настоящее время живёт в Прокопьевске.

Лесная сказка

Чистый воздух, пахнет лесом,
Белочки по елкам скачут.
В этом месте, столь чудесном,
Детский сад, как в сказку, прячут.
А найти его нетрудно,
Приходите, здесь уютно.

Пр.
В нашем маленьком лесочке
Есть уютный уголок:
Одуванчики-цветочки,
Карусели во садочке
И дворцы, и теремочки...
Детства звонкого исток!

Почемучки-дошколята
Здесь играют и шалят.
Неусидчивы ребята,
Но науку знать хотят.
И азы сей жизни ловко
Обретаются в сноровку!

Пр.
В нашем маленьком лесочке
Есть уютный уголок:
Одуванчики-цветочки,
Карусели во садочке
И дворцы, и теремочки...
Детства звонкого исток!

Диана

Ночь из звезд — укрыло небо нас,
На плече моем уснула ты.
Влюблены пускай в который раз,
Но лишь с тобой наш новый мир
Разрушил старого мосты!

Пр.
Под парусами у любви
К седьмому небу корабли
Уносят нас с тобой, войдя в любви нирвану.
И как судьбу ни назови,
С тобой мы встретиться смогли.
Я благодарен ей лишь за тебя, Диана!

Золотом расшит весны рассвет,
Разбудил нас поцелуй любви.
Для меня тебя прекрасней нет,
Ты позови меня с собой,
В свой мир чудесный позови!

Пр.
Под парусами у любви
К седьмому небу корабли
Уносят нас с тобой, войдя в любви нирвану.
И как судьбу ни назови,
С тобой мы встретиться смогли.
Я благодарен ей лишь за тебя, Диана!

Чудо краски!

Мама с папой мне купили
Книжечку с раскрасками,
Чтоб картинки ярче были,
Разукрашу красками!
Всех расцветок и мастей:
Кошка, мышка, воробей,
Петушок, что на калитке,
На заборе две улитки,
Поросята-попрошайки
И буренка на лужайке,
Пес, лежащий на крылечке,
Утки, куры и овечки,
И сороки, и скворцы,
И гнездо, а в нем птенцы...

Оживают все, как в сказке.
До чего волшебны краски!

Как я мамочке помог
Трудный день, устал немножко,
Стало лень убрать в лукошко
Краски, книжки и игрушки.
Мне б добраться до подушки.

Слышу мамы нежный голос
Мне, приглаживая волос,
Очень тихо попросила,
Помоги, пока есть силы.

Отказать я ей не смог,
Милой мамочке помог!

***

Мы не в силах раздвинуть горы,
Но сумеем тоннель прорубить.
Перепрыгнуть не в силах море,
Но мы можем под парусом плыть.
Солнце к ночи светить устанет,
Мы готовы костром согреться.
Только если любви не станет,
Остановится наше сердце.

***

Это бабочки над цветами,
Это лето лучами нежится,
Это радуга над лугами,
Это облачко в небе брезжится.
Для тебя стану ветром ласковым —
Закружу, зацелую милую.
Видишь мир — он наполнен красками,
Он наполнен любовной лирою!

***

Встреча с мечтой
Живешь в привычной суете,
Неискушён, невозмутим,
Любовь оставив в забытье.
Но мед был вкусен и таким...
И вдруг открылась дверь не та, ?
И солнце брызнуло в лицо. ?
Восторг застыл, немел в устах,
Я стал судьбе своей истцом,
Что жил не так, не тем, не там?
И делал все наоборот.
Судьей стал, совестью летам.
Рентгенографией юродств.
Она стояла у дверей...
Она - излучница светил!
Казалось, нимб сиял над ней,
И на меня свет нисходил.
Ее глаза - распах небес,
День самый ясный, голубой.
Был сорван на душе завес.
О, мир, ты, кажется, другой!
Тот мед, что вкусен был тогда,
Вдруг станет слаще во сто крат.
Жизнь без нее была не та,
Я пред судьбою виноват.
Незримой нитью обуян,
Так в изумленье и застыл.
Лишь в вечном сне был ею пьян —
Теперь мне мир её дарил!

***

Любить тебя, душой соприкасаться,
Тобою, восхищаясь, восхищать!
Как рыцарь не робеть и не сдаваться:
Любовь, надежду, веру - оправдать!

Быть нежным, сильным, чести не роняя,
Быть ангелом-хранителем твоим,
Чтоб от себя, на подвиг отпуская,
Сказать могла: «Ты лучший и любим!»

***

Весны бубенчики на солнечный денек,
Синиц оттаявших волнуют переклички!
Любимой девушки заманчивы косички!
И холодок зимы в душе истек.

И новую любовь рождал восход,
И сеялись надежды на закате...
Текла любовь, и каждый ее тратил
На ту, кто вдохновение несет!!!

***

Что такое душа?-
Это ты для меня!
Пусть морозы трещат,
Я с тобой у Огня!

Что за странность в груди
Бьет морзянками такт?
Это сердце, в Любви,
Подает тебе знак!

***

Ну, здравствуй!
Болит...? Лекарствуй!
Не погружайся в печаль свою!
Любую
Хандру пустую
Гони! Я сладко тебе спою!-

Что ночи,
Без нас не ночи
И краски серы в раю без нас,
А сердце
Шкалою Герца
Определяет разлуки час!

Все ли правильно!?

Все ли правильно делал ты, все ли отточено!?
Оценили тебя на миру и друзья!?
А коль есть у тебя на душе червоточина,
Значит, вел ты дорогу по судьбам в князья.
Был ли искренним ты,
когда шел сам на паперти,
Иль в угоду себе лишь, а с Богом в разрез!?
Если выстелить путь для тебя
белой скатертью,
Не запачкаешь ты этот белый отрез?

Все ли было тебе по душе
в праздной радости,
Или были: похмелье, прозренье и боль!?
На весах перевесили горечь иль сладости!?
Когда слезы горьки, в них не сладость, а соль!

Как дедушка внуков мирил

(пос. деду Василию,
сыну Александру
и племяшке Александре)

Александр с Александрой
Разругались не на шутку.
Увела звезду с кокардой,
Он порвал на кукле юбку.

«Дееда! Дееда!» - побежали —
«А она...»,
«А он.., ты знаешь...»
Ему жаловаться стали:
«Забрала...», «А ты ломаешь!..»

Дед послушал, ухмыляясь:
«Стало быть, война меж вами?!
Будем воевать стреляясь,
Коль не мирится словами.

Пистолеты, автоматы,
Что сломать вы не успели,
Все несите и гранаты —
Будем воевать на деле!

Завизжав, ошеломленно,
С пробуксовкой побежали!
Видели б, как оживленно
Арсенал перебирали!

Все нашли, несут, роняя,
До зубов вооружившись,
Что-то громко объясняя
Вперебой. Чуть притомившись,

Принесли, сгрузили деду:
«Посмотри, мол, дед, чье лучше,
Кто одержит вмиг победу?!»
И сгустились снова тучи.

Дед, вошедший в роль комбата,
В детство впал и разыгрались:
Затрещали автоматы,
Взрывы, визги раздавались.

Стало безнадежно шумно,
Так они развеселились!
Взяли внуки деда штурмом!
Хитрый ход — объединились!

Дед безвыходно сдается!
Внуки в крик:
«Урррааа!- отрадно.
Белый флаг над дедом вьется.
Тут и мир настал внезапно!

г. Прокопьевск.

Дина Сабынина

Сабынина Дина Абдулкабировна родилась 11 февраля 1972 года в городе Прокопьевске Кемеровской области. После окончания средней школы пять лет жила и училась в Барнауле. Окончила в 1995 году Алтайский государственный институт культуры и много лет жила в г. Бийске.

Сейчас живёт в Прокопьевске, работает художественным руководителем дворца культуры. Печаталась в коллективных сборниках, газетах, журналах, хрестоматиях и литературных альманахах Алтайского края, Кемеровской области, а также в Москве и Красноярске. В 2004 году выпустила поэтический сборник «Полночная звезда», в 2008 г. — «Карусель мгновений», в 2013 г. — «А мы не знаем цену пустякам».

Активный участник и неоднократный дипломант поэтических конкурсов и фестивалей в Кузбассе и на Алтае, победитель интернетовских конкурсов.

Время

Время — оно бежит,
Время летит стрелой.
Новый виток прожит,
В прошлом — грядущий бой.
Время — оно как миг,
Время — оно как свет.
Гнался, мечты достиг!
Глядь, а полжизни нет.
Вроде, в достатке дом,
Должность и внешний шик...
Только встаёшь с трудом.
Глядь, а в запасе — пшик.
Год ли, неделя, день...
Замер в руке бокал...
Скука, враги, мигрень.
Разве о том мечтал?!

Время вперёд бежит,
Время летит стрелой.
Что-то клинок дрожит,
Видно — последний бой...
Вроде, вот-вот мечтал,
Только вчера достиг.
В сердце вошёл металл,
Скупо отмерив — миг!

* * *

В вольерах квартир,
В лабиринтах запущенных улиц
Мы скучно живём,
Не имея друзей и врагов.
Сбиваемся в стайки стайки
Испуганных уток и куриц,
И самодовольных задир —
Молодых индюков.
Уставившись глупо
В болтливый и красочный ящик,
Мы ложками пошлость
С экранов глотаем взахлёб.
Вся жизнь наша — кич,
Низкопробный и бледный образчик
Незамысловатых,
Довольных собою амёб.
И если мы к небу
Случайно свой взор поднимаем,
То видим лишь чёрный,
Холодный шатёр пустоты.
Мы едем по жизни
В убогом, разбитом трамвае,
Глаза закрывая
При вспышке случайной мечты.

Безумный поэт

Ушла капризная Муза,
Талант за водкою вышел,
Поэт, как Робинзон Крузо,
Один на острове выжил.
Творил безумные строчки,
Читал их громко в экстазе
Жене, испуганной дочке
И даже креслу и вазе.
А он любил беззаветно
Свои чудные творенья
И спорил в форточку с ветром
О ритме стихотворенья.
А он кричал, что Мессия!
Но мир не верил упрямо...
Его чертовски бесили
Слова испуганной мамы,
Соседей взгляды косые,
Жены заплаканной фразы.
Его стихи подкосили —
По капле выпили разум...
А он в истерике бился,
Кричал: «Поэзия всюду!»
И горькой водкой лечился
От слов навязчивых блуда.
То лил счастливые слёзы,
То выл и рвал листы в клочья...
Он умер в эти морозы —
Замёрз на лавочке ночью...

* * *

А мы не знаем цену пустякам...
Спешим быть круче и забраться выше.
Вы слышите, как дождь стучит по крыше?
Не слышите? Да, до того ли нам...
А песню ошалевшего скворца?
А звон развеселившейся капели?
Ах, да, вы за работой не успели,
Весну не ощутили до конца.
Симфония влюблённого кота
Вас мартовской не пробуждала ночью?
А первую любовь подросшей дочки
Вы прочитали с белого листа?
А лета василькового тепло
Вас отвлекло от скучного отчёта?
Для вас важнее жизнь или работа?
Что, если наше время истекло?!.
Сегодня это наш последний день,
Последний наш рассвет в окно стучится...
И больше нам, возможно, не случится
Сорвать в саду цветущую сирень,
Поцеловать ребёнка перед сном,
Сказать «люблю» тому, кто сердцу важен.
Из мелочей вся прелесть жизни нашей,
Они тепло и радость вносят в дом!

* * *

Смеялась в сердце пустота
С каким-то тягостным надрывом...
Зачем мне ум и красота
При неуменье быть счастливой?
Зачем мне нежный шёлк волос
И свет чарующего взгляда,
Когда глаза — озёра слёз,
Когда ты не со мною рядом?
Гуляли яростно ветра,
Взметая листья в переулках.
В груди голубкою мечта
О клетку рёбер билась гулко.
И я бежала через дождь,
Чтоб потушить страданий пламя,
Чтоб ты сказал мне: «Что стряслось?» —
Целуя тёплыми губами.

Штиль

Мне ненависть нашёптывала месть.
И этот яд, по капле проникая,
Мне не давал ни спать, ни пить, ни есть,
Тончайшей паутиной обвивая.
В душе своей баюкая любовь,
Я упивалась планами расправы.
Но лишь тебя увидела я вновь,
И вмиг остыла жгучей злобы лава.

И наступил блаженный, хрупкий мир,
Как кроткий штиль на смену дикой буре.
Ты зла во мне пантеру приручил,
Мой серый волк в овечьей белой шкуре.

И в этот перемирья краткий миг
Ты в душу вновь лисицею проник.

* * *

Я просто женщина. Такая же, как все,
С привычными проблемами земными.
По чёрной и по белой полосе
Петляет жизнь. И не взлететь над ними...
Простые и понятные мечты.
Да, можно осудить и посудачить...
Но приглядись: возможно, это ты
В моих стихах грустишь,
смеёшься, плачешь!

Галатея

Ты хочешь убежать от пустоты,
Касаясь робко клавишей рояля.
На окнах запоздалые цветы
Бутонами сочувственно кивают.
Но звуки, разрывая тишину,
Печально растворяются немея,
Оставив в комнате тебя одну —
Усталую, седую Галатею,
Чьё сердце кто-то оживить забыл.
А ты ждала, отчаянно надеясь.
Но твой Пигмалион других любил,
Твоим заботам нежным не доверясь.
И эту боль разделят лишь цветы,
Что скоро облетят на подоконник.
Ты — стылый мрамор в храме пустоты,
В котором ни своих, ни посторонних.

Любовь-химера

Моя любовь к тебе — моя мечта!
Придумать чувство — это очень просто,
Но ложь не поднимает душу к звёздам
И в рай не открывает нам врата.
Любовь-мираж не обжигает страстью.
Любовь-мечта от боли не спасёт.
Любовь-реальность в доме не живёт,
Где люди просто носят маску счастья.
Где нет ни пониманья, ни тепла,
Живёт любовь-обман, любовь-химера,
И правят балом чувства-лицемеры,
И всё благополучье — из стекла.

* * *

Не по тебе тоскую я —
По молодости промелькнувшей,
Мои надежды обманувшей.
Не по тебе тоскую я!
И оттого моя печаль
Ещё отчаянней и горше,
Что я не обольщаюсь больше,
Мне просто лет ушедших жаль.
Со мной остались лишь стихи,
Как страсти след в душе остывшей
И дань любви, во мне почившей,
Как ценный груз на дне реки.
Нет смысла воскрешать любовь,
Что канула однажды в Лету.
Раз в сердце нет былого света —
Нет смысла воскрешать любовь!

* * *

В этой Вселенной, зноем пропахшей,
На пепелище слов и желаний,
Каждый нашедший и потерявший
Мучим ознобом воспоминаний.
Полные чадом боли постылой,
Грустно листаем серые будни.
И улыбаясь деланно-мило,
Будто бы верим, словно бы любим.
И на развалинах пасмурных судеб
Лживых дворцов поднимаются своды,
Ходят бесцветные робото-люди
С чёрным клеймом фантазийной свободы.
В этой абсурда полной Вселенной,
Злобы и приступов желчного смеха
Только любовь остаётся нетленной:
Яркою вспышкой, светлою вехой!

* * *

Закат порезал вены, и по небу
Кроваво-яркий расползался след.
Осенний вечер людям напотребу
Придумывал цвета, которых нет.
Двоился в небе месяц, проглянувший
Сквозь облаков молочную вуаль.
И провожали скучный день минувший
Звёзд всполохи, небес украсив даль.
В мистическом таинственном величье
Качали сосны лапами ветвей.
Река в зеркальном сером безразличье
Скользила, извиваясь сотней змей.
И шорохов вечерних разговоры
Шуршали ветром в гривах сонных трав,
И день, сгущаясь в сумрак вдоль забора,
Уже смягчал свой жаркий пыл и нрав.

Всё ближе пряное дыханье ночи,
Уж ярче звёзд сияющие очи.
И приглушая краски листопада,
Мир погрузился в дрёму и прохладу.

* * *

Лето играет закатом,
Робко трепещут осины...
Стелется бархатным платом
Белый туман по низинам.
Крадучись, ласковый ветер
Гладит кудрявые травы.
Солнце, прощаясь, осветит
Книги последние главы.
Быстро захлопну страницы,
К дому пойду по тропинке.
Может, зимою приснится
Снова мне эта картинка:
Тонкие ветви осины,
Яркое солнце заката,
Белый туман по низинам
Стелется бархатным платом.

г. Прокопьевск.

Сергей ЕРОФЕЕВ

Ерофеев Сергей Сергеевич -
литератор, старший преподаватель кафедры экономики и управления производством Сибирского государственного индустриального университета, член Русского географического общества, собственный эксперт комитета по вопросам культуры Совета по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства при главе Новокузнецка, путешественник, краевед. Автор повести «Акт веры», поэмы «Анданте для комуса и струнных», более 60 публикаций в литературных альманахах и периодической печати.

Форт полуострова Эскимо

(Немецкий текст Зарины Кулиевой, г. Вупперталь, ФРГ)

«И сильные вышли и стремились идти, чтобы пройти землю; и он сказал: идите, пройдите землю, — и они прошли землю».
Книга пророка Захарии, 6—7

1.

Мирек спешил. Он спешил как никогда. Он никогда не спешил так по пятницам. И не боялся опоздать на автобус. Да и не любил он автобусы. Привык, но не любил. Там, где он жил теперь, да еще и с женой и дочкой Радмилой, эти длинные, желтые, пышущие жаром остекленные монстры были необходимостью. Иногда, провожая дочь в школу, Мирек даже ловил себя на том, что смотрит вслед. И только, когда туша вагона, описав широкую дугу, скрывалась за поворотом, теряясь в проулках и ущельях коттеджей, он поворачивался и уходил, смоля папиросой.

В автобусах были трубчатые поручни, обернутые белым и красным пластиком, резко пахнущие химикалиями скрипучие сиденья, в целом удобные, но не настолько, чтобы восхищаться инженерным гением сотрудников «Форда»... И эти люди. Особенно в центре. Их было много. Разные. Разной наружности. Разных национальностей. Палитра оттенков шевелюры. Говоров. Выговоров. Немцы, русские, словаки, сербы. И лишь из динамика раздавалась непривычно правильная английская и французская речь.

Автобусы... Бывают еще экскурсионные автобусы. Иногда, люди, отработав какой-то срок, решают, что им необходим отдых. Видимо, под отдыхом они понимают новые впечатления, потому что автобус с отдыхом у людей вменяемых никак ассоциироваться не может. Они надевают теплые вещи, привычно складывают в рюкзачки дневной паек и едут осматривать примечательные места, — дома знаменитостей, горы, водопады, озера. Если едут на несколько дней — останавливаются на ночь в палатках, готовят на костре варево из полуфабрикатов, черпают ложками тушенку из серых жестянок, пьют дешевое вино из железных кружек и пытаются забыть о доме. Но Мирек думал о доме, и именно поэтому спешил на автобус.

Эти тяжеловесы в мире машин ходят по определенному графику. Каждый час, например. Или два. Или дважды в сутки, если маршрут пролегает через совсем небольшие поселки. Или если экскурсия не популярна. Или если это школьный автобус. А бывает, что он приходит лишь несколько раз в неделю. Или один раз. Например, по пятницам. Тот, на который опаздывал Мирек, приходил только по пятницам. И то — не всегда. Ведь это был экскурсионный автобус. Длинный, желтый, с эмблемой «Форда» на пышущей жаром решетке радиатора.

Он приходил так редко, потому что маршрут пролегал через совсем небольшие поселки. И потому что экскурсия была не слишком популярна. В это время года. Холодно, промозгло. Туристы спасаются под разноцветными пуховыми куртками и ватниками, заматывают носы плотными шерстяными шарфами и выезжают на побережье, переночевав в теплой гостинице в Бенбоу. Побродив немного вокруг форта и взобравшись на стенки, всматриваются они в ясную или же зыбкую даль, будто надеясь высмотреть на схваченной льдами равнине французские крейсеры, а потом едут искать белых медведей.

В прошлом году Мирек сам привозил сюда дочку — поглядеть на океан, естественно, летом. Он никак не думал, что будет спешить на этот автобус зимой. В такой холод. Как, наверное, тепло и хорошо в автобусе. Яркие ватники и куртки создают настроение, новенькие мягкие кресла так и призывают расслабиться, вкусить неги и безмятежности. Как убаюкивает вибрация двигателя, подспудно вливающаяся в пальцы через ручки и подлокотники, обернутые белым или красным пластиком. Он не любил автобусы? Черта с два.

Автобусы? Да он их обожал! Воистину, это одно из высших благ цивилизации! Благословен наземный пассажирский транспорт, дорожное полотно, движки и покрышки!.. Но как же тяжело до них добираться. Ползком.

2.

«Красную птичку» тогда искали все, кому не лень. От Якутии, будь она трижды неладна, до Аляски. Ну, Советы, понятно. А в Штатах... Кто летал из простой солидарности. Кто за престижем — утереть нос расхваленным «соколам». Ходили слухи о золоте.

Мирек с Карлом тоже искали. Арендовали борт. С двумя русскими, встреченными в Аяне в двадцать третьем. Когда покупали в складчину револьвер, чтобы застрелиться. Искали до сентября. Без толку.

3.

— Hallo, Nachbar! — крикнул ему Карл по утрянке, не то что не дойдя до порога, а едва обогнув мусорные баки. — Hast du das schon gelesen? «Der erste Sowjetische kommerzielle Transpolarflug» ist misgelungen...

— Und? — Мирек продолжал невозмутимо орудовать шваброй, промывая плахи террасы.

Вместо ответа тот сунул ему в руки свежую газету.

— Errinerst du dich an ihn? — ткнул он пальцем в фотографию на первой полосе.

Мирек чуть не выронил швабру.

— Gibt's doch gar nicht...*

** — Эй, сосед! Уже читал? «Первый советский коммерческий трансполярный перелет!» накрылся тазом...*

— И что?

— Помнишь его?

— Вот те нате...

4.

Форт Принца Уэльского построен еще в восемнадцатом веке. Конечно же англичанами. Конечно же от французов. Да, впрочем, и от местных. Возвышаясь над устьем полноводной Миссинипи, он представлялся надежной защитой от любых посягательств картавых авантюристов. Одним своим видом повергая аборигенов в благоговейный трепет, форт был домом властей и символом власти.

Сюда сплавляли мужчины-кри юркие лодки, желая обменять дары Маниту на слезы зеленого змия, сюда приходили иннуиты с мехами и костью. Не утлый частокол степных рубежей, не сосновые заплоты «свободных колоний», не земляные валы Квебека, — дикий суровый камень образовал четыре правильных бастиона прибрежной твердыни.

Неприступные крепости часто сдаются без боя. Гарнизон уступил форт Лаперузу без единого выстрела. В самом деле, ну кому, в здравом уме, придет в голову драться с залетным корсаром за кусок булыжного пляжа на краю стылого моря. Расчет был верен. Короткое лето окончилось, и форт вернули владельцам. За ненадобностью. Его ведь нельзя унести с собой. И сносить — разоришься. А там уж и хозяева его бросили. Зачем, думалось им, поддерживать то, на что не зарятся лягушатники? Пустые траты. Может, поэтому так хорошо сохранился одинокий озябший страж Эскимосского полуострова, что на поверку оказался не нужным ни французам, ни англичанам, ни, уж тем более, местным?

К концу Великой войны форт объявили достоянием нации, но лишь после депрессии смогли навести порядок и начали возить туристов. Поездом или самолетом до Бенбоу многие сотни миль преодолевают зеваки, чтобы попасть в эту глушь, окрещенную прессой мировой столицей белых медведей, — покататься по побережью — от поселка к поселку, пощелкать затвором «Лейки» с высоты бруствера.

Мирек и впрямь считал, что здесь очень красиво. Естественно, летом. Наглядевшись с высоты на россыпь озер Манитобы, семейство распрощалось с Карлом, отбывшем на своем одномоторном корыте к западным стойбищам. Переночевав в отеле, Мирек арендовал «Шеви» в китайской лавке и повез дочку в крепость. Впрочем, от переправы они решили пройтись пешком.

Этот медитативный пейзаж, ласкаемый солнцем, необычайно хорош. Вернее, хорош он – только ласкаемый солнцем. Ровный как стол, раскрашенный тремя красками – болотной, серой и синей, он начинает выигрывать на оттенках и людском оптимизме. Низкая рамка седых куртин наполняет его странными смыслами, не более, впрочем, реальными, чем французские паруса на лазоревом горизонте. Дыхание северных льдов, крошащее старые камни, сходит почти на нет, и лишь растворенное в водах, передает галечным косам страх и предчувствие ночи.

Проехал автобус с туристами. Развернулся на отсыпанной гравием площадке и сдал задом к самому барбакану. Шофер, усатый немолодой эмигрант, открыл дверь, и пестрая толпа потянулась через узкую брешь ворот во внутренний двор. Она просочилась сквозь стены казарм, окропила крошево рухнувшей кладки, омыла ржавые стволы батарей, вспенилась в теснинах аппарелей и растворилась где-то на территории. Был вторник. Летом автобус приезжает не только по пятницам.

По сути, внутри смотреть нечего. Форт интересен лишь издали, как акцент, как цель. Когда трогаешь босой ступней холодную воду речной губы и чувствуешь его присутствие. Когда ищешь куриных божков в галечнике и видишь его боковым зрением. Когда бредешь по узкой гравийке к стоянке автобуса рядом с приземистым барбаканом и перебираешь в памяти кадры бесчисленных озер Манитобы и ценники в новой китайской лавке, а он тянет тебя вовнутрь массой тысяч тонн стройматериалов. Но это ловушка, обман, – внутри смотреть нечего.

И они опускали ноги в лазурь широкой губы Миссинипи; восторгались тенаровой синью бесчисленных мелких озер, виденных с воздуха; пообедав на пляже, искали куриных божков до самой стрелки ровного, словно стол, оптимистического пейзажа. И больше в крепость не возвращались.

5.

Ему и в голову не приходило ползти. Поначалу. Пока не пришли мысли. Пока он в конном строю имперских улан не вылетел прямо на пики. Пока не столкнулся с Карлом на улице Белгорода. Пока не стал оседать в снег.

Мирек знал, что лечь – это почти конец. Годам, проведенным в этой стране. Среди подобных ему. Что ездят в автобусах. Немцев, русских, словаков, сербов. Правильной английской и французской речи. С выговором. Светлому пиву с кнедликами. Чужому Северу. В чужой стране. На чужом континенте.

6.

Мирек оставил Карла и санки несколько часов назад. И больше о них не думал. Они будто растворились в молоке. Будто бы умерли. Карл. И санки. Иногда казалось, что еще слышна вибрация двигателя. Потом он вспоминал, что двигатель тоже умер. И очень не вовремя. Где-то позади, над пустым побережьем Гудзонова моря. Еще до того, как Мореку стало ясно, что он был неправ. Что он ненавидит Север, и любит автобусы.

7.

Карлу так и не купили новые «крылья». Пусть компания клялась и божилась. То ли денег жалели, то ли не за тех воевал. Когда от индейцев дошел слух о находке, лететь оказалось не на чем. Пришлось ему наспех шаманить своего «старичка».

От аэродрома Бенбоу взяли на северо-запад. Пересекли Миссинипи, оставив Эскимо справа. По словам поджарого скаута-кри, щеголявщего, на зависть округе, узорчатой вертикалкой и джинсой «Ливай-Стросс», где-то среди непролазных топей иннуитского пограничья он и обнаружил бомбардировщик.

И он не врал, запивая слова пльзенским в прокуренном баре, этот ковыряющий стойку субъект без левой половины лица. Синий хвост высоко торчал среди заметеленной пустоши, словно заплывший жиром обитатель морских глубин вынырнул, но был схвачен тисками колючего воздуха и вморожен в ледовую толщу. Но нет – напитанные влагой равнины к западу от Гудзона все же считаются сушей. Чудище попало сюда сверху.

Карл заложил еще один круг над павшим гигантом и, разглядев чуть поодаль обломки крыла, даже присвистнул. Еще бы. Асом военно-воздушных сил Карел Простак числился в те незабвенные времена, когда аэропланы мастерили еще из фанеры, а бои в небе были пальбой друг в друга из маузеров, наганов и смит-вессонов. Такие машины в этой стране он видел лишь на картинках.

Но как пропавший советский борт попал сюда? В Манитобу? Что внизу именно он, – цель бесплодных поисков лучших авиаторов мира, – сомнений не было. Синь толстого тулова, розовеющие в снегу ошметья с кириллицей. Откуда он взялся здесь?

Никаким «сбился с курса» этого не объяснить. На трех движках от Врангеля на Гудзон добраться нельзя. Значит ложь – экипаж не летел к Аляске. Они метили в сердце Америки.

Вот это был бы фурор! Фантастика! Сродни концу света... Приземление такой «птички» в Чикаго, Торонто, Детройте... Коммерция? Да плевать на шкурки и золото! Это меняло все. И навсегда.

Рвануть напрямки сквозь полярную зону – значит решить проблему дальности. Переброска в район Великих озер в автономном режиме стратегического бомбардировщика, которым и был ДБ-А, возвестила б конец мироукладу Антанты. Показав, что Америку, диктовавшую из-за океана правила игры половине земного шара, Америку, уверенную в полной своей безнаказанности, Америку «большой дубинки», можно было бомбить. А раз можно бомбить, можно и договариваться. Но – не долетели.

Мирек знал, – старый их с Карлом знакомец сделал все возможное и невозможное. Лучшей кандидатуры, пожалуй, и придумать было нельзя. Этот поляк не останавливался ни перед чем в стремлении услужить «сынам революции». Ни в ходе переворота, ни в продразверстку, ни потом – на сибирском фронте. Циничный, амбициозный, жаждущий славы, классово чуждый Стране советов и возведенный ею в герои, бывший поручик мог или утвердиться в статусе небожителя или оплатить его смертью – упокоиться в крылатом гробу, раскрашенном в родовые свои цвета.

И вот ведь что получается. Пока они с Карлом спасались в глуши от выродков из ветеранских организаций, люди – те самые люди, встреченные ими на пепелищах, – делали себе карьеры. А не мотались на одномоторных корытах по отдаленным стойбищам, почитая стабильность за благо.

Да, нельзя не записать себе в плюс, что есть дом, жена и дочка Радмила, школьный автобус, терраса, мусорные баки под окнами, друг Карл, да еще пара бывших легионеров из бара, что зовут его Мореком, но о том ли мечтал молоденький австрийский улан, пришпоривая своего Каюра и мча с шашкою наголо в лоб конникам Келлера? Конечно же нет.

8.

Мирек познакомился с Карлом еще в Белгороде. Вместе они шли по Транссибу. И в числе многих и многих, так и не сумели вернуться домой. Дикая история в Приамурье – вотчине накокаиненных подъесаулов, возомнивших себя мессиями и спасителями Отечества – обещала им трибунал и расстрел. После была якутская авантюра, Аян, Камчатка, Аляска. А к двадцать восьмому году они окончательно осели здесь. В краю озер, хоккея и нетрезвых индейцев. В Манитобе.

Когда-то давно, по юности, Мирек только и грезил Севером. Севером и его славой. Вот только Север без славы был предначертан ему войной.

9.

Зал содрогался от чеканных звуков песни германоязычной аборигенки, привезенной в трюме с каких-то Богом забытых островов в качестве экзотического куска мяса. Убийственный акцент, придававший и без того матерным интонациям «наречия смелых» какой-то нечеловеческий, зоологический шарм, эрективными волнами разливался по рядам общих столиков и коробам заполненных кабинетов.

Рядом сидели еще трое. Интеллигентного вида старичок с козлиной бородкой и в золотых дугах очков что-то деловито рассказывал. Мирек смаковал пиво, заедая его безжалостно расчленяемым ломтиком Эстерхази. Это место было единственным во всей Вене, где он мог спокойно выпить кружечку пльзенского.

– Ich bitte noch mal um Ihre Aufmerksamkeit, Herr Graf. – Мирек прислушался, а старичок смущенно опустил глаза в стол. – Das ist ausschlie?lich eine Forschungsreise. Heutzutage sind doch Jagdexpeditionen popul?r geworden. Da kann man Walrosse und Robben schie?en... Ich m?chte nicht die Fristen neu setzen... Das ist viel zu viel Arbeit... Sie verstehen doch, derjenige der zahlt... hat ein Recht dazu. Doch ich m?chte das nicht... Wegen der Wissenschaft...Verstehen Sie...

– Ich verstehe...

– Und sind Sie auch bereit die Expedition bei diesen Bedingungen zu finanzieren?

– Absolut, Herr Doktor. Absolut.

Старичок просиял:

– Ich verspreche es Ihnen, Herr Graf, die Geschichte wird Sie nicht vergessen. Ich verspreche, ich verspreche.*

И начал трясти его руку с зажатой в пальцах десертной ложкой.

** – И еще раз обращаю ваше внимание, господин граф. Это исключительно, исключительно научная экспедиция. Сейчас ведь в моду входят экспедиции охотничьи. Пострелять моржей, тюленей... Мне бы не хотелось перекраивать сроки... Столько работы... Вы ведь понимаете, тот кто платит... вправе. А мне бы так не хотелось... Ради науки... Вы понимаете...*

– Я понимаю...

– И вы согласны финансировать экспедицию на этих условиях?

– Безусловно, доктор. Безусловно.

– Обещаю, господин граф, история вас не забудет. Обещаю, обещаю.

10.

Пока Мирек преодолевал выветренные кусты и булыги низкого берега, последние фигурки исчезли с высоты бруствера. Револьвер, с двумя оставшимися патронами, тот самый, купленный в Аяне смит-вессон, всегда лежавший заряженным под креслом пилота, он оставил Карлу. На случай, если мишки решат вернуться. Он попытался кричать, но не смог.

В эту пятницу были туристы. Был автобус. Массив форта тысячей тонн бесполезных стройматериалов закрывал от него барбакан, остановку и приторно желтый вагон «Форда», ждавший последних своих пассажиров, чтобы отправиться расчищенным зимником дальше к прибрежным поселкам.

По ту сторону извьюженного бастиона был припаркован последний их с Карлом шанс, и Мирек чувствовал как шанс этот ускользает из его рук с подачи немолодого усатого эмигранта, сидящего за баранкой. Он чувствовал, нет – знал это наверняка. Еще добрых две мили до Бенбоу по ледовому панцирю Миссинипи ему не проползти. Поэтому, он побежал.

11.

Мимо него на восток катила лава. Мимо него. На восток. В касках с волосяными султанами. В голубых расшитых мундирах.

Он начал видеть себя. Там, среди них. Юным богемским красавцем с графским титулом и приятным именем Мирослав, мечтавшим о Севере и его славе и считавшим войну двухнедельной заминкой в блистательных планах.

Пришпорив коня, несся он полем сжатой пшеницы на русские пики с шашкой в бледной руке.

12.

Мирек спешил. Он спешил как никогда. Он никогда не спешил так по пятницам. И не боялся опоздать на автобус. Да и не любил он автобусы. Привык, но не любил. Там, где он жил теперь, да еще и с женой и дочкой Радмилой, эти длинные, желтые, пышущие жаром остекленные монстры были необходимостью. Иногда, провожая дочь в школу, Мирек даже ловил себя на том, что смотрит вслед. И только, когда туша вагона, описав широкую дугу, скрывалась за поворотом, теряясь в проулках и ущельях коттеджей, он поворачивался и уходил, смоля папиросой.

21.08.2014

Людмила ТАНКОВА

«Пусть будут счастливы все», - говорим мы, в жажде обнять мир своей любовью. С одной стороны - это добрый посыл миру. А с другой... А вот с другой стороны мы желаем счастья всем без разбора. Любящая мать счастлива тем, что ее дети здоровы. Парень счастлив, потому что его девушка согласилась выйти за него замуж. Перечислять счастливые моменты жизни законопослушных людей можно без счета, и пожелание им добра, счастья - благое дело.

Но есть и черная сторона у фразы «Пусть будут счастливы все». Давайте подумаем: отчего счастлив насильник, убийца, маньяк, наркоман, сплетница и т.д. А мы у Бога просим и для них счастья. Может быть, именно от наших необдуманных пожеланий, совершаются злые и преступные дела в мире.

Я не хочу, чтоб были счастливы все, и не хочу, чтобы были счастливы все по-своему. Чтобы заслужить счастье, надо жить по законам данным нам Всевышним разумом. Самое большое счастье - это быть добрым к своим детям, не оставить в болезни своих родителей и быть уважаемым - коллегами. Всё остальное от лукавого.

Родники истории

Уникальный многопрофильный музей под открытым небом в районе Томской писаницы, что расположена недалеко от города Кемерово, был создан в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 16 февраля 1988 года.

Мужчины возвращались с охоты. Вождь племени Острое копье трубным голосом возвестил победу. Да, сегодня племя Большие Лоси будет пировать. Женщины выходили из жилищ и восторженными криками встречали охотников.

Туши лосей были разложены около кострища. Все замерли в ожидании. Откинулся полог центрального жилища, и оттуда вышел главный шаман. На его теле красовалась шкура волка, лицо прикрывала маска из бересты березы. Громадные глаза маски видели всех и каждого. Широко разинутый рот то ли улыбался, то ли гневался.

Шаман приблизился к самой большой туше. Осмотрел, удовлетворенно кивнул головой и сделал первый надрез на шее животного. Этим шаман говорил, что боги даруют народу пищу и не гневаются за добычу.

- Ха-а-а-а! - завопили соплеменники.

Шаман ударил колотушкой в бубен.

- Ха-а-а-а! - снова вскричали люди около кострища.

К туше подошел вождь Острое копье, он стал рассказывать о том, как они охотились и как лось сам пришел к ним... Копья летели и летели в животное. Вот оно рухнуло на землю, напоив траву своей кровью. Из этой крови на следующий год родятся новые лоси...

На шее жертвенного животного появлялись новые насечки, - их делал главный шаман, он бил в бубен, благодарил богов за пищу.

Наконец из жилища шамана вышла его жена, на вытянутых руках она несла глиняный горшок с огненным цветком.

Шаман принял горшок, подошел с ним к кострищу и разжег огонь. Запылали сухие ветки, засуетились женщины, разделывая тушу лося.

...Так, а может быть иначе проходила жизнь наших предков, тех, которые на заре цивилизации в Сибири начертали нам на скалах Томской писаницы свои послания.

Зачем им, живущим в условиях суровой действительности, потребовалось проскребать острым камнем плоские поверхности твердого песчаника, вытачивать на нем сцены из жизни племени?

Кому они их адресовали? О чем рассказывается в них?

Томская писаница хранит свои тайны. Мы, сегодня живущие, можем только догадываться о мыслях своих предков.

...Маленькое сердечко около бегущего лося при ближайшем рассмотрении оказывается маской. Особенно хороши рисунки лосей. Животные изображены в движении. Бегущие лоси и человек на лыжах с петлей в руках - это жизнь. Реальная жизнь реальных людей, но в далеком прошлом.

Именно здесь, стоя у скал с рисунками, чувствуешь ту самую ниточку родства, связывающую нас и человека с острым камнем в руке, пишущего свою историю, и тех, кто приходил к святилищу, чтобы воздать хвалу богам за подаренную пищу и удачу.

Они наши предки, и мы о них знаем от тех безвестных художников, живших много сотен лет назад.

...Скала с рисунками древних людей на берегу реки Томь была открыта на рубеже XVI -XVII вв. Ее описания содержатся в трудах известных ученых и путешественников XVII- XIX веков Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, Г.И Спасского и многих других.

...На высоком правом берегу Томи сама природа создала уникальное место – гладкие вертикальные выходы камня, а перед ними – узенькая дорожка. Видимо, этим древние художники и воспользовались. Было ли это просто местным художественным музеем или святилищем - мы не знаем. Однако можем порадоваться за наших предков, которым не было чуждо творчество.

О музее-заповеднике можно писать много, но словами не передашь величие природы соснового леса, могучее движение Томи, одушевленность наскальных рисунков.

Работники музея не остановились на охране только древней писаницы. Коллекция музея пополнилась экспозициями, такими, как «Мифология и эпос народов Сибири»; «Архитектурно-этнографический комплекс «Шорский улус «Кезек»; «Славянский мифологический лес» (реконструкция языческого святилища) и другие.

Кроме этого именно на территории Томской писаницы «поселился» кузбасский Дед Мороз, его резиденция интересна во все времена года.

Зоопарк также нельзя пройти мимо. Для самых отважных, конечно, интересна тропа страха. Это что-то! Пройти ее не каждому удастся.

В отпуск мы стремимся уехать в Турцию, Египет. Это, конечно, интересно и познавательно. Иногда мы знаем чужую историю лучше своей. Хотя познание родных корней бывает куда полезнее не только для взрослых, но и для детей в большей степени.

Фотоэтюды автора

Так начиналась история...

Велик и могуществен повелитель Вселенной Змей Темелуфф. Подвластны ему созидание и разрушение. Братом родным приходится самое постоянное – Время, родной сестрой - Вечность. Живет Великий Змей меж Галактик. Звездами играет будто мячиками.

Змей Темелуфф – Дух Вселенной. Чтобы всюду успеть и за всеми присматривать, есть у повелителя бесчисленные армады духов.

Когда Змею встречается новая, никем не заселенная планета, он отправляет туда Главного Духа планеты, а с ним - хранителей. В их обязанности входит охрана покоя Духа планеты.

Так, много миллионов лет назад Темелуффу приглянулась одна небольшая планета, принадлежащая среднезначимой звезде по имени Солнце. Каменистая поверхность этого небесного тела сверху была прикрыта клубящейся бурой атмосферой. Крохотное зернышко в бесконечной пустыне космоса было таким трогательным, что Темелуфф отправил на нее Духа Мантия и наказал облагородить планету, населить ее травой и животными.

Нырнул Мантий вниз, ударил по поверхности лапами, и вздыбилась она остроконечными горами. Там, где щелкнул по камням хвост, пролегли глубочайшие впадины. Заходила ходуном планета, раскрошились скалы, рассыпаясь в пыль. Ветер поднимал вихри и нес эту пыль вдаль, засыпая глубокие провалы.

Наконец, пришла пора перенести сюда жизнь. Зарычал Дух планеты так, что у высоких гор раскололись вершины, а с неба на поверхность планеты полетели острые молнии. Они хлобыстали вдоль и поперек, пока над планеткой не появились бурые курчащие облака и не полился первый дождь.

Дождевые потоки становились все сильнее, вода лилась с небес потоком, заполняла ямки и ямины, образуя лужи и озера, реки и моря.

Так прошел целый вселенский день, и он длился многие тысячи наших лет. Дух планеты утомился и решил отдохнуть, вышел на берег рокочущего океана и погрузился в его теплые воды.

Хорошо-о-о! Заскорузлые чешуи тела размякли, из их складок вымывались семена и споры растений, мелкие животные, которые застряли в коже ещё на третьей планете звезды Дельта-эпсилон.

Выходить из воды не хотелось, но к поверхности уже спешили хранители. Так что Мантий поднялся на ноги, помотал головой, потом всем телом и, наконец, отряхнул хвост. Полетели по планете брызги, а с ними и жизнь.

Бурая планета стала рыжей с зелеными проплешинами. Семена, прорастая, образовывали леса и луга. В траве завозились мелкие животные. В воздухе полетели неуклюжие птицы. Жизнь пришла на рыжую планету.

Вот и второй день на исходе. Мантию было пора на покой. Он выбрал расщелину и по ней пробрался вглубь небесного тела. Стал устраиваться на ночлег. Ворочался с боку на бок, вздыхал и всё никак не мог заснуть.

А на поверхности от его ворочания раскалывались скалы, из трещин вырывалось огненное дыхание властелина, на месте морей поднимались горы, из разломов текли расплавленные камни.

Хранители едва поспевали убирать обломки скал, поправлять русла рек, спасать животных. Они ждали, когда дух уснет, тогда и у них будет время передохнуть и начать обустраивать планету.

Иногда небесное тело содрогалось, это Мантий переворачивался с боку на бок, тогда казалось, что поверхность расколется на кусочки и вместо планеты останется лишь кучка астероидов. Но движения Духа становились все более тихими, лишь иногда столбы огня и пепла говорили о том, что Властелин пока еще дремлет.

Хранители старались вовсю. К небу поднимались мощные кроны деревьев, суша и вода кишели живыми организмами. По небу бежали белые облака. Планета стала голубой. Так прошло ещё четыре дня.

Все это понравилось Великому Змею Темелуффу. Не зря пробыл он в этой галактике целых шесть дней. На его глазах бурая каменистая планетка средних размеров ожила. От радости Змей крутнул легонько небесное тело и полетел по своим делам.

Довольны были и хранители, их труды увенчались успехом. Присели они на шелковистую траву высоченной горы Рал. Любуются - не налюбуются просторами. Белый хранитель времени улыбнулся и говорит радостно:

- Зем-ля!

Что на языке небесных служителей обозначало «Очень хорошо!»

- Земля-а-а, - протянул чей-то тоненький голосок.

Хранители удивленно посмотрели вниз. Там, среди высокой, густой травы, стояло двуногое существо с увесистым сучком в руках, растягивало губы в улыбке и тянуло: «Земля-а-а».

- Чело - век? – спросил фиолетовый хранитель тишины, что обозначало: «Кто это?»

- Человек! – произнесло существо и ткнуло пальцем себе в грудь, укрытую волчьей шкурой.

- Да, - засмеялся синий хранитель неба, - первый.

И хотя это обозначало: «Какой занятный зверь», существо поняло все по-своему. Он развел руки в стороны, сделал задумчивую мину и произнес:

- Да-а-а-а! Первый!

Из травы выбрались еще несколько двуногих. Они столпились у подножья горы хранителей, тыча пальцами то в небо, то на вершину горы.

- Говорит гора, - воскликнул рыжий верзила.

- Земля! – воскликнул обладатель волчьей шкуры и показал на пространство вокруг себя.

- Земля? – удивленно протянули ему сородичи.

- Да! – утвердительно кивнул головой он и ткнул пальцем в себя. – Человек!

Хранителям понравилось, что существо может слышать их речь и разумно воспроизводить слова.

- Надо научить их разговаривать, - предложил желтый хранитель полей и лесов.

- Но они наши слова понимают по-своему, - возразил хранитель времени.

- Боги! Это боги! – вскричал красный хранитель огня. – Они встречаются только на планете системы Дельта-эпсилон. Они умеют мыслить и могут развиваться.

- Боги! – снова раздалось снизу. Существа протягивали вверх руки и благоговейно закрывали глаза.

Зеленый хранитель жизни решил спуститься вниз, к двуногим. Он положил руку себе на грудь и назвал свое имя: «Здраст Вуй».

Двуногий в шкуре волка поклонился, положил руку себе на грудь и тоже сказал: «Здравствуй!» Но слово прозвучало как приветствие.

«Здравствуй! Здравствуй!» - загалдели его сородичи.

Хранитель недовольно покачал головой и сделал еще одну попытку. Он протянул руку к двуногим и произнес: «Боги».

Двуногий отрицательно мотнул головой.

- Человек, - положил он руку себе на грудь и добавил, - боги – это ты!

Его сородичи обступили хранителя, рассматривали, трогали его одежды.

- Зе - мля? – спросил их хранитель, показывая на свои одежды.

Рыжий верзила взял непонятливого бога за руку, показал вокруг и сказал:

- Земля – это. Боги – ты.

Однако очень хотелось хранителю научить разумных и упрямых двуногих своему языку. Он поднял руку вверх и безнадежно сказал:

- Небо.

- Небо! – вторили ему двуногие.

- Лес.

- Лес, - восторженно орали обучаемые.

- Трава, - сорвал травинку хранитель.

- Трава, - наперебой кричали двуногие.

От восторга хранитель так обрадовался, что чуть не задохнулся. Он показывал на предметы, животных, называл их, и в ответ слышались правильные названия.

Вдруг над миром раскинулась разноцветная полоса. Это хранители постелили свои тропинки, чтобы спуститься с горы вниз.

- Братья, - сказал Зеленый хранитель, что обозначало дорога хранителей.

Но двуногие подпрыгивали от счастья и кричали: «Радуга, радуга!» А рыжий укоризненно посмотрел на хранителя, покачал головой, показал на сотоварищей и наставительно сказал: «Братья».

Поморщившись от неудовольствия, хранитель буркнул: «Дорога...» Что обозначало «глупые».

Обладатель волчьей шкуры снова взял хранителя за руку, показал на тропинку и произнес:

- Дорога, - потом показал вверх, - радуга, небо.

С горы кубарем слетел желтый хранитель. Он показал на себя и закричал:

- Хранитель!

- Хранитель! – закивали головами двуногие.

- Трава... Дерево... Река... - выкрикивал желтый хранитель, показывая вокруг.

- Трава... Дерево... Река... - соглашались существа.

- Рал, - показал на вершину горы хранитель.

- У-у-урал! - обрадовались двуногие.

- Гора Рал.

- Гора Урал!

Немного успокоившись, хранитель показал на рыжего и сказал: «Бог».

Племя разочаровано загудело: Рыжий заглянул печально в глаза хранителю и тихо произнес:

- Бог – ты, я – человек.

От отчаяния Хранитель сел на камень и тоскливо махнул рукой. «Люди», - сказал он, что обозначало: «Бесполезно».

- Люди, люди, - снова загалдели двуногие, тыча пальцами друг в друга.

Седьмой день подходил к концу, и хранители вернулись на свою вершину. Они стали совещаться, что же делать, как научить двуногих разговаривать правильно.

- Почему мы решаем за двуногих, как им говорить, как развиваться, - развел руками фиолетовый хранитель тишины.

- Они коверкают наш язык, - обиженно сказал желтый.

- Зато создают свой, - задумчиво проговорил хранитель неба, - и они так похожи на нас.

В это время всколыхнулась поверхность планеты, по ней побежали трещины. Из жерл вулканов вырвались клубы пепла, потекла раскаленная лава. Заметались двуногие по полям и лесам, проваливаясь в трещины, на их головы сыпался горячий пепел...

Хранители впервые забыли про свои обязанности, они кинулись в долину спасать новоявленных людей.

Так начиналась история Земли, история Человека.

Атлантида – земля, исчезнувшая с лица Земли в столь далекие времена, что о ней не осталось письменных сведений у народов, контактировавших с атлантами. Почему не осталось сведений? Потому что в ту эпоху на других материках не было письменности, даже клинописи.

Сохранившиеся словесные описания погибшей цивилизации были записаны монахами, но по принципу глухого телефона: кто-то дополнил, кто-то превратил в легенду.

Сегодня все, что касается Атлантиды, превратилось в массу домыслов, легенд и догадок. Ученые и фантасты, любители, практики и теоретики много веков пытаются заглянуть в глубь веков, понять, что же за цивилизация существовала на погибшем материке?..

Земля Великого змея Ид

Верховный жрец Атлантиды Тор стоял на верхней крыше храма Даров и с высоты птичьего полета смотрел на Идилию, главный город Великой Спирали. Взгляд остановился на небольшом жилище Второго кольца. Он его мог узнать из многих...

...- Земные атланты разбивают только кувшины своих врагов, - добродушно ворчала черноволосая женщина, собирая черепки от разбитого кувшина, - а того, кто рушит свое жилище, схватит огненной пастью Великий змей Ид.

Мальчик лет четырех шмыгнул в соседнюю комнату и подошел к сидящему на тростниковой циновке старику.

- Атланты ходят быстро, но осторожно, как лисы. И ты, Тор, должен научиться двигаться как молния, но бесшумно, - улыбаясь, заговорил старик. – Змей Ид не любит шума.

- Ана, а ты видел Великого змея? – лукаво взблеснул глазенками мальчик.

- Много я повидал в своей жизни. По два дня летнего солнцестояния плавал к Черному и Зеленому берегам. Видел гнев бога большой воды Пасея, а вот Ида видеть не довелось.

- Так, может, его вовсе нет?

- Пойдем на ветер, я тебе кое-что покажу.

Старик и мальчик поднялись по деревянной лестнице на крышу дома. С моря дул теплый ветер. Ровная, как стол, крыша была окружена деревянными резными перилами, отсюда открывался вид на главный город Великой Спирали.

- Посмотри на север, - сказал старик и показал в сторону горной цепи.

Далеко за городом высились горы, их острые вершины прятались в клоках белых облаков. Из самой высокой шел дым. Склоны гор зеленели ковром лесов. У подножья гор виднелись поля, поделенные на зеленые, желтые и черные клочки. Ближе к первому каналу простирались богатые сады Великой спирали.

По трем кольцам каналов сновали туда и сюда большие и маленькие лодки. Каналы обнимали каменные постройки города Великой Спирали.

- Я часто это вижу, Ана, - хмыкнул мальчик.

- Твой ум еще не вошел в пору мудрости. Важно не только смотреть, но и видеть.

Старик повернулся к горам, вскинул ладони так высоко, что белая хинда глубокими складками стекла ему на плечи, обнажив сухие, как высохшая ветка оливы, руки.

- Выслушай, будущий атлант, сказание достоверное еще и потому, что рассказал мне его старец Мон, человек, которого чтили даже красноголовые торговцы с диких островов Севера. Ему историю поведал один очень старый жрец, высекавший законы на камне.

Рисунок Александра НОВИКОВА.

Когда ты познаешь знаки Атла, то на стене мудрости увидишь - земля Атла, Анты, Ида не всегда была такой. Она была ровной, и только в центре стояла высокая гора. Это было жилище змея. Из ее вершины шел дым, так же, как и сейчас из Огненной горы. Это дышал Великий Ид. Иногда он переворачивался с боку на бок, и тогда каменные дома разваливались, как глиняные сараи. Земля вздымалась, и в ней появлялись трещины. Ид снова засыпал, и все затихало.

Но однажды хозяин этой земли проснулся. Его вздох был так силен, что у высокой горы разорвало вершину. Гора стала меньше наполовину. В небо полетели громадные камни. Они падали куда хотели, а потому погубили многих людей.

Ид вздохнул снова, и гора рассыпалась, как просяные зерна из кувшина. Снова в небо полетели большие и маленькие камни. Острый камешек попал змею в горло. Великий змей разгневался. Кашель стал разрывать легкие хозяина земли. Из его груди изверглись огонь и дым, земля вздыбилась и начала раскалываться. В проломы земли стало видно самого огненного змея. Его тело извивалось и жадно поглощало камень.

Люди падали в трещины, и змей поглощал их. Они бросались в море, но от жара море кипело. Наконец Ид вышел из разломленной огненной горы и пополз по долине. Там, где прошло тело Ида, горели камни, кипели реки и водоемы. Твердь проваливалась, и волны большой воды захлестывали провалы. Море пришло сюда и кипело от жара тела змея. На севере из Земли за одну ночь выросли высокие горы, а долина погрузилась в царство Пасея. Над водой оставалась только искрошенная вершина жилища Великого змея. Ее окружали три кольца тверди.

Много лет люди опасались возвращаться на землю Великого змея. Только смельчаки сюда наведывались. Они рассказывали, что бог большой воды отдал змею Иду долину. Но там, где прополз змей, земля была горячей, как очаг, на котором готовили пищу для многих гостей.

Из горы без вершины долго было слышно ворчание Ида. Иногда он вздыхал, и тогда из его пасти в небо летели камни и черный пепел. Вся земля была черного цвета. С годами в южных землях бурно разрослись деревья и кустарники. В лесах появилось много дичи. Горы защитили долину от холодных северных ветров и западных ураганов, в них нашли много металлов, которые мы можем обменять у людей Черной земли, у мореплавателей с красными головами. Земля Ида кормит и поит нас. Много сменилось людей на земле Великого змея, остыли следы Ида. К нам пришли боги Атл и Анта. Они дали нам знания и учат мудрости. Земля стала Атлантидой, это имена трех наших богов.

...Мальчик завороженно смотрел вдаль. Потом повернул голову и спросил:

- Куда же ушел Великий змей?

Старик прикоснулся к голове мальчика и быстро отдернул руку, воинов нельзя приучать к ласке.

- Никуда. Он спит. Глубоко под землей его дом, и только его дыхание выходит в наш мир. Видишь Огненную гору, а над ней дым, это Великий змей дышит, а тело его под главным Храмом Даров.

- Храм Даров – это дом Великого змея?

- Да. Когда-то наши прадеды построили Храм Даров на том месте, где Великий змей выбрался в долину из-под земли. Здесь мы ближе всего к Великому Иду. Храм Даров стоит на холме. Это все, что осталось от жилища Великого змея. Бог Пасей остудил тело Ида и начертал в долине вот эти каналы. Наши предки каналы расчистили и сделали ровными. Старец Мон поведал, что бог Атл и его дети атланты помогали обустраивать Атлантиду, расчищать каналы. Атланты были сильны так же, как и сегодня. Они носили по целой скале на плечах. Они помогли сложить плиты храма жертв. Обелиски бога Ра и богини Нано Атл принес на огненном шаре. Обелиски сделаны из камня, которого нет на земле Великого Ида, они и в день ярости бога Ра остаются прохладными. Их поверхность покрыта дорогим орихалком, так же, как и стены храма бога Ра.

Знай, что Храм Жертв похож на Огненную гору без вершины, и поставлен он на след Великого змея. По обе стороны у входа в храм высятся два обелиска. Обелиск бога Ра один раз в год в день летнего солнцестояния принимает на своей вершине первые лучи божественного светила.

По южному склону холма к Храму поднимается величественная лестница. Она выше лестницы Храма Даров. Её высокие ступени высечены из камня Огненной горы, уходят вверх, в клубы тумана, где живет богиня Анта. Ступенек там столько, сколько дней надо было пройти богу Ра, чтобы вернуться в точку летнего солнцестояния.

- Боги Атл и Анта слуги Великого змея?

- Они его земное воплощение Великого змея. Когда на землю пришли боги покоя и мудрости Атл и Анта, довольный змей Ид успокоился и уснул. С тех пор прошло столько лет, что дети успевали становиться стариками и уходили, давая место новым детям. Много жрецов Храма Ра и Нано прошли свои последние ступени Храма Жертв.

Изменилась долина. Склоны Огненной горы покрылись зеленым ковром лесов. Атл и Анта научили земледельцев пахать землю, выращивать пшеницу, садить сады, дали календарь, в котором было 365 солнц.

Помогли построить город Идили. Города Великой Спирали соединились прямыми каналами и дорогами. По ним теперь легко проплыть к любому жилищу. Научили нас строить большие лодки с парусами. Земные атланты теперь могут плавать в далекие страны.

Небесные атланты научили людей великим ремеслам, плавить металлы, де-

лать из металла красивые предметы, высекать из монолита громадные каменные глыбы, умели перемещать эти глыбы на большие расстояния. Это они покрыли стены главного храма ослепительным металлом, орихалком, что означает - блестящий.

- Ана, атланты были выше Огненной горы?

- Дети Атла и Анты были так велики, что моя вершина, - и Ана показал себе на макушку, - была наравне с их коленями.

- Почему атланты покинули Атлантиду?

- Атланты сели в свои лодки, которые могут двигаться без весел и парусов, и понесли свои знания другим народам. Царем у них был Осирис, а верховным жрецом Анубис. Это произошло тогда, когда мои предки еще не построили это жилище, а родитель моего родителя еще не познал Огненной горы и ни разу не встречался с богом Пасеем.

- Ана, возьми меня с собой, я хочу идти к Огненной горе.

- Я уже не атлант, - усмехнулся старик, - а ты еще не достиг возраста малого атланта. Мы не можем идти к горе, иначе рассердится Великий змей, что мы его тревожим.

В это время земля колыхнулась, и старец упал на колени, подхватив внука.

- Перевернулся Ид на другой бок, теперь уснет надолго.

Сколько же прошло солнц? Много! Не довелось Тору стать земным атлантом-воином. Не познакомился он с владыкой Большой воды Пасеем. Не пришлось ему биться с дикими племенами, населяющими земли Срединного моря.

Тор вспомнил, как первый раз увидел бога Анта при обучении в школе земных атлантов. Тот сидел на скамье Великого змея, что была выше любого жителя их страны. Его великая фигура заполняла почти все пространство помещения. Облокотившись о свое колено, он слушал будущих земных атлантов. Ответы Тора ему понравились, и бог поднял руку. Это означало только одно – Тору назначено стать следующим Верховным жрецом.

Через десять дней летнего солнцестояния Атл взял Тора с собой в огненный шар. Тор был готов сгореть от сияния шара, но оказалось, что внутри тихо и не опасно. Бушующий огонь не приносил вреда людям, и сквозь него можно видеть многое.

- Ваша земля, - говорил Атл, показывая Тору разные земли, - только часть большой планеты. Есть материки больше вашего, но они не такие щедрые. Земля Ида опасна вулканами. Они очень активны, могут уничтожить весь ваш материк.

Тебе, как будущему Верховному жрецу, надо расселить земных атлантов на большие материки, которые хоть и менее пригодны для жизни, но более безопасны. Ваши лодки должны плыть на запад и на восток. Пусть земные атланты строят города, засевают поля, разводят скот.

Будущий жрец не мог оторвать глаз от видов разных земель, от большой воды, разлившейся между кусками земли.

- Как земные атланты найдут эти земли? – спросил Тор.

- У вас есть наши знания и наши проводники. У земных атлантов будут схемы путей. Мы дадим вам новые знания.

В шаре раздался треск, и возникло мутное облако. Муть рассеялась, и в шаре возникла фигура очень высокой женщины, с распущенными светлыми волосами. Вместо браслетов на руках и ногах ее извивались ядовитые змеи. Шею обвивали сразу несколько гадов. Казалось, что они кишмя кишели не только на теле, но и на голове. Как будто бы на голове растут не волосы, а змеи.

«Повелительница змей Анта Горгона...» - в ужасе подумал Тор, опустил глаза и приготовился умереть. Жители северных земель рассказывали, что у богини Анты очень красивые глаза, но тот, на кого она взглянет – окаменеет и умрет.

- Анта, ты вовремя, - повернул к ней голову Атл. – Думаю, пришло время дать людям механизмы.

- Не торопись, Атл, - нахмурила брови богиня, - Человек должен пройти цикл, чтобы научиться использовать наш дар. Мы научили людей плавить металл, они из него сделали не плуги, а оружие. Лаборатория Анубиса и Осириса дважды подверглась нападению. Люди охотятся за жезлом-маяком Осириса, считают, что с его помощью они обретут власть над миром. Пирамиды-лаборатории и капсулы для телепортации создали целый культ умерших. Вместе с властителями захоранивают сотни домочадцев и слуг, потому что считают, что все оживут в другом мире.

- Мы можем им помочь преодолеть нехватку знаний.

- Атланты живут во многих землях. Передают основу знаний, но люди везде вначале создают оружие. Основа их жизни не развитие, а война. Этот мир должен накопить знания, научиться использовать их для жизни. Наш мир прошел долгий путь развития, мы открыли дороги в другие пространства, но не имеем права ставить другую параллель жизни под угрозу.

- Если взять группу людей в нашу параллель на один период, они принесут в свои семьи наши знания. Люди считают нас богами, то есть сверхестественной силой, свою страну называют землей атлантов – Атлантидой, а мальчиков и мужчин земными атлантами.

Женщина гневно свела брови. Змеи на теле зашевелились. В светящемся шаре стало душно. Тор стоял за спиной Атла, не шевелясь, краем глаза наблюдал за богиней, в ужасе слушал и ничего не понимал из речи богов.

- У нас разное течение времени, и люди, вернувшись, окажутся не в своей эпохе. По закону нашей параллели мы не имеем права на столь жестокие эксперименты. Мы можем только наблюдать и предупреждать людей этой параллели о катаклизмах. Ну а то, что они нам подражают – это хорошо, пусть учатся добру и познанию.

- Мы можем не успеть дать знания людям.

- Лучше не успеть дать знания, ведь в них заложена двойная сила. Они могут развить, а могут уничтожить. Нам надо еще понаблюдать за людьми в разных странах.

- Наши порталы несовершенны и в любой момент могут закрыться.

- Атланты могут подождать открытия порталов в пирамиде Анубиса. Его лаборатория имеет наше течение времени.

Бог Атл прошелся по помещению, постоял в задумчивости и вдруг обратился к Тору:

- Хочешь, я научу тебя управлять этим планетолетом или, как вы его называете, светящимся шаром?

Тор задохнулся от счастья и не мог вымолвить ни слова. Он только согласно мотал головой. Управлять огненным шаром, это значило стать больше чем жрецом или царем, самим богом.

Подошла Анта, змеи на ее голове успокоились и висели словно плети. Женщина присела, ласково заглянула в глаза будущему жрецу и спросила:

- Зачем тебе огненный шар?

- Мне покорятся север и юг Атлантиды, Черный берег и страна Красноголовых – выпалил Тор, не смея промолчать. Богиня смотрела так, что слова сами бежали на язык. – Я завоюю Зеленый берег.

Анта поднялась и посмотрела на Атла с победной усмешкой: «Люди не готовы к знаниям. Они должны получить их сами и научиться использовать для жизни».

Тор не помнил, как они вернулись. Очнувшись, обнаружил себя стоящим рядом с обелиском бога Ра около Храма Жертв.

Все это время Верховный жрец жил ожиданием того, что он войдет в Огненный шар как хозяин, будет повелевать им.

Тор тяжело вздохнул и поднял глаза к небу.

На запад от вершины Огня, нарушая ослепительную синеву неба, зарождалась черная туча. Из ее клубящегося тела вырывались огненные стрелы и врезались в склоны высоких гор Атлантиды, где у подножья содрогалась зеленая долина, разрезанная ровными круговыми каналами. Прямой, словно луч солнца, главный канал соединял внутренние водные артерии города Великой спирали с могущественной Большой водой, хозяином которого был щедрый, но жестокий Пасей.

Туча быстро разрасталась и уже застилала почти все небо. Тьма поглощала свет солнца. Ветер гнал с моря яростные водяные валы. Казалось, что море вот-вот накроет зеленую равнину, застроенную каменными домами, храмами, поросшую богатыми садами. Волны налетали на обрывистый берег, расшибались в мелкие брызги и падали снова в море.

Верховный жрец Атлантиды Тор повернулся к горе Огня, словно спрашивая у нее совета, но каменная громада без острой вершины молчала и тихо курилась. Порывы ветра подхватывали и рассеивали тонкий дымок.

Еще в прошлый день летнего солнцестояния главный город Великой Спирали благоденствовал и процветал. Он, Тор, на равных восседал с царем Урби здесь, в главном Храме Даров бога Ра, что высился в самом сердце города Идили, они принимали богатые дары от ремесленников, мореплавателей, сеймов и богатых горожан. Грудь Тора точила заноза: бог Атл запретил брать дары с земледельцев и скотоводов, поэтому хранилище даров наполнялось не так быстро, как хотелось. В тот день Атлантида готовилась принести жертвы великому змею Иду. Тор мысленно уже выбрал трех рабов, которые были стары и не могли выполнять работы. В полдень рабов натерли благовониями.

- Верховный жрец не должен приносить в жертву старых рабов, - подошел к отдыхающему в тени оливы Тору высокий се-

Рисунок Александра НОВИКОВА.

довласый жрец, - сеймы привели пятьдесят сильных и здоровых рабов, готовых лечь на жертвенный камень и напоить своей кровью Великого змея Ида.

- Амо, ты гневаешь бога на земле, верховного жреца Великой Спирали, - лениво произнес Тор. - Верховный жрец знает, какую жертву хочет Великий змей Ид.

- Кровь старых рабов не может накормить Великого змея, и он проснется, - нахмурил брови Амо.

- За сорок дней летнего солнцестояния, что были в жизни Верховного жреца, он ни разу не слышал, чтобы Великий Ид лишний раз глубоко вздохнул. Он крепко спит.

- Хранилище твоего разума пресытилось властью и перестало слышать, видеть.

- Если Амо решил состязаться со мной в силе духа, ему вначале надо слиться со светящимся шаром Атла, - поднялся с ложа Тор. – Я могу приказать Атлу сжечь тебя в светящемся шаре.

- Бог Атл выше жрецов, - высоко вскинул голову Амо. – От мрака мыслей ты стал тяжелым, и сегодня посмотрим, сможешь ли ты пройти ступени Ида.

- Надеешься стать верховным жрецом и говорить с Атлом?

- Богиня Нано не каждому светит на ступени Ида.

Бросил жрец, повернулся и ушел. Внутри Тора пробудилась и закружилась черная жизненная сила. Амо служил богине ночи Нано и был в городе Великой Спирали уважаемым жрецом, так что ссориться с ним было бы неразумно.

Скрепя сердце Тор приказал привести всех жертвенных рабов на площадь и готовить их для жертвоприношения.

Ночь Летнего солнцестояния была и ночью Большой Луны, тучи рассеялись, жрецы, жрицы и жители города пришли к подножью Огненной горы, чтобы слиться в едином дыхании с Верховным жрецом. Рабы принесли на носилках из слоновой кости властителя Идили Урби. Жители города принесли богатые дары Великому змею и стояли в ожидании.

У нижних ступеней Храма Жертв стояли пятьдесят рабов. Их тела натерты благовониями, на головы надеты венки из ветвей оливы.

Тор надел белую хинду из необыкновенно тонко выделанных шкур животных. Полупрозрачная одежда отливала серебром вышивок. Поверх хинды рабы накинули тяжелый плащ из пластин серебра и золота, скрепленных меж собой, словно это была чешуя рыбы. Рабы закрепили плащ золотой гривной, на которой сияло солнце. Шапка отождествляла холм со стоящим на нем Храмом бога Ра. Тор вышел на террасу, спустился к основанию жертвенного храма. Повернулся на запад, словно спрашивал разрешения у заходившегося солнца. Чешуя плаща вспыхнула под последними лучами светила и померкла. Помедлив, Тор подошел к лестнице, ведущей наверх холма к Храму бога Ра. Высокие ступени засияли серебром в голубоватом свете ночного светила. Богиня Нано благоволила к жителям земли Ида.

Взяв в руки жертвенный топор богов Яс, верховный жрец и бог на земле Тор начал подниматься к верхнему храму. Высокие ступени, высеченные из окаменевших следов Великого змея, оставались одна за другой там внизу. Вот уже пройдена первая стадия, состоящая из десяти десятин. Осталось две стадии, шесть десятин и одна рука. Надо пройти все 365 путешествий Солнца с востока на запад, достичь жертвенного камня...

Вторая стадия осталась тоже внизу. Ступени почему-то показались очень высокими. Воинственно поднятый над головой жертвенный топор тянет руку вниз.

Тор усилием воли перешагивает оставшиеся ступени, взмахивает топором, и Яс величественно сверкает в свете Нано. Рабы, связанные одной веревкой поднимаются по склону, их подгоняют жрецы.

Верховный жрец радуется, что рядом никого нет, и он может перевести дух.

Первый раб пьет вино богов, с последним глотком его кладут на жертвенный камень. Взлетает вверх Яс...

Это было еще так недавно. Дважды после Большой Луны приходил бог Атл. И не было с ним светящегося шара.

Бог Атл пришел, как богиня Анта, из водяного пара, что возникло между обелисками Ра и Нано. Он призвал к себе Верховного жреца и непонятно говорил с ним.

- Тор, я показал тебе многие земли, чтобы ты расселил атлантов. Вы должны оставить землю Великой Спирали. Передай земным атлантам, пусть грузят в лодки семьи и рабов и плывут на восток и запад.

Атл возвышался над Тором, как Огненная гора. Его брови были сведены к переносью, глаза с тоской смотрели на прекрасный город Идили. Тор тоже принялся рассматривать город, но ничего печального в нем не нашел. По трем каналам плавали лодки разной величины. К дальней пристани подходил большой парусник земных атлантов, вернувшихся с Зеленого берега, значит, будут большие дары...

«Уплывайте, а то погибнете», - произнес Атл, затем раздался легкий треск. Тор оглянулся и увидел, как меж обелисков рассеивается облачко водяного пара.

... Вот уже Нано трижды прятала свой полный лик. Разгневался. Он посылал на землю непрерывные потоки дождей. Каналы выходили из берегов, захлестывали дома и храмы. Поля и сады Великой Спирали тонули во влаге. Земледельцы уходили со своих наделов. Скотоводы угоняли тучные стада высоко в горы. Чтобы не начался голод, жрецам пришлось открыть хранилища.

Все это тревожило население страны Атла и Анты. Началось недовольство среди жрецов и сеймов. Жрецы считали, что во всем виноват Тор. Он объявил себя богом на земле и в отсутствие бога Атла отправлял большегрузные лодки под парусами к Черному берегу, там мореплаватели обменивали зерно и металл на драгоценные камни и рабов. Каждый месяц из Большого канала выходили лодки, они расправляли паруса и скрывались в восточной части моря. Часть лодок забирал себе морской бог Пасей, но часть возвращалась нагруженная диковинными камнями, слоновой костью и рабами.

Сеймы были недовольны тем, что большую часть грузов Тор забирал себе. Наделял близких себе сеймов, давал возможность им торговать не только в царстве Атла, но и в царстве богини Анты Горгоны. Повелительница змей вот уже много времени не спускалась в долину. И жадные сеймы грабили северные племена, угоняя их скот, разоряли дома.

- Погодите, - грозили вслед сеймам жители долины Анты, - заглянет Анта в глаза, увидит черную печень, и окаменеете.

Красивыми были глаза у богини, восхитительным был взор, но не всякий мог выдержать ее взгляд. Злобные да жадные падали замертво, стоило только взметнуться пушистым ресницам Анты и приоткрыть светящиеся, словно орихалк, глаза.

- Теперь бог на земле – Верховный жрец Тор. Нет больше Анты, - смеялись сеймы. - Её и Атла прогнал всесильный Тор. Он владеет Великой спиралью и Северными землями.

Второй раз пришел Атл из водяного пара. Он призвал Верховного жреца.

- Почему жители не грузят семьи в лодки? – спросил Атл. – Почему ты не отправляешь людей в другие земли?

- Великий змей Ид спит крепко и не собирается просыпаться, - величественно произнес Тор. - В день летнего солнцестояния мы принесем Иду большую жертву, напоим его дух рекой свежей, молодой крови и попросим не просыпаться.

- Дикость! – вскричал бог так, что Тор оглох на мгновение. Потом Атл повернул Верховного жреца лицом к городу и сказал: - Всё это скоро погибнет. Надо уплывать. У вас мало времени. Скажи людям, пусть уплывают.

И тут проснулся могучий подземный бог - змей Ид. Он перевернулся на своей каменной постели. Толчок был столь силен, что Тор не удержался на ногах и упал.

- Уплывайте, пока есть время, - сказал Атл и растворился в облаке водяного пара.

С тех пор Великий змей постоянно ворочался с боку на бок, от этого земля приходила в движение и недовольно гудела. От его вздохов над Огненной горой взлетали столбы дыма, в небо летели камни.

Нельзя было допускать, чтобы Ид окончательно проснулся. Жрецы и жрицы двух царств страны Великой Спирали собрались на совет и решили, что надо принести большую жертву богу Ра и попросить его усыпить могучего Ида.

Верховный жрец Атлантиды Тор стоял на верхней крыше храма Дарови с высоты птичьего полета смотрел на Идилию, главный город Великой Спирали. Нужно было готовиться ко Дню летнего солнцестояния. Нужно готовить большую жертву.

...В ночь Большой Луны тучи рассеялись, и жрецы к холму собрали полторы тысячи рабов, привели десять самых красивых девушек и десять самых сильных воинов. Их тела натерли благовониями, на головы надели венки из ветвей оливы.

Тор надел свою белую хинду. Тончайшая кожа, расшитая серебряными нитями, ласково прикасалась к телу Тора. Рабы принесли плащ из пластин золота и серебра.

«Только у сына бога Пасея может быть золотая чешуя рыбы», - подумал Тор и шевельнул рукой. Пластины тонко запели. Двадцать мастеров в течение двух лет чеканили тончайшие пластины, нанося на них письмена Атла. Плащ, надетый поверх хинды, показался ему слишком тяжелым. Шапка Верховного жреца сдавила голову. «Пройдет», - раздраженно подумал он и сел в роскошные носилки.

У подножья Храма Жертв собралось практически все население Идилии. Люди с тревогой вслушивались в тяжелый рокот, стелившийся по горам. Верховный жрец вышел из носилок, повернулся на запад. Но солнца не было видно. Его лик скрылся в тяжелой туче. Из-под другой тучи вынырнула Нано, и чешуя плаща слабо засеребрилась под матовым светом Луны.

- Плохой знак, - подумал про себя Тор и повернулся к Храму Жертв.

Ступени уходили высоко в небо и терялись в темноте. Верховный жрец вдруг явственно услышал, как напряженно подрагивают плиты ступеней. Вибрация передалась в его сердце. Стало страшно.

Но Тор вида не показал. Он верховный жрец и бог на земле. Он сливался с Огненным шаром богов. Он летал в шаре, как птица. Он сравнялся с богами и говорил с ними на их языке...

Вскинув высоко голову, Верховный жрец взял в руки жертвенный топор богов Яс, подошел к лестнице, поднял ногу для того, чтобы поставить ее на первую ступень. Толчок земли сшиб его с ног, отбросил в толпу рабов, готовых лечь на жертвенный камень.

- Боги не пускают Тора в Храм Ра, - ахнула толпа.

- Мы отреклись от бога Атла, забыли о наставлениях богини Анты, - запричитали жрецы и жрицы.

Большая Луна кроваво-красным диском уходила на запад, покрывалась неспокойными водами Великого моря. На главный город земли Великой Спирали упала непроглядная ночь. Звезды стояли на небе без движения.

Тор поднялся на ноги. Тор молчал. Ему нечего было сказать, потому что он промолчал и не передал жителям двух царств предупреждение бога Атла.

...Верховный жрец все стоял у подножья холма, его рука сжимала Яс. Судорога сковала мышцы, плечи устали от тяжести плаща из золотых чешуй. Рабы поддерживали его под руки. Тор ничего этого не видел, уже ничего не чувствовал, даже то, что на востоке начало подниматься солнце. Его глаза были обращены к вершине холма, к обелиску бога Ра.

Рисунок Александра НОВИКОВА.

Пока он может преодолеть 365 ступеней холма на одном дыхании и без остановок, - он бог на земле. Ему будут подчиняться жители обеих царств. Боги разгневались на него за самовольство и не пустили к верхнему храму.

Вот первый луч солнца прикоснулся к вершине обелиска бога Ра, взблеснул и быстро побежал по камню вниз. Свет хлынул на занемевшую землю.

...Яркая точка в небе стала увеличиваться. Она приближалась и становилась всё ярче. Люди, опустив головы, закрыли глаза, чтобы не ослепнуть. Точка, наконец, превратилась в ослепительно сияющий шар, который, описав дугу над главным городом Великой спирали, опустился на площадку перед храмом верховного бога Ра.

Тор был неподвижен. Его тело от долгого стояния закаменело и не могло подчиняться человеку.

Громовой вздох земли качнул Тора и заставил двигаться. Шаг, еще шаг. Силы возвращались к Верховному жрецу Великой Спирали. Первая ступень... Шаг - еще одна ступень... Чешуя плаща тихо позванивала в такт шагам жреца.

Тор всегда считал ступени, а сегодня на первом десятке сбился со счета.

Сияющий шар бога Атла уже погас и серебряным серпом покачивался в воздухе. Тень от обелиска Ра накрывала часть площади перед храмом и заканчивалась около ног высокого человека со светлыми волосами. Плащ из воздушной ткани развевался на ветру, открывая постороннему взору облегающий серебристый костюм бога. Казалось, что это не одежда, а продолжение кожи, так тонок был ее слой. Под костюмом прослеживались хорошо развитые мышцы тела.

В благостные времена Тору посчастливилось ощутить ткань плаща на своей руке. Ветер поднял ее и бросил на жреца. Ласковое прикосновение чего-то живого, теплого и в то же время невесомого осталось в памяти. Тор заставлял рабов выделывать кожи и выскабливать их до такой степени, чтобы сквозь них можно было видеть, как сквозь воду.

Вот и сегодня на нем была надета такая же белая хинда. Он хотел сравняться с Атлом, он мог быть ему равным, ведь он – Тор - познал тайну божественности. Он мог укротить змея Ид. Он нашел земли к востоку от земли Атлантов. Он мог все, надо только принести большую жертву...

Ступени, казалось, подросли, как оливковые саженцы весной. Ноги едва поднимались на очередной камень. Топор Яс не был гордо зажат в руке. Тор на него опирался...

Наконец ноги его подломились, и жрец упал на колени.

- Почему ты не отправил лодки к Черному берегу вслед за атлантами? – раздался голос Анта.

Словно раскаты грома, покатился голос вниз к подножью холма. Затрепетали жрецы и жрицы, упали наземь те, кто должен своими сердцами ублагостивить бога Ра и богиню жертвенного камня.

- Мы готовы принести большую жертву, - поднял голову вверх Тор, - Великий и могучий Атл, уговори змея Ид не гневаться. Полторы тысячи рабов готовы лечь на жертвенный камень.

- Земля Великой Спирали обречена на гибель, - снова громом прокатился голос бога. – Времени осталось мало, нужно всем погрузиться на лодки и выходить в море.

Ропот ужаса прокатился по толпе у подножья.

Из водяного пара у подножья лестницы возникла фигура очень высокой женщины, с распущенными светлыми волосами и шевелящимися на теле змеями.

- Повелительница змей Анта Горгона... - пронеслось по устам людей.

Взмахнули тяжелые, пушистые ресницы и открыли глаза цвета орихалка. Высверкнул из-под ресниц ослепительный взгляд. Рухнул черный раб, посмевший заглянуть богине в глаза. Упали на колени рабы и жрецы, не смея поднять глаз и даже посмотреть в сторону богини.

Анта, бесшумно ступая по земле, направилась к лестнице. Её легкий плащ скользил по телам рабов, шелестел по одеждам жрецов.

Поднявшись до ступени, где стоял на коленях Тор, богиня глянула ему в беспомощные глаза.

- Чтобы стать богом, надо познать мир, а не собирать злато на земле, - сказала она и ступила на следующую ступень.

Тор не мог произнести ни слова. Его тело окаменело, язык онемел от взгляда Анты. «Нельзя смотреть ей в глаза, нельзя...»

Еще секунда, и главный жрец упал бездыханным.

Женщина со змеями не оглянулась, она поднялась к Анту.

- Здравствуй, Ант. Неужели Великая Спираль погибнет? – со вздохом спросила она.

- К сожалению.

- Мне здесь очень нравилось. Их цивилизация еще только зарождается. Они доверчивы и простодушны...

- Скажи, атланты возвращаются домой? - не дал ей договорить мужчина.

- Не все. Многим удалось найти здесь свой мир. Они продолжат нести людям знания.

- Анубис и Осирис?

- Они остаются. Без их лабораторий мы не сможем открыть ни один портал.

- Их портал, Анта, пока в действии. А этот закрыт, слишком большие всплески энергии. Отпускай своих подруг. Мы не можем взять их с собой, они погубят наш мир.

Женщина погладила змею, приютившуюся на шее, потом резко выпрямилась.

- Не хочу их бросать в этом аду, они все погибнут.

Атл возмущенно вскинул брови, но повелительница змей остановила его движением руки:

- Я остаюсь в этом мире. Это мой выбор. Перенеси меня на большой материк. Туда, где открыт главный портал..

Толпа у подножья холма безмолвствовала. Люди видели, как два бога смотрят на них с высоты холма, но ничего не слышали. Люди ждали помилования. Им не хотелось бросать теплый, родной край, где все знакомо. Они не хотели верить в то, что мир может погибнуть...

- Всем идти к лодкам и плыть к Зеленому и Черному берегам, - скатились с холма слова бога Атла.

Вспыхнул огненный шар, он поднялся в небо и унес с собой богов.

Жрецы и жрицы ждали: вот поднимется на ступенях Тор взмахнет жертвенным топором, рассечет первому рабу грудь и вырвет у него еще горячее, бьющееся сердце. Потечет по ступеням ручеек крови, он превратится в реку. Кровь зальет подножье холма. Змей Ид, напившись чистой влаги жизни, заснет на долгое время, и сон его бу...

Земля колыхнулась, вскинулась, сшибла людей с ног. На холме рухнул обелиск богу Ра, камни ступеней сместились...

- Первые толчки не самые опасные, - сказал Ант, направляя летательный аппарат на восток, - будем надеяться, что люди успеют уплыть. Мы дали им корабли, знания. Они смогут выжить и в других условиях и разнесут наши знания по планете.

Прости меня, Юра!

Худощавый мужчина с густой проседью на висках остановился около табачного киоска, усиленно делая вид, что разглядывает витрину.

- Нет, вы посмотрите на него, - взвизгнув, закричала шедшая рядом с ним женщина. – Юрка, ты что, курить вздумал? Всю жизнь не курил, а тут, старый ты дурень, надумал.

Юрий тяжело вздохнул, поняв свою промашку. «Надо было около «Союзпечати» остановиться», - подумал он, а вслух сказал:

- Не собирался я курить. Меня Федорыч попросил.

- Федорыч его просил, - передразнила жена. – Я у тебя шубу норковую прошу, так ты что-то в шубный магазин не побежал?

- Зина, мы же тебе шубу купили.

- Разве это шуба? У Оксанки со второго подъезда такая же точь-в-точь.

Чтобы не слышать привычные вопли жены, мужчина перекинул в руках тяжелые сумки и прибавил шаг.

- Куда это ты разлетелся? – кинулась догонять его Зина. – Надо Витю с Колькой подождать.

- Папка, - зазвенел мальчишечий голосок, - папка, я тебе мороженку взял.

Русоголовый пацаненок бежал от магазина, держа в руках по брикетику мороженого.

- У меня, сынок, руки заняты, так что кушай сам, - улыбнулся Юрий.

- Не-е-е! Ты наклоняйся, а я тебе буду давать кусать.

- Неловко с сумками наклоняться-то.

- Папка, ты одну сумку Витьке отдай. Он вон, какой здоровый, весь из себя спортсмен.

- Еще чего, - вскинулась мать, - Витенька на борьбе так наломался, а теперь вы ему сумки...

- А папка на даче не наломался? – огрызнулся мальчик, вставая между матерью и отцом. – Витька нигде и ничего не делает.

- Это кто тут ничего не делает? – пробасил рослый парень, спускаясь со ступенек магазина. – Ты, шантрапа, вместе со своим родичем идите и оглядывайтесь, пока по шее не накостылял.

Захотелось бросить постылую ношу и шагнуть в бешено ревущий поток машин...

- Пап, давай я тебе помогу, - взялся за сумку Коля, - не слушай его дурака. Его мамка подучивает.

Сердце захлестнули слезы. Куда от такого шагнешь? Задолбят ведь, замордуют. Эх, Зина, Зина, что же ты за человек? Дети то ведь родные, а как различаешь...

Душа плакала навзрыд. Вспомнилось, как грудничком болел старшенький, как приходилось не спать ночами... А теперь, поди ж ты, вымахал Витя выше отца, уже студент, только уважению не научился.

- Стой, придурок, - рявкнула за спиной жена, - я еще помидоров возьму.

- Куда класть-то, сумки и так неподъемные, - воспротивился Юрий.

- Надо было машину делать, - загоготал старший сын, - не работал бы ишаком.

- Разбил машину ты, - огрызнулся отец, - а мне делать?

- Ребенок чуть не погиб, - бросилась от прилавка на него жена, - а ты счеты сводишь...

Но Юрий уже не мог ее слышать, в нем рождалось солнце. Теплое, нежное светило поднималось из колодца чистой души, грело и заливало сердце радостью. Крики жены и сына заглохли где-то в далеком настоящем. Сумки потеряли вес и казались парашютиками одуванчиков, летящих по воле летнего ветерка.

В волне добра и ласки навстречу шла стройная шатенка. Она разглядывала товар на уличных прилавках.

- Здравствуй, Танюша! – негромко окликнул, будто выдохнул, Юрий.

Женщина вздрогнула от неожиданности, стряхнула с себя ворох мыслей.

- Юра? – улыбнулась она. – Привет! Сто лет тебя не видела.

- Как живешь?

- Нормально. А ты?

- Да тоже нормально.

Малозначительные слова входили в тело, устраивались в сладко ноющем сердце, тихо прикасались к душе. Весь мир состоял сейчас из ее слов и синих глаз, которые смотрели на Юрия, как и прежде, мягко и ласково.

Коля чуть-чуть выступил из-за спины отца и стал разглядывать незнакомку.

- Твой? – спросила Татьяна. – Какой мужик! Давай знакомиться, меня зовут тетя Таня.

- Николай Юрьевич, - важно произнес паренек, протягивая руку. – А ты кто?

- Давняя знакомая твоего папы.

- У меня папа хороший, - выпалил Коля.

- Я знаю, - засмеялась Татьяна. – На тебя похож.

- А был бы похож на тебя, - печально улыбнулся мужчина.

- Прошлого не вернешь, - загрустили глаза Татьяны.

Она прикоснулась к его вискам, непонятно - потрогала или погладила.

- Седеешь....

- Вот стою и наблюдаю, - вторгся в их мир визгливый женский голос, - старый пень так расслюнявился, что и взять у меня помидоры не хочет. Жрать то все горазды.

Татьяна повернула голову на крик.

- Сколько лет прошло, Зинаида, а ты так и не научилась тихо говорить.

- Где уж нам научиться? Я в училках не хожу. Это ж ты у нас грамотная. Витенька, ты глянь, как отец слюни то распускает.

Наклонив голову и раздувая ноздри, Витенька черной тучей надвигался на Татьяну.

- Не сметь! - вдруг рявкнул на него всегда спокойный Юрий. – Помидоры у матери взял... У меня сумки...

Старший сын торопливо перехватил взметнувшиеся авоськи, присев от их тяжести.

- Оба на остановку, и там нас ждать... - говорил, словно молотом по наковальне бил, Юрий.

- Папка, какой ты!.. – восхищенно протянул младший, провожая взглядом заторопившихся мать и брата.

- Я тебя не узнаю, Юра, - чуть слышно проговорила Татьяна.

- Я сам себя не узнал, - досадливо мотнул головой мужчина. - На шею садиться начали. Не захочешь – взорвешься.

- Ладно, заговорились мы с тобой, - Татьяна легонько подтолкнула Юрия в сторону остановки. - Иди, семья ждет. Я рада была тебя видеть.

- Ты не изменилась. Всё для людей... А им это надо?

- Прости меня, Юра!

...Уже сидя в автобусе, Коля шептал отцу: «Папка, женись на тете Тане, я буду на одни пятерки учиться!»

г. Новокузнецк.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев – в прошлом кадровый военный, наверное, от этого военная тема в его литературном творчестве является одной из основных и приводится автором в разных её интерпретациях. Не ушёл автор от военной темы и в представляемой подборке пяти своих прозаических сочинений. Причём, если в рассказе «Как мы Черчилля «победили» - чисто военно-приключенческий жанр, а в рассказе «Знобящий Норд-Вест» явно выражена тревога автора о снижении обороноспособности страны на фоне надвигающейся агрессии извне.

В остальных же трёх рассказах, автор переведя повествование на лирический лад (на тему любви) пытается разобраться в неумении участниками Великой Отечественной войны организовать свою личную жизнь – рассказ «Плата за любовь», трагизм в рассказе «Поздние прозрения». И шокирующий трагизм, в личной жизни военноначальника - генерала Карелина, в рассказе «Шипы и розы любви».

Знобящий Норд-Вест

Рассказ

Историю, подобную рассказываемой, поведал мне когда-то мой бывший сослуживец и однополчанин, штурман-испытатель, полковник Мисюра Григорий Петрович, художественный образ которого присутствует и в получившемся рассказе.

Служили в нашем лётно-испытательном авиаполку два лётчика, можно сказать - два друга, дружба которых в обычное понятие этого слова не укладывалась, поскольку два этих человека были совершенно разными людьми и по разному воспринимали всё, что происходило вокруг них и не входило в круг их непосредственной служебной деятельности. Но сказать, что они были разными, как «лёд и пламень...» - нельзя, они были разные в одном целом, как горная часть реки и её же равнинное продолжение.

Один из этих лётчиков был Кривцов Анатолий Андреевич: маленький, толстенький, коротконогий и вертлявый человечек, постоянно пытавшийся всё перебаламутить и поставить вверх дном.

Второй – Тарубаров Виктор Васильевич: высокий, статный и увальневато-медлительный человек, как полноводная река в своём равнинном течении.

Оба они были старшими лётчиками-испытателями, оба «рядовыми» лётчиками (полковниками), которые из-за отсутствия под своим началом подчинённых (кроме как в полёте), несмотря на свои седины и положение, порой позволяли себе такое, что кроме как мальчишеством их действия назвать было нельзя. Целомудрие к каждому из них возвращалось только тогда, когда каждый из них брал в свои руки штурвал самолёта. И длилось это целомудрие в них ровно столько, сколько штурвал самолёта находился в их руках.

Кривцов по возрасту был немного постарше Тарубарова, поэтому раньше он стал и лётчиком-испытателем. Поэтому же с самого начала их знакомства и совместной службы взаимоотношения между ними установились как между сынком и папашей. Кривцов в любой обстановке называл Тарубарова только по имени, причём в каком-то уменьшительном его значении – Витюлей.

Тарубаров же, несмотря ни на что, везде же называл Кривцова только по отчеству – Андреевичем.

На первом отечественном тяжелом реактивном самолёте-бомбардировщике «ТУ - 16», имевшемся в авиаполку, Кривцов был ведущим лётчиком-инструктором. Как инструктору ему было поручено «вывозить» Тарубарова, основным самолётом которого до этого был средний самолёт-бомбардировщик «ИЛ - 28».

Сделав несколько полётов и произведя несколько нормальных взлётов и посадок, Тарубаров непроизвольно заулыбался, мол - знай наших.

Кривцов, несмотря на то, что был инструктором и имел соответствующее превосходство над своим товарищем (обучаемым), сидя на правом кресле, беспрекословно выполнял главную заповедь правого лётчика - «не мешай левому». Тем не менее, несмотря на то, что у Тарубарова всё получалось нормально, сидел Кривцов на своём месте, как на шиле: ёрзал туда-сюда, туда-сюда, как бы говоря: «Нормально у тебя всё получается, Витюля, но я бы посадил самолёт лучше».

Когда в соответствии с плановой таблицей им оставалось выполнить ещё один полёт, не в силах больше сдерживать себя, Кривцов вымолвил: «Дай-ка, Витюля, я выполню этот полётик, покажу тебе, как настоящие лётчики-испытатели летают», на что он имел право.

- На, покажи! – ответил Тарубаров, убрав свои руки со штурвала, а ноги с педалей.

Кривцов произвёл нормальный взлёт, нормальный полёт по кругу, но при подготовке к посадке самолёта понял, что в самом начале лётной смены при подготовке к полёту он небрежно отнёсся к подгонке сидения по своему росту. Сидение стояло для него несколько высоковато и далековато от штурвала, поэтому короткие его ноги как положено до педалей не доставали. Можно было передать управление самолётом назад Тарубарову, но Кривцову делать этого очень не хотелось.

- Да, в общем-то, вроде бы и ничего, ступни почти полностью лежат на педалях, - подумал он.

Посадка получилась хорошей - самолёт почти не шелохнулся. Но через несколько секунд после посадки начали раздаваться какие-то хлопки то с одной, то с другой стороны самолёта.

- Колёса лопаются, - мелькнуло в голове у Тарубарова. Оглянувшись, он посмотрел на левую стойку – колёса как лыжи скользили по бетонке и не крутились. – Ноги с тормозов убери! - закричал он на Кривцова и, аварийно выключив оба двигателя, выпустил тормозной парашют. Самолёт начал интенсивно останавливаться. Тарубаров оглянулся вновь: лопнувшие покрышки колёс, вращаясь, хлопали по бетонному покрытию взлётно-посадочной полосы, как дырявые калоши на ногах при ходьбе по грязной деревенской дороге.

- Ну и показал, - сказал Тарубаров, когда самолёт полностью остановился, и громко засмеялся.

- А чего ты смеёшься, Витюля? Ты ведь командир экипажа, твои и шишки.

Тарубаров, оборвав свой смех, задумался, после чего выругался излюбленным своим ругательством: «У-у, дрон ушастый!»

Теперь уже зашёлся своим козлячьим смехом Кривцов.

Однако на разборе полётов всю вину за «разутие самолёта» Кривцов полностью взял на себя. В итоге Тарубарова слегка пожурили, а на Кривцова взыскание налагать, всё равно, что гуся водой поливать...

Некоторое время спустя, когда уже Тарубаров летал ведущим лётчиком-испытателем на испытаниях нового четырёхмоторного дальнего самолёта-ретранслятора, способного вести связь с атомными ракетными подводными лодками, находящимися в подводном состоянии, друзьям пришлось, как говорится – «шлифовать своё мастерство на мелкой шкурке» - при проведении очень серьёзных и ответственных работ в Арктике, в условиях крайнего севера. Летали с одного из военных северо-западных аэродромов страны. Командиром экипажа был назначен Тарубаров, Кривцов – вторым пилотом. С самого начала командировки работа как-то не шла, представители промышленности и наука колдовали над испытываемым оборудованием, что-то по ходу дела переделывали, перестраивали, перепаивали.

В результате аппаратура стала работать как надо и дело пошло к завершению. Готовясь к очередному длительному полёту, Тарубаров спросил у ведущего инженера: «Ну что, привозим сегодня положительные результаты и чемоданы паковать начинаем, домой собираемся?»

- Ну, если уж совсем всё будет хорошо, тогда, наверное, - уклончиво и неоднозначно ответил руководитель испытательной бригады.

- Понятно, - с некоторой грустинкой в голосе ответил Тарубаров.

...Взлетели в точно установленное время. Набрав заданную высоту и войдя в акваторию Баренцева моря, выпустили многокилометровую тросовую антенну, начали работать.

- Так и летим, до самой маковки земного шара? – по внутренней связи спросил Тарубаров у штурмана экипажа.

- Пока – да, до Земли Франца Иосифа, а там как скажут, - ответил за штурмана оператор дальней связи.

- Словом – вдоль госграницы, между тридцатым и сороковым меридианами, - уточнил сказанное оператором штурман Мисюра Григорий Петрович.

- Витюля, ты обратил внимание - у нас дома, на базарчике в военном городке, бабульки уже черешню со своих огородов продают, а тут льдины плавают, - поглядывая вниз с деланным удивлением прокомментировал пролетаемое Кривцов.

- Да...уж, - ответил Тарубаров, - и день здесь почти круглые сутки, как следует, не высыпаюсь.

- Командиры, не отвлекайтесь по пустякам, на траверсе справа от нас Земля Франца Иосифа; слева – Шпицберген, - доложил штурман. Оба пилота, как по команде, повернули головы – каждый в свою сторону. И после некоторой паузы, почти одновременно ответили, что ничего не видят, что напоминало бы им хоть какую-то землю.

- Ясное дело - до земли более двухсот вёрст, в ту и другую сторону, поэтому ничего и не видите. Хотя и земля-то здесь мало чем отличается от того, над чем пролетаем, - ответил штурман, которому раньше многократно приходилось летать в этих местах.

- Северный уступчик нашей госграницы проходим, - через некоторое время вновь подал свой голос штурман.

- Приказано влево крутить, на сорок пять градусов, - передал полученную команду оператор дальней связи.

- Исполняю, - ответил Кривцов, пилотировавший в это время самолёт.

- Госграницу пересекаем, - сообщил Мисюра, - Андреич, крылышками помахать трэба, - перейдя на украинское наречие, продолжал подсказывать, что нужно делать в настоящий момент, штурман.

- Поняв, сполняю, - подражая штурману, сообщил Кривцов и, прилагая значительные усилия, начал крутить баранку штурвала то в одну, то в другую сторону. Тарубаров, увидя затруднения в делах своего друга, начал помогать ему.

- Командиры, из-за бугра, со стороны Шпицбергена, в нашу сторону борт идёт, наверняка, по нашу душу, - доложил штурман.

- Следят гады, - меланхолично отреагировал Тарубаров на сказанное штурманом. После чего командирским голосом подал команду по внутренней связи. – Экипаж, усилить осмотрительность!

- Вижу точку на горизонте, - сообщил Кривцов, первым визуально увидевший летящий навстречу самолёт, и указательным пальцем показал в его направлении.

- Я тоже вижу, - сообщил через некоторое время и Тарубаров. – Связь?! Сообщи на землю нашим о возможной встрече с супостатом. Спроси: антенну, наверное, нуж-

но убрать?

- Понял, исполняю, - ответил оператор дальней связи и через некоторое время сообщил принятую и расшифрованную радиограмму: «Работу по плану прекратить, следовать в квадрат XL, провести воздушную разведку, основные объекты сфотографировать бортовыми аэрофотокамерами, средним и крупным планом».

- Ни-че-го-о себе, - с растяжкой слов вырвалось у Кривцова.

- Гриша, это где? – следом за Кривцовым подал свой голос и Тарубаров.

- Почти-что в месте пересечения нулевого меридиана с восьмидесятой широтой. Чуть ближе в нашу сторону, около сорока минут лёта, - ответил штурман. Тарубаров взял в руки полётную карту и долго рассматривал её, после чего уточнил у штурмана: «Между Шпицбергеном и Гренландией?»

- Ничего себе, - повторился Кривцов в более быстром темпе и без явного удивления, после чего показал пальцем в сторону летящего навстречу и уже хорошо просматривающегося силуэта самолёта.

- «Орион», ВМС США! – всмотревшись в силуэт приближавшегося навстречу самолёта, сообщил своё предположение Тарубаров. И уточнил: – Связь, антенну убрали?

- Смотали, - доложил оператор.

- Вниз пошёл и в нашу сторону крутит, - доложил Кривцов.

- Да, наверняка, в кильватер к нам пристроится и будет топать за нами, как бычок на верёвочке, до тех пор, пока мы в свою сторону не направимся, - согласился с мнением правого лётчика командир экипажа. – Корма, во все глаза смотреть, спите, наверное, там без работы?! – Построжился он над невидимыми ему членами своего экипажа.

- Ни в коем разе, бдим как никогда, - сообщил за себя и за командира огневой установки бортрадист. – Лётчики – оба негры. По всему видно, злые, как собаки, - вновь подал свой голос из кормы радист, когда «Орион» приблизился к нему на близкое расстояние.

– О-о, да он подныривать под нас собирается, - с удивлением вновь сообщили из кормы.

- Наше оборудование дальней связи интересует его, - высказал своё предположение Кривцов.

- Наверняка! – согласился Тарубаров. – Кириллыч, как там, у тебя сегодня на счёт керосина? – тут же спросил он у бортинженера, майора Одинокова Петра Кирилловича.

- На восемь часов полёта ещё имеется, - доложил майор.

- Да, наверняка, тонн восемь в загашничке ещё имеется, я ведь чувствовал это - самолёт от полосы отрываться не хотел, когда взлетали? – лукаво уточнил Тарубаров у Одинокова.

- Ну, не без того, - с явно ироничным смущением ответил бортинженер.

- Кириллыч, помой-ка мордочки негритосикам – включи, кратковременно, аварийный слив топлива... А то ведь так они нам ничего сделать не дадут. Слышал, что корма докладывает: «Злые как собаки», - как бы шутя приказал Тарубаров Одинокову.

- Витюля, ты что офонарел?! Летим почти над Северным полюсом, обратно ещё топать да топать, а ты керосин сливать! Ты, что? – начал возражать непонятному решению командира экипажа правый лётчик.

- Андреич, ну, что ты паникуешь? Мы, считай, уже у цели. Ну, покружим там чуток и... домой. Под горку наш «Балевар» и так нас довезёт, без керосина. К тому же, сам слышал, топлива хватает нам ещё туда и обратно слетать. Да в загашнике у Петра Кирилловича на целый час ещё, а то и поболе. Не паникуй, Андреич! – явно подтрунивая, успокаивал друга Тарубаров.

- Шлейф белого «дыма» из-под крыльев пошёл. «Орион» вниз и влево шарахнулся, явно испугался голубчик. Смотрите, сейчас где-нибудь у вас вынырнет. Шлейф прекратился, - доложили из кормы.

- Хорошо! – пробасил Тарубаров. – Кириллыч, сколько выплюнул?

- Около пятисот литров ушло, - доложил бортинженер.

- Ну и прекрасно, - улыбнувшись, подмигнул Кривцову Тарубаров и повернул голову влево. – О-о! Явились, не запылились, чуток умылись, - произнёс он, увидев напротив себя американский самолёт. Правый пилот которого, глядя на Тарубарова и явно ругаясь, крутил пальцем правой руки у своего виска, а левой показывал кулак.

- Ой, как страшно, - передразнил американца Тарубаров. – А как ты хотел, зачем под хвост лезешь? Я ведь и лягнуть могу! Не по-гусарски это, не по-гусарски; или у вас – у ковбоев, так можно?.. Ну вот - молодца, давно бы так, - видя, что сопровождающие начали отходить влево на безопасное расстояние, похвалил он американцев, которые к тому же начали приотставать.

- Командир, по курсу, на удалении ста километров, куда мы и путь держим, на воде вижу большое скопление целей. Наверное, корабли, эскадра кораблей, возможно, и больше, - сообщил штурман.

- Экипаж, приступаем к снижению, - подал команду Тарубаров и, прибрав газы двигателей, знаком руки показал Кривцову, всё ещё пилотировавшему самолёт, о начале снижения. Тот, поняв команду, начал перемещать штурвал управления самолётом от себя. Трудно поддающийся управлению огромный и тяжёлый самолёт медленно начал менять своё положение в воздушном пространстве, стрелки указателя высоты побежали в обратную сторону.

– Снижаемся до трёх тысяч метров, выходим на цель, делаем её облёт, фотографируем и уходим обратно, домой уходим! – громко сообщил Тарубаров по внутренней связи Кривцову и остальным членам экипажа новое принятое своё решение.

- Твои бы слова да богу в уши, - иронически ответил Кривцов, - в окошко выгляни.

Тарубаров повернул свою голову в левую сторону и с удивлением воскликнул: «О, чижи! Два штуки». «Чижами» он называл все малогабаритные самолёты, в том числе и военные самолёты-истребители.

- С моей стороны, тоже «два штуки», - передразнил друга Кривцов.

Снизившись до трёх тысяч метров, Тарубаров взял пилотирование и управление самолётом в свои руки. Кривцов теперь просто помогал ему. Пилотируя, Тарубаров то и дело поглядывал в левую сторону от себя, на американцев, вернее - на их маневры вслед за своими действиями.

На удалении десяти километров до цели американские истребители перестроились: несколько приотстали и отошли в сторону. После чего по одному из них с каждой стороны нырнули под крыло тарубаровского самолёта, закрыв собою объективы фотокамер, а оставшиеся следовали за бомбёром на уровне концевых кромок его крыла и, видимо своими подсказками и командами помогали пилотированию своих самолётов, закрывавшим фотообъективы.

- Сфотографировали?! - продолжал язвить по поводу планов Тарубарова Кривцов, - губки раскатал, так они тебя здесь только и ждали, позировать перед твоими объективами приготовились.

- Армада целая и авианосцы среди них есть - два, во-о-он, - не слушая Кривцова, комментировал вслух открывшуюся перед глазами панораму Тарубаров. – Куда это они лыжи навострили, к нам что ли?..

- К нам, ни к нам, а дорогу перекрыли. Никто теперь сюда и носа не покажет. И не то что по морю, но и по воздуху. Кто осмелится против такой силищи, - ответил ему Кривцов.

Как только самолёт Тарубарова пролетел над кораблями, истребители нырнули вниз и разошлись в разные стороны.

- Ну уж нет, не на того нарвались, - пробасил Тарубаров, - проверим вас на вшивость! Экипаж - приготовиться к посадке, - громко объявил он по внутренней связи.

- Витюля, ты что - на льдину намерен нас примостить? – вполне серьёзно спросил Кривцов.

- Не на льдину, а на полётную палубу американского ударного авианосца, - так же вполне серьёзно пояснил Тарубаров. – Штурман, давай расчёт на посадку.

- Понял! – отозвался штурман, - поехали вправо, первый разворот.

- Выпустить закрылки на пятнадцать градусов, - распорядился Тарубаров после выполнения второго разворота, когда самолёт лёг на обратный курс посадочному.

- Закрылки – пятнадцать, выпущены, - доложил бортинженер.

- Выпустить шасси, - распорядился Тарубаров.

- Шасси – выпущены, зелёные лампочки горят, - вновь доложил выполнение командирской команды Одиноков.

- Поехали вправо, третий и четвёртый, сразу – подал команду штурман. – Выходим на посадочный курс.

Выровняв самолёт, Тарубаров теперь уже, словно по привычке, посмотрел влево от себя. – «Чижи» на своём месте, - сообщил он увиденное. – Выпустить закрылки на двадцать пять градусов, - вновь распорядился он.

- Закрылки – двадцать пять градусов, выпущены, - доложил бортинженер.

- Гасим скорость полёта и снижаемся, штурман, комментируй высоту и скорость полёта; корма – следите за «чижами», когда уйдут - сообщите, - вновь распорядился он, кому и что делать дальше.

- Высота – восемьсот метров, скорость в норме, - начал выполнять командирское указание штурман, - высота – шестьсот метров, четыреста, триста, двести, сто...

- Командир, «чижи» ушли, - закричал из кормы командир огневой установки.

- Хорошо-о-о, - медленно и нараспев произнёс в ответ стрелку Тарубаров и, потянул на себя штурвал. – Гриша, снимай, фотографируй их гадов, - войдя в азарт, закричал Тарубаров.

Вторично пролетев над американскими кораблями, Тарубаров с облегчением выпустил из себя задерживаемый на выдохе воздух.

- Фу-у-у, слабаки американкши – ниже ста метров летать над водой боятся. А мы «барашек» на морской волне постричь могём, на бреющем! Так, Андреич?!

- Так, так! – как-то недовольно и ворчливо ответил Кривцов. – Тебе только дай волю.

- Командир, посмотри влево, - сообщили из кормы.

Тарубаров, исполнив подсказку, посмотрел наружу своего самолёта: напротив него, на близком расстоянии опять стояли, теперь уже три «чижа». Ведущий которых, на сей раз белый лётчик, поприветствовал его. На что Тарубаров, взаимно, ответил кивком головы. После чего американец, вильнув рукой, показал оттопыренный вверх большой палец своей руки.

- Хвалит тебя, Витюля, за твои маневры, - пояснил Кривцов.

Американец же, словно слыша переговоры в самолёте Тарубарова, начал быстро шевелить своим указательным пальцем.

- Спрашивает тебя: «всё сфотографировал?» – вновь пояснил движения американца Кривцов. В ответ Тарубаров согласно и важно качнул головой. И теперь уже сам показал американцу оттопыренный вверх большой палец руки. После этого американец начал махать ему рукой, словно приглашал к себе в гости Тарубарова, изредка показывая оттопыренный вверх указательный палец.

- Предлагает ещё один проходик над ними сделать, - вновь перевёл просьбу американца Кривцов.

Тарубаров, в ответ американцу, с сожалением, отрицательно покачал головой. Затем, показав ему на часы и постучав по их циферблату пальцем, стукнул тыльной стороной ладони левой руки себя по шее и, сложив лодочкой обе руки, приложил их к правому уху.

На что американец бурно отреагировал: запрыгал на кресле своего самолёта, многократно пощёлкал пальцем по горлу и, расплывшись в улыбке, явно прощаясь – подружески помахал рукой. После чего - отдав честь, положил свой самолёт на левое крыло. Действие ведущего повторили и остальные два самолёта. Пролетев так какосто время, круто взяли влево и, перевернувшись через крыло, ушли вниз.

- Напоследок вооружением своим похвастались, нас с тобой припугнули, - на этот раз дружеский жест по-американски сам прокомментировал Тарубаров.

Обратная дорога, вопреки ожиданиям, оказалась очень долгой, время тянулось мучительно медленно, переговоры между членами экипажа происходили только по сугубо производственным вопросам. И только после обратного пересечения своей государственной границы, все снова «зачирикали» - как сибирские воробьи при первых лучиках весеннего солнышка, после тягуче-холодной и голодной зимы. Первым нарушил долгое молчание Кривцов.

- Витюля, скажи честно, что ты почувствовал, когда увидел всё это? – спросил он.

-Что именно – «это»? - Кривцов не уточнил, но и без того всем было предельно ясно, что именно он имел в виду.

- Честно?! Через всё моё нутро прошёл холод и озноб. Я чувствовал себя, словно стою один, со всех сторон окружённый стаей голодных и хищных волков, клацающих зубами. При этом у меня в руках даже палки не было, - ответил Тарубаров.

- Да... Норд-Вест знобит до костей и душу в ниточку вытягивает! И всё же, нос ты им утёр здорово. Мне думается, что им и во сне не снилась такая наглость с нашей стороны. Очухались они и поняли, что мы их облопошили, как слепых котят, лишь после того, когда мы своё дело уже сделали, - высказал своё мнение Кривцов.

- Видимо, - согласился с ним Тарубаров. – Не пойму только, зачем они своих гонцов нам вослед отправили?

- Я не думаю, что только для того, чтобы раскланяться перед тобой. Наверняка, хотели расквитаться за свой промах, пакость какую-нибудь подстроили бы нам, если бы ты клюнул на их наживку, решил бы сделать ещё один проходик над ними, по их предложению, - ответил Кривцов.

- Да-а, - согласился Тарубаров, - вплоть до того, что утопили бы нас. На эти дела они мастера, одним словом – ковбои!

- Витюля, а что ты, просигналил напоследок американкше? – не унимался Кривцов.

- Когда он пригласил меня сделать ещё один проходик над ними, я ответил ему, что у меня нет больше времени и, показав ему свои часы, постучал по ним. Потом я попытался пояснить ему, что у нас – дома - все нормальные люди уже отужинали и легли спать, а мы всё летаем, - ответил Тарубаров.

- Мне думается, Витюля, что американкшка этот неправильно тебя понял. Он подумал, что тебе пора остограммиться и в люлю спать ложиться. Поэтому он и запрыгал, как карась на сковородке, в своей кабине, по горлу себя защёлкал, - закончил свою мысль Кривцов.

- Наверное, - согласился с другом Тарубаров, после чего они весело засмеялись.

Как мы Черчилля «победили»

Легенда.

Историю, подобную рассказываемой, впервые я слышал ещё в детстве от своего родственника, служившего срочную службу (в 1950-х годах) в одной из воинских частей Московского военного округа, который также слышал от кого-то там рассказываемое.

Затем, служа уже в армии сам, вновь и не единожды слышал её от многих хорошо известных мне военных лётчиков-испытателей и авиационных инженеров, служивших в моё время в Феодосийском ЛИЦ, начинавших свою воинскую службу и учившихся у фронтовиков. Которые рассказывали об этой бесспорно интересной и знаменательной истории в различных её интерпретациях и со знанием дела.

Главным персонажем якобы был один из будущих командиров Феодосийского ЛИЦ, названный мной - Ермаковым Львом Фёдоровичем. Который в своё время был легендарной личностью не только в ВВС, но и во всех Вооружённых Силах Советского Союза. Возможно, что даже и далеко за их пределами.

Широкая известность и слава Ермакову Л.Ф. (фамилия изменена) изначально пришла не на лётной работе, как у большинства его коллег лётчиков. А, скажем так, на главной, особо прославляемой многими характерной черте русского человека. Которой, в первую очередь, и характеризуют всех нас, русских, во всяких там заграницах.

Словом, ходила в годы моей службы в армии байка. Не могу твёрдо утверждать, что основана она была на реальном событии. Но, как говорится – «за что купил, за то и продаю». Одна из версий байки гласила приблизительно так.

Всем известно, что с началом Великой Отечественной войны, в 1941 году, нашей Родине в лице её народа пришлось нести на своих плечах всю её тяжесть. Также всем известно, что руководство тогдашней нашей страны с самого начала войны искало себе союзников в борьбе с гитлеровским фашизмом, в том числе и в стане бывших своих врагов по Гражданской войне. Прежде всего, в странах бывшей Антанты. И - прежде всего, в Англии и США.

Сведущим в оговоренном известно также и то, что на протяжении первых двух лет войны министр иностранных дел и первый заместитель Верховного Главнокомандующего Вячеслав Молотов несколько раз летал в Англию и США на военном самолёте-бомбардировщике. Без прикрас будет сказано, что очень опасными и рискованными были эти перелёты, проходившие в отдельных местах над территорией оккупированной гитлеровской Германией, с обходами и прорывами кордонов гитлеровского люфтваффе. Тем не менее, руководство страны шло на этот риск, ясное дело - не забавы ради, обстановка принуждала к риску.

Наверное, не очень многим буду рисковать, если утвердительно скажу: мало кому известен тот факт, что после молотовских круизов в Лондон, как минимум, один раз, прилетал к нам в Москву, нашим же самолётом и тогдашний премьер-министр Англии Уинстон Черчилль.

Лётчиком, а вернее сказать, командиром экипажа самолёта, на котором прилетал к нам Черчилль, и был тогда ещё никому не известный Ермаков, в то время один из командиров полкового или дивизионного звена советских ВВС. Последнее совершенно не важно, важно то, что названный перелёт Ермаков выполнил блестяще, как говорится: без сучка, без задоринки.

Однако же, как нередко случалось в судьбах людей того времени, в дальнейшем судьба как казалось бы перспективного лётчика пошла, мягко говоря, менее удачно, а точнее – наперекосяк. То ли в одном из последующих его полётов Ермаков неудачно посадил свой самолёт и разломал его на части, то ли ещё что-то случилось, после чего бывший АС был разжалован и уволен со службы из ВВС.

При этом изгнанник Ермаков искренне ещё и благодарил свою судьбу не только за то, что она уберегла его от ГУЛАГА, но и за то, что она поспособствовала ему ещё и прилично устроить свою личную жизнь после такого принеприятнейшего дела. Опальный бывший лётчик ВВС работал начальником аэропорта зарождающейся гражданской авиации, пусть и в сибирском, но не так уж и захолустном городе Иркутске. Во всяком случае, так гласила легенда.

Вскоре, после окончания Великой Отечественной войны, Уинстон Черчилль, уже не будучи премьер-министром Англии, вновь официально прилетал в Москву как руководитель английской делегации, на бывшем своём четырёхмоторном Дугласе.

Перед визитом в Советский Союз именитый английский гость по дипломатическим каналам передал в Москву не понятую в советском МИДе и руководстве страны странную личную просьбу или пожелание. Он попросил Сталина разрешить ему встретиться с русским лётчиком, который привозил его из Лондона в Москву и увозил обратно в тот незапамятный первый свой прилёт сюда якобы для вручения Ермакову воинской награды Англии, от имени королевы.

Сталин по себе знал, что на людей его уровня иногда находит блажь, когда им начинает нравиться то кто-то из артистов, то кто-то из писателей, то ещё кто-то. Поэтому вопрос, почему Черчиллю захотелось встретиться с нашим никому не известным лётчиком, который просто-напросто выполнил свой воинский долг или приказ, как ему и полагалось, Сталина не интересовал. Поскольку он прекрасно понимал, что это блажь Черчилля - его фарс или ещё что-то в этом роде, если внимательно посмотреть на всё то, зачем он вновь летит в Москву, с политической точки зрения. С пониманием всего этого Сталина интересовала истина, что же именно явилось тем, что заставило англичанина запомнить случайную свою встречу с нашим лётчиком. Ведь мог же он просто-напросто забыть про неё, мало ли у него было за время войны всевозможных перелётов, поездок и прочих встреч. Разве можно запомнить во всех их: проводников поездов, машинистов, водителей машин или лётчиков, которые когда-то и куда-то его возили? Нет, невозможно! Так нет же, Черчилль запомнил! Почему запомнил? А раз запомнил, значит, был какой-то повод, чтобы это запомнить. А раз был такой повод, то почему тогда он – Сталин, не знает того, что заставило Черчилля запомнить нашего лётчика? В общем – вопросы, вопросы и вопросы, поэтому он взял под свой личный контроль эту просьбу и приказал доложить ему всё о названном и лично не знакомом ему человеке, советском подданном, между прочим!

Получив соответствующий доклад, Сталин заинтересовался ещё сильнее, поскольку ответы на свои мысли из доклада он не получил. Хотя всем своим нутром чувствовал, что просьба старого английского лиса, как называли Черчилля в ведомстве Молотова, не что иное как какая-то политическая уловка. Конечно, мог бы он отмахнуться от просьбы Черчилля, сообщив ему, что названный им советский лётчик героически погиб на фронте, в борьбе с нашим общим врагом – гитлеровским фашизмом.

Но Сталина самого в данном случае такой ответ не удовлетворял, не давал покоя уже собственный кураж. Поэтому он и приказал вызвать к себе на собеседование опального лётчика. С другой стороны, признаваясь самому себе, Сталин знал и то, что не только собственный кураж не позволяет ему сказать заведомо ложную информацию человеку, как будто бы и раздражавшему его, Сталина, одним только своим внешним видом, не говоря о манерах его общения и прочем. Дело в том, что в глубине своей души Сталин уважал Черчилля за его незаурядную смелость, возможно, даже завидовал ему. Пусть даже высшим пиком смелости Черчилля, по мнению Сталина, и являлся тот самый первый прилёт англичанина в Москву на встречу с ним. Поскольку, честно же признаваясь самому себе, он точно знал, что он лично ни за что не согласился бы на аналогичный променаж от Москвы до Лондона и обратно, тем более в самом начале войны, под носом у Гитлера. Честно же признаваясь самому себе, он точно знал, что не любил летать на самолётах и побаивался этого.

- Но Черчилль-то прилетел! – то и дело говорил сам себе Сталин. Именно это и не позволяло ему лишить своего бывшего союзника по Великой войне его маленьких причуд или прихотей.

Когда Ермакова нашли в Иркутске и начали «тягать», внутри у него всё похолодело. «За старое взялись», - однозначно решил он, поскольку иных грехов за собой не знал. А посему чего-либо путнего по завершению расспросов и допросов, которые начали устраивать ему почти каждый день, ожидать не приходилось.

Незаметно для жены начал собирать он свой тревожный чемоданчик, как когда-то ещё до войны, в свои молодые годы, при службе в армии. Но тогда он собирал его абы как, лишь бы от командиров отбрыкаться. Теперь же – основательно, обдумывая потребность каждой вещи, укладываемой туда. В висках у него - стучало, а в ушах звенело.

Но холодным своим умом он никак не мог понять, чего же от него хотят услышать оперативники. Поскольку один день они расспрашивали его, где он служил, на каких самолётах летал, на каком фронте воевал, как воевал? Через какие должности прошёл?.. На второй день его подробно расспрашивали, бывал ли он за границей: до войны, во время войны, после войны? На третий день, начали допытываться о его друзьях, знакомых. Есть ли кто среди его знакомых из высокопоставленных лиц нашего государства, иных дружественных и не дружественных нам государств? Обращался ли к кому из своих знакомых высокопоставленных лиц нашего и других государств с какими-то просьбами или пожеланиями? Если обращался, то каким образом, через кого?

В общем - вопросов было много, а ясности – никакой! Одно смущало Ермакова – очень уж учтиво обращались с ним в беседах: всё на Вы, да на Вы. Хотя, он прекрасно знал, как обходятся у нас с людьми в органах дознания.

Через неделю Ермакову сообщили, что предписано доставить его из Иркутска в Москву специально выделенным для этой цели военно-транспортным самолётом.

Готовясь к перелёту на прилетевшем за ним самолёте, он несмело уточнил у своих сопровождающих - прихватить ли ему с собой свой тревожный чемоданчик?: Нет – этого, не надо. Если бы туда - Вас бы в телятнике повезли. А Вам самолёт выделили. Поэтому одежда должна быть приличной и всё остальное на уровне. Хотя, если потребуется, Вас там переоденут.

- Час от часу не легче, - думалось Ермакову. Тем не менее, на душе у него как-то отлегло и потеплело, поскольку - без тревожного ...В Москве встретили его всё так же уважительно, как какого-то члена правительства. На легковом автомобиле доставили в гостиницу Министерства обороны, поселили в приличном одноместном номере (заранее кем-то для него забронированном). Сказали, что два дня он может отдыхать - особо не расслабляясь, погулять по Москве.

На третий день никуда не отлучаться, приедут и всё сообщат, в том числе и о дальнейших действиях.

Два дня, мучаясь неизвестностью, Ермаков отдыхал - слоняясь из угла в угол в своём гостиничном номере. Отлучаясь лишь для приёма пищи в гостиничный ресторан, да прошёлся пару раз по асфальтовой дорожке вокруг всё той же гостиницы.

На третий день к нему действительно пришли и сообщили, что на следующий день - на десять часов утра, товарищ Сталин пригласил его к себе на беседу.

Товарищ Сталин встретил его приветливо, как старого своего знакомого. Поднялся из-за своего стола, вышел ему навстречу, поздоровался с ним по рукам и на стул рядом с собой посадил. После чего поинтересовался не было ли проблем с его перелётом из Иркутска в Москву, спросил как в Москве его встретили и разместили в гостинице?

Словом расспросил товарищ Сталин Ермакова буквально обо всём, что касалось его жизни до тех пор, когда ему по Совершенно секретному приказу товарища Сталина пришлось выполнить несколько полётов в Лондон.

- Так вот, товарищ Ермаков, таким образом, мы и подошли к тому вопросу, по которому я вас и пригласил к себе на беседу: Черчилль в гости к нам прилететь собирается, изъявил желание встретиться с вами. Отчего, я никак не могу понять, чем вызвано это его желание? Чем вы ему запомнились, ведь с тех пор прошло уже более трёх лет и, каких лет?! Сколько было у него различных встреч за это время? Много! Сколько людей промелькнуло у него перед глазами за это время? Много! А он о тех, всех – забыл; а вас – помнит! Почему? – на высокой ноте закончил свою мысль Сталин и, в упор - посмотрев в глаза своему собеседнику, поднялся со своего места. Вслед за ним поднялся и Ермаков. – Нет, нет – вы сидите, я это так, по привычке, мне так лучше думается.

Бледный Ермаков (не весть за какие грехи доставленный в этот самый главный кабинет страны из Иркутска, находящегося отсюда более чем в шести тысячах километров) – опустился на своё место, не зная, что ответить вождю народа.

Потупив глаза, некоторое время он сидел молча: напряжённо думая, вспоминая и вытягивая из своей памяти, час-

тично забытую уже информацию, связанную с теми днями своей жизни, которые, по воле судьбы были связаны с именем Черчилля, именно о котором сейчас и шла речь. Ермаков хорошо помнил эти дни, хорошо же понял он и суть вопросов, которые задавал ему руководитель страны, и его интерес к этому. Но, ярко обозначившиеся в памяти Ермакова те дни – все, казались ему очень важными и все их он не забудет. Но одно дело – он, Лёв Ермаков, рабоче-крестьянский сын, бывший военный лётчик; другое дело – Черчилль: государственный человек планетарного масштаба, со взглядами и мышлением такого же уровня. Чем же ему, английскому вельможе и аристократу запомнился он – Ермаков, который и был-то рядом с ним - Черчиллем, за всю свою жизнь, не многим более одних суток? И, что в этих сутках было самым главным, что запомнилось Черчиллю? Ермаков начал перебирать в своей памяти все детали того дня, отделяя их друг от друга и отбрасывая в сторону одно за другим.

Сталин, в это время, отойдя от своего собеседника на несколько шагов, раскурил трубку и попыхивая дымком, всё так же – внимательно, смотрел на Ермакова, ожидая от него вразумительного ответа на свой вопрос.

- Товарищ Сталин, я перепил его, - не найдя ничего более значительного и запоминающегося в своей памяти, несколько смутившись, ответил Ермаков. И, словно побитая собака поднял свои бессловно извиняющиеся глаза, на своего высокого собеседника.

- Чего-о-о? Ты перепил этого «борова»? – брезгливо, с великим сомнением и недовольством, процедил сквозь зубы Сталин.

- Да - товарищ Сталин, перепил, - уже более уверенно, твёрдо поняв, что как это ни странно, но только это могло запомниться Черчиллю за всё время пребывания Ермакова возле него и, ничего более. – Хотя, если сказать честно – перепил я его обманом. Никогда и никому я об этом не говорил, стыдно было, до глубины души стыдно. Но перед Вами как перед Богом – перекреститься могу, хотя я и не верующий.

После чистосердечных раскаяний Ермакова, на глазах у постороннего человека, обмяк душой и товарищ Сталин, вернувшись к своему рабочему столу, не спеша сел на свой стул. После чего вновь дружелюбно, как бы уже и согласившись с прозвучавшими словами Ермакова, продолжил свою беседу.

- Ну ладно, давайте всё по порядку.

- Всё по порядку, товарищ Сталин: Прилетел я в Лондон ночью, вернее - ранним утром, там только-только начинался рассвет. Самолёт наш сразу же закатили в ангар и закрыли в нём ворота. О том, что прилетели за Черчиллем, в экипаже кроме меня никто не знал. Знать им это не полагалось. Поэтому если требовалось что-то спросить об этом или уточнить, говорили: «пассажир», за «пассажиром», «от пассажира». И всё.

В Москве, когда прорабатывалось задание, мне сказали, что обратный вылет должен быть осуществлён через сутки – с наступлением темноты.

Проходят сутки – не вылетаем, вторые – не вылетаем, третьи – то же самое. Причину задержки не знаю. Да и где её узнаешь, не у себя же дома.

Куратор, молодой паренёк из нашего посольства в Лондоне, руками разводит. Я - в сомнениях. Думаю, что-то случилось, наверное - расхотел наш пассажир в Москву лететь: или страшно ему стало, или ещё какие-то обстоятельства вмешались в дело.

На следующий день, ближе к полудню по лондонскому времени, вновь приехал к нам наш куратор, в сторону меня отвёл и потихоньку сообщил, что вызывают меня.

- В наше посольство? – спрашиваю.

- Нет, к Черчиллю – одного, инкогнито, - побледнев, сообщил он. – С Москвой этот вопрос обговорен, разрешили. Но, смотри же там, не болтай чего лишнего, сам понимаешь, если что.

На легковом автомобиле – из ведомства Черчилля, инкогнито, доставили меня в резиденцию. Встретил он меня холодно, не поздоровался даже. Через переводчика, не глядя на меня, попросил спросить разговариваю ли я на английском? Я ответил ему по-английски: Разговариваю, но не в совершенстве.

После этого он отпустил своего переводчика, и далее мы с ним вели беседу с глазу на глаз. После ухода переводчика Черчилль, в упор глядя мне в глаза, как-то очень пренебрежительно спросил меня: «Не осведомлена ли немецкая разведка о целях моего прилёта в Лондон?»

- Если со стороны Лондона секретность обеспечена, то в сохранении её со стороны Москвы не сомневайтесь, гарантия сто процентов, - ответил я.

После того как разобрались в вопросах секретности, Черчилль - поднявшись из-за своего стола, подошёл к стене и, раздвинув портьеры, открыл передо мною карту Северо-Западной Европы, до Москвы включительно.

- Каким маршрутом вы прилетели в Лондон и каким полетите обратно? – спросил он. Я доложил.

- Немцы нас не подкараулят где-нибудь? – вновь вернулся он к якобы уже обговоренному.

- Нет! – однозначно ответил я. - Это неоднократно проверено, сами знаете.

После этого, закрыв карту, он начал расспрашивать о самолёте, на котором мы прилетели и на котором его повезём, высоте нашего полёта, скорости и продолжительности предстоящего перелёта. О максимальном времени, в течение которого самолёт может держаться в воздухе, максимальной же и дальности его полёта. Спросил: Если вдруг посадка в Москве сразу не получится, то какое время мы сможем ещё продержаться в воздухе, и где будет произведена посадка? На что я ему ответил: Сможем обратно вернуться в Лондон!

Полученной исчерпывающей информацией, на мой взгляд, Черчилль остался доволен. Тем не менее в моём сознании почему-то не складывалось полной уверенности в его готовности к перелёту. То есть, мне казалось, что он всё ещё в чём-то сомневается.

В процессе подробного своего доклада наконец-то пришедший в себя Ермаков то и дело бросал свой взгляд на Сталина, внимательно слушавшего его. По выражению лица вождя, его мимике делал выводы о его реакции на свои слова.

Сталин слушал доклад Ермакова молча, не перебивая его: попыхивал дымком и изредка слегка согласно кивал головой, как бы говоря: Согласен, верно говоришь, да, было такое.

- После доклада и ответа на все вопросы Черчилля, - продолжал Ермаков свой доклад Сталину, - мне подумалось, что моя аудиенция окончена, и я попросил разрешение на свой уход. Но неожиданно для себя получил от него приглашение на ужин с ним. Каких бы то указаний на этот счёт мне не было. Поэтому счёл неприличным отказываться от поступившего предложения. К тому же, видя какие-то сомнения со стороны Черчилля, подумалось, что мой отказ может стать именно той каплей в его сомнениях, которая сможет перетянуть чашу весов не в нашу сторону. Ясно понимал, что порожняком возвращаться в Москву я не имею права, поэтому всё то, что зависело от меня, я должен был там и делать.

Получив моё согласие на ужин, Черчилль рукой предложил мне пройти в столовую, где, как оказалось, заранее был уже накрыт стол на две персоны.

Перед началом трапезы, как и положено в таких случаях, хозяин налил мне и себе по маленькой коньячку. Подняв свою стопочку, предложил тост: «За Ваше здоровье, товарищ Сталин».

Я свою стопку выпил стоя, нарочито подчеркнув старую русскую офицерскую традицию, с оттягиванием локотка.

Немного закусив и лукаво улыбнувшись, Черчилль сообщил мне, что слышал где-то о том, что русские очень крепки в отношении выпивки. Но лично убедиться в справедливости этого утверждения в жизни ему всё как-то не представлялось возможности. Поэтому не могли бы вы мистер Ермак, - сказал он, - продемонстрировать мне это?

- Только вместе с Вами, сэр! – ответил я.

Поняв смысл сказанного мной и ничуть не поколебавшись, он поднялся из-за стола и, убрав маленькие стопки, выставил большие, что-то вроде фужеров. Тут же и наполнил их почти до самого верха – по-рубчику, как иногда это делаем мы, русские, когда пьём из гранёных стаканов по-полному.

- За ваше здоровье, мистер Ермак, - предложил он новый тост буквально сразу же после того, как наполнил фужеры и, не моргнув глазом, осушил свой, всё так же лукаво улыбаясь и глядя на меня.

- За ваше здоровье, сэр, - так же учтиво, поднявшись со своего места и с оттяжкой локотка, в свою очередь произнёс и я. После чего не хуже, чем он – влил в себя содержимое своего фужера.

Не успел я ещё поставить на стол свою опорожнённую тару, как Черчилль тут же начал её наполнять.

После третьего или четвертого выпитого фужера, немного покраснев, он закурил сигару. Предложил и мне – покурили, поговорили о делах на наших фронтах. При этом говоря и рассуждая о делах и событиях на наших фронтах, в его рассуждениях чувствовались хорошие знания того, о чём он говорил или спрашивал.

Куря сигару, я сообщил ему, что, несмотря на всю прелесть его сигар, мне всё же больше нравятся наши папиросы Казбек.

- Привычка, - ответил он.

Покурив, Черчилль сходил в туалет. Вернувшись, предложил и мне последовать его примеру. И от этого его предложения я не отказался.

Когда мы вновь расселись по своим прежним местам, Черчилль тут же взялся за своё дело, начал наполнять фужеры.

В общем, пили мы с ним всю ночь, изредка прерывая своё занятие лишь перекурами да посещениями туалета.

Под самое утро, ясно осознавая, что мы оба сильно пьяны, Черчилль неуверенной рукой, разливая по столу коньяк, вновь наполнил наши фужеры. Немного посидев в бездействии, как бы раздумывая, что делать ему дальше – потянулся к своему фужеру. Но силы предательски покинули его, он - беспомощно откинувшись на спинку своего кресла, с каким-то страхом в глазах смотрел на меня.

Поняв, что мой соперник пить больше не может и готов признать своё поражение, поднявшись со своего места, я поднял свой фужер и, как прежде, одним махом осушил его до дна. После чего кивком головы отдал честь хозяину застолья и попросил его разрешения покинуть пределы его резиденции.

- Русские непобедимы, - только и смог произнести Черчилль, недовольно сопроводив сказанное изгоняющим меня движением правой своей руки. Последнее означало, что я свободен и могу уйти.

Так окончилась моя злосчастная лондонская пирушка с Черчиллем. Почему она так глубоко засела ему в душу, на мой взгляд, задача несложная – потому, что он очень тщеславен и не любит проигрывать, даже в таких пустяках.

Но вам, товарищ Сталин, честно признаюсь, что обманул я его тогда. Дважды трезвил себя нашим распространённым русским способом, когда ходил в туалет. Англичане этого видимо делать не умеют и не знают. Во всяком случае, Черчилль подвоха с моей стороны не заметил. Иначе победить его при такой разнице в весовых категориях - я, конечно же, не смог бы. И это понимал я с самого начала нашего соревнования.

Ещё через двое суток, с наступлением очередной ночи, мы вылетели из Лондона.

Дальше, товарищ Сталин, вы всё знаете, - этими словами опальный лётчик Ермаков Лев Фёдорович окончил свой доклад и отчёт о давнем своём знаменательном полёте и событии, связанном с ним, своему Верховному Главнокомандующему.

Внимательно выслушав Ермакова, Сталин вновь поднялся со своего места, предварительно рукой придержав на месте так же собиравшегося подниматься своего собеседника. Молча пройдясь по своему кабинету и продолжая рассуждать сам с собой, произнёс вслух: «Надо же, Черчилля – победил! Молодец, генерал, так ему и надо».

Затем, остановившись напротив Ермакова, внимательно начал рассматривать его, словно видел впервые. Под пристальным и жёстким взглядом Сталина разжалованный бывший военный лётчик, не совсем понимая сказанных вождём слов и его действий, тоже поднялся со своего места и вытянулся перед ним в струнку.

- Действительно, Ермак! Хранитель и держатель Русской Воинской Славы! Разрешаю вам вновь встретиться со своим английским другом и по-настоящему закрепить наш успех. Вы его и так победите, я в этом уверен. Одно запомните: ни при каких обстоятельствах не рассказывайте Черчиллю об обмане. Пусть это будет нашей государственной тайной или нет – военной хитростью. И пирушку свою – лондонскую, злосчастной не считайте и не называйте её так больше никогда и нигде. Если бы все наши русские пирушки так заканчивались и имели бы такое же значение и успех, то так долго со своими врагами мы не воевали бы. Да и насколько дальше ушла бы вперёд наша страна.

Всё мне теперь ясно, всё логично. Одного не могу понять: почему я об этом только сейчас узнал? Но это уже не ваша головная боль.

...В тот же день Ермаков Л.Ф. был восстановлен на службе в Красной армии, Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено воинское звание генерал-майор авиации. А за особые заслуги в Победе над гитлеровским фашизмом присвоена высшая государственная награда - Герой Советского Союза, с вручением медали Золотой звезды и Ордена Ленина.

А ещё через два дня – в новенькой парадной генеральской форме, при всех орденах и медалях, в сопровождении ответственного работника советского МИД, он был доставлен в английское посольство в Москве на встречу с бывшим английским премьером – Уинстоном Черчиллем, принял из его рук воинскую награду Британии.

После этих знаменательных событий, перемен и встреч Лев Фёдорович Ермаков ещё не одно десятилетие прослужил в Вооружённых Силах Советского Союза и сделал много значительных дел во Славу Русского оружия, за что не единожды ещё награждался различными наградами Родины и повышался в воинском звании. Но с Черчиллем он больше не встречался.

Поздние прозрения

Рассказ.

С незапамятных времён люди говорят: «Муж и жена – одна сатана». И это действительно, наверное, так. Но сатана - один, а людей – двое. Два самых близких друг - другу человека с очень сложными взаимоотношениями. Порой такими, что ни один сатана в них не разберётся.

Формально супружеские взаимоотношения можно поделить на три категории: хорошие, не очень хорошие и очень нехорошие.

Отношения между супружеской парой: Зоей Петровной и Захаром Степановичем Заварзиными прошли через все три названных категории, но в последнее время, наверное, не вписывались и в эти обозначенные рамки.

Если сказать, что Зоя Петровна не любила своего мужа, то это сказано будет очень мягко. Даже если сказать, что она его ненавидела, то и это тоже не будет соответствовать действительности: Зоя Петровна ненавидела Захара Степановича лютой ненавистью и готова была в любой момент своей жизни подвергнуть его такой каре, на которую было способно всё её внутреннее воображение.

Всё, что ассоциировалось в её сознании с ним – ей было противно. Буквально всё, из чего он состоял, её раздражало. Раздражало то – как он спит, ест, ходит, как и где сидит, и прочее, прочее, прочее.

Якобы за храп во сне она выселила его из своей спальни – в залу, на диван; затем - переселила в прихожую. А когда на улице чуть потеплело, откомандировала в летнюю кухню - за пределы частного жилого дома.

Когда Захар Степанович выносил из дома свои пожитки, то – в шутейной форме, спросил жену: «Куда же дальше ты меня отселять будешь?»

Зоя Петровна, зло сверкнув глазами, процедила сквозь зубы: «Ваше место – под лавкой, СЭР!» И засмеялась.

- Ну что ж: под лавкой, так под лавкой! Такова, значит, моя судьба, жизнь доживать, как паршивому псу, - поперхнувшись, сказал Захар Степанович.

Немногим позднее, по хозяйским делам заглянув в сарай к одной из своих соседок, Зоя Петровна увидела там старый, топорной работы, большой гроб. Удивившись увиденному, поинтересовалась его происхождением и предназначением.

- Это свёкор мой лет тридцать тому назад сделал кому-то эту усыпальницу. Но заказчик не взял его за грубую работу. Выбросить его или порубить на дрова, то ли из-за скупости, то ли ещё по каким-то причинам, свёкор не пожелал: «Меня в нём похороните...» - позднее говорил он. Но самому лечь в этот гроб ему не пришлось: Незадолго до смерти уехал он ко второму своему сыну в город, где и умер. Там его и похоронили в новом гробу, не везти же этот туда. А этот как был поставлен им в сарае, так и стоит с тех пор, - ответила соседка.

Злая шутка завертелась тогда в голове у Зои Петровны, и она решила её осуществить. «Слушай, отдай мне его...» - с воодушевлением воскликнула она.

- Забирай, надоел он мне уже изрядно - глаза мозолит, а порубить на дрова или выбросить его, всё никак не решусь, - ответила соседка.

В тот же день, не откладывая задуманного на долгие времена, уговорив по сходной цене двух знакомых алкашей, вечером Зоя Петровна перенесла гроб из сарайчика соседки в предбанник своей летней кухни...

Захар Степанович уже отдыхал, когда в прихожку его теперешнего обители какие-то посторонние люди что-то с шумом и грохотом поставили. Он хотел подняться и посмотреть на происходящее, но грохот скоро стих, и необходимость подниматься сама по себе отпала. Сон снова сморил его.

Чуть свет пробудившись, Захар Степанович решил выйти во двор, но в холодном предбаннике, где свет он обычно не включал, буквально наткнулся на какой-то большой ящик, вероятно, поставленный сюда вчера вечером каки-ми-то людьми, когда он отдыхал. Вернувшись обратно, включил свет и вышел в сени снова.

- Гроб!? – с каким-то испугом в голосе произнёс он, ясно осознав, что именно стоит перед ним. Подойдя к гробу, дотронулся до него рукой. – Торопится, Заинька, с моими похоронами, а как грубо всё сделано. Не удосужилась даже доски построгать! Значит, по её пониманию, ничего лучшего в своей жизни я не заслужил, - с болью в сердце подумал он. После чего руки его затряслись, а внутри словно что-то оборвалось и сильно заболело.

Он вернулся назад к своему лежаку, лёг на него и понял, что жить ему на белом свете осталось недолго. Ещё вчера о своей смерти он и не думал, жил да жил. А сегодня, сейчас – понял, что смерть его близка.

С войны Захар вернулся поздней осенью 1943 года, по ранению.

Закончил он воинскую службу в одной из частей Пятой гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова механиком-водителем, в экипаже командира взвода – лейтенанта Махова, своего земляка и, можно сказать – коллеги по работе до войны. Захар с малолетства, затем и после окончания школы – работал вместе со своим отцом механизатором в МТС - освоил все поступившие к ним американские и отечественные тракторы.

В тридцать девятом году его призвали в армию и как опытного тракториста отправили в зарождавшиеся тогда танковые войска.

В армии ему пришлось осваивать всё, что стояло на вооружении в воинской части.

В Великую Отечественную войну Захар вступил с первого дня уже видавшим виды танкистом. Сполна познал он горечи отступления и радость побед. Несколько раз горел в танке, имел награды и ранения. По этой причине имел несколько вынужденных отлучек с фронта. После излечения судьба вновь бросала его в горнило войны, в самое её пекло.

Не стало исключением для него и танковое сражение на Курской дуге.

К началу июля 1943 года их танковая армия стояла в резерве, под Старым Осколом. Когда стремление гитлеровцев прорваться к Курску через Обоянь было сорвано, и они предприняли попытку пройти кружным путём, через Прохоровку, тут-то и встали на их пути гвардейцы Пятой танковой, в числе которых был и Захар.

В одном экипаже с лейтенантом Маховым Захар воевал всего-навсего несколько недель. Но каких недель!

Лейтенант по возрасту был ровесник Захару. В то время, когда Захар пахал на тракторе землю, Махов учился в сельскохозяйственном институте. Окончив его, работал инженером в одном из сельских хозяйств Приуралья. С началом войны Махов, получив бронь, постоянно добивался своей отправки на фронт. В начале 1943 года его неоднократные просьбы были, наконец-то, удовлетворены.

Когда немолодой уже по годам, но по службе в армии наимолодейший лейтенант, из запасников, Махов Валентин Александрович, прибыл в воинскую часть и принял командование над танковым взводом, в котором служил Захар, то, как само-собой разумеющееся, молодому командиру взвода механиком-водителем определили самого опытного бойца, которым и был он – Захар Степанович Заварзин.

Опытный механик-водитель учил, как надо воевать, своего неопытного комвзвода. Лейтенант за науку своему водиле был благодарен.

И, в свою очередь, в долгу не оставался: учил Захара тому, в чём сам был силён. Между ними завязалась дружба.

- Захар, мы с тобой крестьянские дети, мы труженики земли и только нам на ней работать, поскольку любить её, так – как любим мы, никто не будет. Запомни это Захар и, если доведётся живым вернуться с войны, обязательно иди учиться в сельхозинститут, иначе ты, потеряешь в жизни очень многое, да и земля тоже, - не единожды говорил лейтенант.

Утром 12 июля 1943 года Советские войска перешли в наступление. Возобновил свои активные боевые действия и противник.

Танковый взвод, которым командовал лейтенант Махов, в составе батальона вырвался вперёд и начал теснить дрогнувшего противника. Сложность боевой обстановки Захар чувствовал всем своим существом и постоянно маневрировал. Но на войне никто не застрахован – в самый разгар боя их танк встряхнуло так, что показалось, будто они взлетели в воздух и снова, с большой высоты, упали на землю.

Захар, сильно ударившись обо что-то головой, никак и ничего не мог сообразить. Затем, понемногу придя в себя, понял, что танк их остановился, двигатель заглох.

- Командир, двигатель заглох и не запускается, - что было мочи, крикнул он лейтенанту.

- Башню заклинило, горим! – в тон Захара, прокричал и наводчик.

- Экипаж – покинуть танк! –приказал лейтенант.

Захар через передний люк выбрался из танка первым, осмотрелся – задняя часть танка сильно горела, в любую минуту могли взорваться топливные баки.

- Командир, шевелись быстрее, - крикнул он высунувшемуся из верхнего люка лейтенанту. Тот подстёгнутый его словами прыгнул вниз. И только он коснулся земли ногами, как из рядом стоящего, подбитого немецкого танка, прострекотала автоматная очередь.

Махов, охнув, упал, как сорвавшийся с дерева осенний лист. Захар, согнувшись, подбежал к командиру. Но лейтенант был мёртв: изо рта струёй текла кровь.

- Ах ты, гад фашистский! – закричал Захар и, выпрямившись, бросился к немецкому танку, но автоматная очередь сразила и его. Больше, из того дня он ничего не помнил...

И вновь более трёх месяцев он валялся в госпиталях. И вновь, судьба жизни его не лишила. Врачи заштопав изрядно продырявленное тело вновь поставили солдата на ноги. Но для дальнейшей службы в армии он стал негодным.

Поздней осенью того же года, в бинтах, он вернулся домой. А через несколько дней, помня наказ своего боевого командира, подал документы для поступления на учёбу в сельхозинститут. Занятия уже шли, но его приняли и зачислили на первый курс, фактически без сдачи вступительных экзаменов.

После окончания первого курса института Захар женился. Женитьба произошла как-то неожиданно для него самого: познакомился в институтской библиотеке с молоденькой девушкой, работавшей там библиотекарем, подготавливавшей и выдававшей студентам необходимую литературу. По этой же причине оказался там и Захар. Он стоял в углу фойе и перебирал каталог.

- Молодой человек, что вам нужно? – обратилась к нему библиотекарь. Глаза их встретились. От его прямого взгляда она покраснела, видимо, посчитав неприличным своё обращение к Захару, как к молодому человеку. В свои двадцать шесть лет на молодого человека он явно уже не тянул, да и война наложила свой отпечаток на его лицо и весь внешний вид.

Поняв, что библиотекарь обращается именно к нему, Захар подошёл к ней и, молча подал листок с записанными там темами курсовых работ и реферата.

Она мельком пробежала глазами по сделанным Захаром записям. Потом, согнав с себя румянец, снова взглянула на него и уже каким-то официальным тоном произнесла: «Молодой человек, придите через часок, я вам всё подберу».

- Молодого человека, между прочим, зовут Захаром, он не женат. И, если вы свободны, то он может пригласить вас – сегодня, в кино! – как-то, неожиданно для самого себя ответил Захар, удивившись своему красноречию.

- А девушку зовут Ксюшей, она свободна и, пожалуй, сегодня вечером может пойти с Захаром в кино.

Вечером того дня они сходили в кино, потом ещё раз, а потом он предложил ей свою руку и сердце. Она приняла его предложение.

Ксюша на четыре года была моложе Захара. Не сказать, что она была красавицей, но и дурнушкой назвать её тоже было нельзя. Захару с ней было хорошо. Ко всему прочему, у неё была своя маленькая квартирка, доставшаяся ей от родителей, и жила она в ней одна. Последнее, для Захара, тоже было очень кстати.

Через год Ксюша подарила Захару маленькую дочку, Катеринку.

Хлопот у молодых родителей прибавилось. Но, Ксюша, строила их семейную жизнь так, что дела Захара, его учёба стояли на первом месте. Поэтому Захар выполнял дома только то, что Ксюша сделать не могла

- Ну, ничего, вот закончу учёбу, тогда освобожу её, - искренне, думал он.

Когда учиться Захару в институте оставалось ровно полгода, и он начал готовить диплом, его пригласил к себе домой, с личной просьбой, руководитель его дипломного проекта, молодой институтский учёный Пётр Петрович Быков. Просьба его была проста: в третий послевоенный год – доцент, по возрасту почти такой же, как и Захар, получил собственную квартиру и переезжал в неё. Самостоятельно перевезти в свою квартиру свой небогатый скарб он не мог, так как с рождения был одноруким инвалидом. У доцента была недоразвита левая рука. Но голова его была светлая, кроме того он был очень хорошим и гостепри-

имным хозяином. Поэтому, студенты очень любили его и, если кому из них выпадала возможность оказывать ему какую-либо помощь, то это воспринималось ими как наилучшее поощрение.

Как поощрение же воспринял выпавшую на его долю работу и Захар. Когда он и ещё один его сокурсник занесли в квартиру всё ими перевезённое, сокурсник, сославшись на свою спешку куда-то, культурно распрощавшись со всеми, ушёл. Захар же, выполняя просьбы хозяйки по перестановке с одного места на другое небогатой их мебели, задержался. Когда была закончено и это дело, то и Захар собрался уходить. Хозяева же, в один голос, сказали ему, что обидятся на него, если он не поужинает с ними. В конце концов, согласившись с доводами хозяев, Захар остался. Ужин получился небогатый, но весёлый, хотя за столом присутствовало всего-навсего три человека. Хозяйка, часто перебиваемая хозяином, рассказала ему о своей семейной жизни, перенесённых жизненных трудностях и лишениях. Захар – о своей: о войне, о лейтенанте Махове.

Когда ужин подходил к концу, с улицы, с шумом прибежала их десятилетняя дочь и тут же, вихрем, влетела в комнату, где сидели её родители и Захар.

- А, что мы сегодня кушаем? – громко спросила девочка.

- Доча, вначале поздороваться нужно! – строго сказала девочке её мать, указав глазами на Захара.

- Здравствуйте, меня зовут Зайкой! – отреагировав на замечание матери, ответила та и протянула Захару руку. – Дружить будем?!

- Зайка, ты неисправима. Первый раз видишь человека и, уже дружить! – вновь, с осуждением, произнесла мать девочки.

Захар, посмотрев на девочку, удивился её сказочной красоте.

- Мальвина из «Золотого ключика», - подумал он, протянув девочке свою руку. – Меня зовут Захар, дружить будем!

Зайка вложила свою маленькую ручку в его большую ладонь и громко засмеялась.

После ужина Захар помог ещё кое в чём и Зайке, в её комнате, и только после этого, наконец-то, пошёл домой.

Простившись в тот давний вечер с доцентом, его женой и их дочкой, Захар пообещал бывать гостем в их квартире. Но жизнь распорядилась по-своему: после окончания института его направили в одно из загородных хозяйств, где он и работал агрономом, в буквальном смысле слова – днюя и ночуя на своих полях. Внедряя в производство современные и перспективные методы агрономии ему удалось значительно поднять производительность своих полей и не только в сравнении с тем, что давали они до него, но и в сравнении с урожайностью в соседних хозяйствах.

Его дела и инициативы не оставались не замеченными. Отчего в скором времени его назначили руководителем хозяйства. К нему стали приезжать, для учёбы и обмена опытом из других хозяйств, и не только из соседних. Стали наведываться и учёные, в том числе и из родного его института. Один, из учёных навёл его на мысль написания кандидатской диссертации по теме его новаций.

- Собери воедино все свои практические наработки, немного разбавь их научной аргументацией и кандидатская готова. В конце-концов, обратись за помощью к профессору Быкову, он мужик толковый и помогает таким как ты.

- Знаю, он руководителем дипломного проекта у меня был, - ответил Захар.

- Тем более, - решив, что предложенное - дело решённое, обрадовано завершил свой разговор новый знакомый.

Тогда-то и произошла очередная встреча Захара с Петром Петровичем. Который к этому времени был уже доктором наук, профессором, заведовал научной исследовательской лабораторией в родном его институте.

- О! Захар, если не запамятовал, Степанович? – громко произнёс профессор, когда Захар перешагнул порог его кабинета.

- Так точно! – по-военному ответил Захар, после чего искренне удивился. - Ну и память у Вас!

- А я всех своих дипломников помню. Вас, тем более, - словно само собой разумеющееся ответил ему Быков, после чего предложил сесть на стул, стоявший рядом со своим рабочим столом. – Ну-с, слушаю Вас товарищ председатель,..

- Агроном! – несколько смутившись, подчёркиваемой профессором важностью своей персоны, попытался перемести его внимание Захар.

- Тем более – агроном! – продолжал стоять на своём профессор.

Поверив в искренность профессорских слов, Захар рассказал ему о своей жизни и делах за годы после окончания института. Рассказал и о задумках по написанию диссертации.

- Тема перспективная, пожалуй, и здесь, я могу быть Вашим руководителем, но при одном условии, - таинственно озвучив своё решение, виновато улыбнувшись, ответил ему профессор. От чего в сознании Захара молнией промелькнула мысль, подсознательно ассоциируемая им с чем-то неприятным. – При условии, что после защиты диссертации Вы, Захар Степанович, перейдёте работать ко мне в лабораторию, - уловив замешательство Захара, закончил свою мысль профессор.

Услышанное удивило Захара, улыбнувшись и, ещё не осознавая всей полноты сказанного, он согласно кивнул головой.

В тот день он вновь перешагнул порог профессорской квартиры, поскольку счёл неприличным отказаться от приглашения Быкова.

- Девочки, вы только посмотрите кого я привёл сегодня к нам в гости, - громко произнёс Быков, перешагнув порог своего жилища, следом за Захаром. На его голос в прихожую вышла его жена. Поздоровавшись, с явным женским любопытством она, молча и бесцеремонно, начала рассматривать Захара с ног до головы, вспоминая кто это такой и, где она его видела.

Профессорская жена за те десять лет, которые Захар её не видел, изменилась. Но он её узнал и узнал бы хоть где, и хоть когда. Пока она ломала свою голову в догадках, из-за её плеча показалась голова молодой девушки, которая мило произнеся слово «здрасте», положила свою голову на плечо матери и с таким же нескрываемым женским любопытством начала рассматривать Захара.

И девушку, не смотря на то, что она очень сильно изменилась, Захар тоже узнал. Это была профессорская дочь Зайка, которая из той маленькой Мальвины превратилась в Василису-Прекрасную.

- Позорницы! Это же Захар Степанович Заварзин, бывший мой дипломник, он ведь у нас был. Забыли, как он рассказывал вам, о том, как он на фронте воевал на своём танке, как горел в нём, как чуть было не был убит немцем.

- А-а, Захар! – вспомнив, произнесла профессорская жена.

- А-а, Захар!.. – повторила, сказанное матерью, и дочь, но более значительно. – «Пропажа и беглец!». Обещал, что будет приходить к нам. А сам – фьють, и поминай как звали.

- Ладно, не нападайте на человека, лучше накормите и напоите нас, мы ведь с ним с работы пришли, - вступился за гостя хозяин.

В тот день Захар вновь просидел у Быковых долго, вновь рассказывал всё из своей жизни: и про «МТС», и про войну, и про своего боевого командира - лейтенанта Махова, которого, как выяснилось, хорошо знал и Пётр Петрович. Рассказал он и про свои поля, и про красоту тех мест, где они находятся.

Потом наперебой, поправляя друг друга, повели свой рассказ они. Откуда Захар понял, что Зайка, три года назад окончила школу и теперь уже готовилась и к окончанию института. Того самого где работал её отец и когда-то окончил и Захар.

После этой встречи года три в доме Быковых Захар вновь не появлялся. Всё своё время, от сна и до сна, он работал в руководимом им хозяйстве и над своей диссертацией. И вся его жизнь теперь была разделена на три части: дом, работа и институт. И всё шло хорошо до тех пор пока, он, в один из дней своего пребывания в институте, не встретил Зайку в одной из лабораторий кафедры, где он занимался своей темой.

- Захар, здравствуй! Ох, и бессовестный же ты! – воскликнула Зайка, подойдя к нему.

- Здравствуй, Заинька, почему же я бессовестный? – улыбнувшись, спросил он.

- Ну как же, пообещает, что завтра придёт и, как в воду, на годы.

- Дела, Заинька, дела, - ответил Захар, разведя в стороны руки.

В тот день он проводил её домой. А потом их встречи стали происходить при каждом его посещении института: Они ходили в кино, в театр. И всё это происходило как само собой разумеющееся. Серьёзно о зарождающемся в своей душе пожаре Захар не задумывался, отмахивался от мыслей, как от назойливых мух.

Диссертация его, в общем, была уже написана. Но защиту её он всё откладывал и откладывал на более поздние сроки, всё дорабатывал и подчищал её. Отчего же, в доме Быковых он стал появляться чаще и не только как - в доме своего научного руководителя, но теперь уже и как друг их семьи. И, в общем, всё было как прежде, за исключением того, что теперь при своих посещениях их дома он привозил подарки хозяйке, хозяину и Зайке. Подарки всегда принимались с большими оговорками и заверениями, что подобного «безобразия» впредь проводиться больше не будет. Шутя - каясь и извиняясь за свою неисправимость, исподволь, Захар чувствовал, что с этими людьми ему было хорошо, его влекло и тянуло сюда.

В один из дней, когда они с Зайкой возвращались к ней домой, она, как никогда, была грустна. Шла, рядом с ним, молча, а когда они почти подошли к её дому, она остановилась и, посмотрев Захару в глаза, серьёзно спросила: «Захар, ты любишь меня?»

Её вопрос не то чтобы смутил Захара и застал его врасплох, нет, поскольку он и сам не однажды задавал его себе и отвечал на него. Тем не менее, её вопрос словно ударил его по голове обухом большого и тяжёлого топора. До этого, с того самого первого дня, когда он впервые увидел её, ещё десятилетней девочкой, он полюбил её. Но, об этом – никто, кроме его самого, не знал. И его тайная любовь никого и ни к чему не обязывала, жила в нём и с ним. Его отношения с Зайкой, в течение всех лет их знакомства, внешне, носили чисто дружеский характер. Это устраивало всех, это устраивало и самого Захара. Сейчас же, когда она прямо спросила его, о его любви к ней, он должен был высказаться об этом вслух. И давняя, личная его тайна переставала быть тайной. Отчего, возможно, даже не возможно, а точно, тянула за собой и какие-то последствия. Какие именно он ещё не знал, но то, что они будут, знал точно. Последствий Захар страшился, и всё же он сделал шаг им навстречу.

- Люблю! – ответил он. – Давно люблю...

Зайка, как-то очень грустно улыбнулась, услышав его ответ и, опустив голову, ещё о чём-то подумала, затем, снова взглянув на него, спросила.

- И женишься, на мне?

- Женюсь! – твёрдо ответил он. После чего почувствовал как, что-то очень тяжёлое и большое навалилось на всё его существо.

Услышав, сказанное им, Зайка прижалась к его груди и заплакала.

Он начал её успокаивать, обнял и, какое-то время они стояли молча, прижавшись друг к другу. Затем Захар бережно взял её голову своими большими руками и, приподняв со своей груди, впервые за всё время их знакомства, поцеловал. После чего она заплакала ещё сильнее и, неожиданно вырвавшись из его объятий, убежала домой. Оставшись сам с собой наедине, он некоторое время постоял ещё на том же месте где они с Зайкой расстались, после чего, решив, что сегодня уйти просто так он не может, пошёл вослед за ней.

Дверь ему открыла Зайкина мать, вид которой сегодня был совершенно не такой, с каким она обычно его встречала. Сегодня она была хмурой, если не сказать - злой.

- Захар Степанович, отныне, в нашем доме вам места нет! – сказала она, не впустив его в свою квартиру.

Пока Захар переваривал в себе сказанное ему, профессорская жена закрыла дверь. Какое-то время он, молча и без каких-либо действий со своей стороны, постоял ещё перед закрытой дверью и, окончательно осознав, что здесь ему больше не бывать - развернулся и медленно пошёл в обратную сторону.

Выйдя из подъезда, каким-то внутренним своим слухом услышал, что дверь в Зайкиной квартире отворилась и снова захлопнулась. Затем послышалось частое цоканье её каблучков о бетонный пол подъезда, затем послышался взволнованный, всхлипывающий её голос: «Захар, Захар, подожди!».

Он остановился и, развернувшись, быстро пошёл в её сторону.

- Захар, уведи меня отсюда, - всхлипывая, прокричала она.

Он молча взял её за руку, как маленькую и плачущую девочку, и увёл. Увёл - навсегда...

После того памятного дня, или, вернее – вечера, домой, к своей семье, Захар не появлялся целую неделю, а когда пришёл, Ксюша встретила его как и обычно: словно он ушёл из дома час или два тому назад.

- Вид у тебя Захар, сегодня, какой-то, - сказала Ксюша, после чего спросила: «Кушать будешь?»

У Захара от ласковых и заботливых Ксюшиных слов внутри всё обрывалась, сердце стучало как барабан, во рту всё пересохло.

- Нет, не буду, - ответил он, с трудом произнося каждое слово, и тяжело опустился в своё кресло, в котором, раньше, любил сидя отдыхать и о чём-то думать.

- Почему? – всё так же, ласково, спросила Ксюша.

Захар, потупив взгляд, какое-то время молчал, соображая с чего же ему начать свой разговор с женой.

- Дочь дома? – наконец спросил он, не поднимая на Ксюшу глаз.

- Нет, ушла к подружке, - ответила Ксюша, сев в другое кресло, напротив него.

- Прости меня, Ксюша - ухожу я от тебя, к другой женщине ухожу. Понимаешь - люблю я её, давно люблю! – чуть ли не скороговоркой выговорил он слова которые подбирал всю дорогу когда шёл сюда. После чего вновь замолчал, потупив свой взгляд в пол.

Ксюша, услышав и осознав сказанное им, передёрнулась, и охватив свою голову руками, так же опустила свой взгляд себе под ноги. Её явно морозило.

- Ты хорошо подумал об этом, Захар? – дрожащим голосом спросила она.

- Хорошо! – однозначно ответил он.

- Ну, тогда, уходи, - ответила она и переборов свое состояние, подняв лицо, выпрямилась, и совершенно спокойно посмотрела на него.

Он тоже посмотрел на неё. Взгляды их встретились. Она, сдерживая себя, пыталась казаться спокойной явно желая оставаться в его памяти такой, какой он знал её всегда.

Ушёл он от Ксюши, как и пришёл кода-то к ней - тихо и незаметно.

Больше они никогда не виделись.

В последнее время Захар Степанович часто думал о той, старой своей вине перед Ксюшей и Катеринкой, думал и сожалел о произошедшем.

Всё последующее в его жизни теперь казалось ему противным и незначительным, в сравнении с тем, случайно найденным им когда-то, очень дорогим, но не сохранённым им по собственной глупости. Он ругал себя за совершённый когда-то свой жестокий поступок и думал, что все нынешние его кары произрастают именно оттуда. И именно за всё то.

Теперь он понимал это, но - вновь изменить свою жизнь, был уже не в состоянии.

Тогда же, буквально на следующий день, после ухода от Ксюши, он пошёл в Управление сельского хозяйства и попросил, что бы его перевели куда-нибудь в другое место. Отчего управляющий сельским хозяйством, с удивлением взглянув на него, ответил: «Хоть завтра поезжай в Груздёвку, там в колхозе «Луч» освободилось место председателя, ищем туда человека, но... Сам понимаешь – хозяйство отстающее, да и находится Груздёвка, у чёрта на Куличках».

- Я поеду туда, - не задумываясь ответил тогда он управляющему.

Так уж случилось, что в Груздёвке прошла вся последующая его жизнь: здесь он поднимал и вывел в передовики отстающий колхоз, здесь он состарился, здесь ему и умирать.

А тогда Заинька приехала в Груздёвку следом за ним - как молодой специалист и, в то же время, как - председательская жена. Непродолжительное время они пожили в небольшом домике, недалеко от колхозной конторы. После которого нанятая Захаром бригада строителей шабашников, буквально за два летних месяца, построила большой и уютный председательский дом со всеми хозяйственными пристройками. И молодые супруги - торжественно, с музыкой и под аплодисменты, въехали в свой собственный новый дворец. Именно дворцом, тогда и казался им их дом. В котором Заинька подарила Захару Степановичу сначала сына, а затем и дочь. В этом же доме прошла и вся их последующая совместная семейная жизнь.

В начале,Захар Степанович с Заинькой жили очень хорошо, мирно и дружно. В доме у них всегда был достаток, водились друзья. Заинька, как и прежде, искренне и горячо любила своего мужа, не смотря на то, что он был старше её немногим более чем на двадцать лет.

Довольна была Заинька и своей работой: приехав в Груздёвку она, по примеру своего отца, можно сказать, занялась научной работой – создала в колхозе маленькую научную лабораторию, за которой Захар Степанович закрепил небольшой штат сотрудников и, небольшие же, близлежащие поля. Где Зоя Петровна, как называли её все жители Груздёвки, занималась опытной агрономией и селекцией. На своих полях Зоя Петровна внедряла новейшие достижения сельскохозяйственной науки, всё то чему научили её в институте и в его научно-исследовательской лаборатории, которую возглавлял её отец. Кое-что у неё получалось. И это - кое-что, Захар Степанович внедрял на больших колхозных полях. Последним Зоя Петровна очень гордилась и жизнью своей, как и её муж, была довольна. Считала себя счастливым человеком.

После рождения сына, что бы освободить Зою Петровну от домашних забот, Захар Степанович забрал к себе свою мать, одиноко жившую в родном селе после смерти отца.

Места в председательском доме хватало всем, никто никому не мешал. Поэтому свекровь пришлась Зое Петровне очень кстати, они ладили между собой, а через несколько месяцев жизни под одной крышей, Зоя Петровна простонапросто не могла уже обходиться без своей свекрови. Захар Степанович был доволен тем, что его жена и его мать так хорошо сошлись между собой. За это его любовь к своей Заиньке увеличилась ещё сильнее.

Вырастила и поставила на ноги свекровь Заинькиных детей а когда ребятишки стали совсем уже большими, умерла. Смерть матери Захар Степанович перенёс болезненно, после этого он и сам как-то очень сильно сдал и резко начал стареть, ссутулился и облысел.

Как бы глупо не казалось со стороны, но вторым «страдальцем», удручённым смертью матери Захара Степановича, был их дом. Который страдал не меньше чем Захар Степанович, а может быть, даже ещё сильнее, чем он. От своих «страданий» дом начал зарастать грязью, в нём всюду стало неуютно.

До какого-то момента ухудшившийся свой быт Захар Степанович терпел, потом договорился с одной из пожилых своих колхозниц, за отдельную, личную, оплату, что бы она навела в его доме порядок и поддерживала его.

- Зое Петровне заниматься домом некогда, она вся в делах, - сказал он тогда этой женщине.

Колхозница выполнила поставленную председателем задачу очень добросовестно, их дом вновь ожил и заблестел. Придя после работы домой Захар Степанович обошёл все комнаты и остался увиденным очень довольным. Зайдя в одну из боковых комнат, начал чем-то удивляться и позвал к себе жену.

- Заинька - посмотри-ка, что я увидел?! – с восторгом произнёс он.

Зоя Петровна пришла на зов мужа. Вид у неё был очень потрёпанный

- Заинька ты только посмотри, в окно колхозную контору видно стало! – с восторгом и радостно произнёс он.

- У-у, старый дурак! – сердито ответила она ему тогда и, фыркнув, ушла в свою комнату.

Старым дураком назвала тогда она его впервые, но после этого дня, эти слова стали излюбленным обращением её к нему. С того самого дня мирная жизнь, любовь и элементарное взаимоуважение в их доме закончились.

Поначалу, пока Захар Степанович ещё председательствовал, взаимоотношения их с Зоей Петровной можно было бы охарактеризовать как мирное сосуществование двух противоборствующих сторон, то есть - безразличное отношение друг к другу, когда каждый живёт сам по себе, но показывает вид приличных их взаимоотношений между собой.

А когда началось укрупнение хозяйств и колхоз «Луч» объединённый с несколькими соседними хозяйствами «ушёл» в соседнее большое село с переездом туда же и центральной колхозной усадьбы и конторы, Захару Степановичу предложили переехать туда же, но он отказался. Мотивируя свой отказ солидным своим возрастом и многочисленными всевозможными болезнями, которые в последнее время стали его беспокоить и мешали в полной мере выполнять свои председательские обязанности, что соответствовало действительности. Он решил уйти на заслуженный отдых, то есть - на пенсию, и остаться на дальнейшее своё жительство в Груздёвке. Зое Петровне пришлось распрощаться со своей любимой работой. С этого времени оба они постоянно, ежедневно и ежечасно, находились рядом друг с другом в своём опустевшем доме. Потому как, к этому времени, выросшие их дети покинули свой отчий дом и, уехав от родителей, жили своей самостоятельной личной жизнью.

Тут-то, семейная жизнь Захара Степановича и перешла в последнюю – невыносимую стадию. С этого времени Зою Петровну словно подменили, хотя по внешнему виду она оставалась той же, что и раньше, но по отношению к нему и своему обращению с ним, она стала совершенно другой. Она словно осатанела. Любое присутствие возле неё Захара Степановича её не то что бы раздражало, а бесило. Она не могла пройти мимо него просто так – обязательно била его костяшками своих рук по голове или спине. И всё это обязательно сопровождалось руганью.

Захар Степанович понимал, что причиной ненависти к нему его жены является большая разница в их возрасте.

- Она, совсем ещё не старая женщина. А я старый, лысый и согбенный старик, вот она и бесится, - постоянно говорил он сам себе, её же и оправдывая. – К тому же, если бы я оказывал ей сопротивление, то, возможно, её пыл немного бы урезонивался. А так, она только раззадоривает сама себя: сильная птица, слабую – крылом забивает до смерти, и она своими тычками забьёт меня. Ну и пусть, для меня любой исход избавление от моих мук.

Всё утро и весь день, Захар Степанович пролежал на своём лежаке, не поднимаясь. Внутри у него всё болело. Он чувствовал как последние силы, словно капля за каплей покидают его тело и весь организм.

Днём Зоя Петровна несколько раз заходила в «обитель» мужа, наклонялась над ним: «Живой ещё?!» - то ли вопрошала она, толи просто констатировала тот факт, что смерть её мужа ещё не наступила.

Ночью Захара Степановича не стало. Смерть мужа, Зоя Петровна обнаружила рано утром, чуть свет.

- Деревня наша небольшая, жителей мало осталось. И те сплошное «алкашьё», чего царские похороны закатывать, - подумала она.

В тот же день, пригласив к себе всё тех же своих помощников, облачила умершего Захара Степановича в когда-то парадную его форму и положила его в обитый на скорую руку красными колхозными скатертями, принесённый от соседки старый гроб.

С утра и до полудня гроб с телом покойного простоял на двух табуретках посредине двора. А после полудня, гроб с покойником погрузили на телегу, в которую был запряжен бывший колхозный мерин, на котором когда-то любил ездить умерший, и отвезли на кладбище.

Провожавших Захара Степановича в последний путь было немного: оставшиеся знакомые, жившие ещё в Груздёвке, да дети. После похорон - провожавшие, поминать покойного в дом к Зое Петровне не пошли, разошлись и разъехались с кладбища по своим домам. В том числе и дети Захара Степановича.

Поздним вечером того дня, в Груздёвку, к бывшему председательскому дому подъехала легковая автомашина. На звук подъехавшей машины Зоя Петровна вышла из дома и увидела, что из машины вышел управляющий их объединённого хозяйства.

- Зоя Петровна, ну как же так, почему вы ничего мне не сообщили? Я бы все расходы по похоронам взял на себя и автотранспорт прислал бы, и людей всех на ноги поднял бы, и оркестр прислал бы. Похоронили бы Захара Степановича как заслуженного че-ло-века-а, пенсионера республиканского значения! А вы закопали его как какую-то бездомную собаку. Э-эх!.. – управляющий, видимо, хотел ещё что-то сказать, но разволновавшись махнул рукой, развернулся в обратную сторону и пошёл к своей машине.

Зоя Петровна тоже развернулась и ушла в свой дом.

После похорон мужа Зоя Петровна распродала всё то, что было нажито ими с Захаром Степановичем более чем за тридцать лет их совместной жизни. И никому ни чего не сказав, куда-то уехала. Более десяти лет в Груздёвке она не появлялась, но приехала. Видимо не смогла выбросить из своей жизни и позабыть те годы, которые были прожиты сю здесь. Бесспорно - лучшие её годы. К тому же ненависть и неприязнь к Захару Степановичу, которая жила в ней до его смерти, из неё ушла.

Теперь - передумав и переосмыслив многое, в своей прошлой жизни, на многое она стала смотреть иначе.

Подходя к бывшему своему дому, она увидела возле него каких-то молодых и незнакомых ей людей. Из окон дома и отворённой двери лилась на улицу музыка.

- Жизнь продолжается, дом жив, - с волнением в сердце подумала она. Пройдя мимо дома, направилась в сторону кладбища.

Кладбище в Груздёвке было небольшое, могилу Захара Степановича она нашла без особого труда. Нашла, но не узнала: В изголовье могилы стоял огромный гранитный камень – валун, лицевая сторона валуна была ровная и отполированная. Сверху, на отполированной части, рубинами светилась большая красная звезда. Из под звезды, с эмалевой фотографии смотрел на Зою Петровну молодой Захар Степанович: в солдатской гимнастёрке, подбоченившийся и улыбающийся ей. Вся грудь его была обвешана орденами и медалями: «Заварзину Захару Степановичу - от благодарных потомков и учеников», - было выбито под фотографией.

Чуть ниже надписи, по извилистой дороге, откуда-то и куда-то, параллельно друг другу ехали гусеничный трактор и танк с высоко поднятым стволом.

За обочинами дороги росли берёзы, и колосилась пшеница, а в небе - клином, летели журавли.

Могила была в хорошем состоянии, за ней кто-то ухаживал.

- Прости меня, Захар! – прошептала Зоя Петровна, опустившись на колени возле могильного камня. И, не по-женски скупые – слёзы, побежали из её глаз.

Шипы розы любви

Рассказ.

Трагическую историю, подобную рассказываемой, поведал мне когда-то бывший мой начальник - главный инженер Государственного краснознамённого НИИ ВВС имени В.П.Чкалова генерал-майор авиации Седых Анатолий Алексеевич.

Повествуемое посвящаю офицерским жёнам, в том числе и моей боевой подруге, супруге – Наталии Ивановне, прошедшей вместе со мной через все мои гарнизоны и всю мою офицерскую «гарнизонно-чемоданную» жизнь.

«Будь я художником,
нарисовал бы жену офицера
– сидящей на чемодане...»

ОФИЦЕРСКИМ ЖЁНАМ

Завистницы лгут,
что за лёгкою жизнью в погоне
Вы нас не любили,
польстились на наши погоны...
Вы их, офицерские жёны,
за сплетни простите.
За то, что о вас не написано
песен – простите.
Простите за наши тревоги,
простите – мадонны,
За то, что рожаете чаще в дороге,
чем дома.
Спасибо, что вы, не страшась:
ни снегов, ни Турксибов,
Судьбу чемоданную делите с нами – спасибо!
Спасибо за то, что вы участи
лёгкой у нас не просили.
От всех офицеров –
поклон вам земной и спасибо!..

(Из курсантской записной книжки, автор неизвестен).

***

Командир ракетного объединения, генерал-лейтенант Карелин, проводил служебное совещание с командирами подчинённых ему воинских частей и соединений. Совещание планировалось провести без перерыва, но обсуждаемые вопросы оказались сложными, и оно затягивалось. Все присутствовавшие в зале заседаний генералы и старшие офицеры были изнурены духотой, да и у самого генерал-лейтенанта вид был далеко не из лучших.

- Товарищ командир, предлагается перерыв сделать. Курить хочется, аж «уши вянут», - сказал кто-то с места в образовавшуюся паузу «дежурное» в таких случаях предложение.

Явно одобряя поступившее предложение, генерал-лейтенант, посмотрев на свои часы, вымолвил: «Так, сейчас - десять сорок. Двадцать минут перерыв, в одиннадцать ноль-ноль все снова сидим здесь».

Сообщив принятое решение, Карелин поднялся со своего места.

- Товарищи офицеры! – подал команду начальник штаба объединения генерал-майор Парамонов. Все присутствовавшие в зале поднялись со своих мест, вытянувшись по стойке «смирно».

- Товарищи офицеры, - в ином тоне повторил поданную команду генерал-лейтенант и молча, неторопливым шагом, первым вышел из зала. За ним гуськом, с разговорами и шутками потянулись и остальные присутствовавшие на совещании генералы и офицеры.

Начальник политотдела объединения полковник Балов Станислав Николаевич, недавно назначенный с повышением из другого объединения и толком ещё не освоившийся на новой должности, подошёл к начальнику штаба и, взяв его под руку, заговорщически проговорил: «Валентин Кузьмич, говорят, у Вас хороший кофе водится. Не угостите?»

Парамонов с недоверием бросил свой беглый взгляд на нового начпо. Поняв, что названный повод для их общения является неосновным, не очень радушно сообщил: «Водится, милости прошу».

- Валентин Кузьмич, ты обратил внимание – командир наш второй день, словно с хорошего бодуна, ходит. Он, что любитель этого дела? Или что-то случилось у него? – без лишних церемоний, напрямую спросил Парамонова Балов, усаживаясь в удобное кресло, стоявшее возле журнального столика в углу обширного кабинета начальника штаба. И ожидая его ответа, по-свойски, вытянул одну сигарету из пачки, лежавшей на столике рядом с пепельницей; размяв сигарету, глубоко затянувшись, закурил.

- Наверное «Марья Ивановна» снова «построения» устраивала ему дома? Вот он и «жарит», второй день, - не глядя на полковника, ответил Парамонов, занимавшийся приготовлением кофе.

- А что, разве жену у командира Марией Ивановной зовут? – недоумевая, переспросил Балов.

Парамонов, явно не ожидавший такого вопроса, покраснев, отвернулся от политработника и какое-то время обдумывал ответ на заданный ему вопрос.

- Александрой Михайловной зовут её. «Марья Ивановна» у неё что-то вроде клички, - несколько смутившись, ответил Парамонов. – Тут у нас с ней такая история приключилась: Карелин после того, как был назначен к нам командиром, привёз её сюда месяца через два из Москвы.

В тот день мы туда летали на подведение итогов за первое полугодие и Военный совет. Перед отлётом из столицы мы ждали их на аэродроме, возле самолёта.

Я с командиром знаком давно, в военном училище мы вместе учились, на одном курсе. А с ней познакомился в годы учёбы в академии, Карелин шёл тогда на один год впереди меня. Мы семьями с ними дружили, Сашенькой величал я её тогда, как, впрочем, и сам Карелин.

Потом, как и положено, вновь разъехались в разные стороны. И, вот, на аэродроме – под крылом самолёта, в прямом смысле этого выражения, вновь встретились. Стоим, разговариваем, былое вспоминаем... Тут подходит к нам наш летун, командир экипажа самолёта, майор Кравцов и обращается к ней: «Мария Ивановна, можно я Ваш чемоданчик в самолёт занесу?»

- Вам, майор, следовало бы знать как зовут жену командира, - зло сверкнув глазами, ответила она и, оборвав на полуслове наш с ней разговор, схватила свой чемодан и поднялась с ним в самолёт.

На следующий день, после того как мы прилетели сюда, в гарнизоне жену нового командира все «величали» Марией Ивановной. Удивляюсь, слышали это, всего-навсего четыре-пять человек: я, начальник тыла, заместитель по вооружению, ваш предшественник, ну и сам Карелин. Кто мог растрезвонить? Я никому об этом не рассказывал, в том числе и своей жене. Карелин, ясное дело, тоже. Остаются три зама, ну, и экипаж самолёта. В общем, что известно двоим – то знает и свинья.

- Да, дела, - сердито произнёс начпо. – С летуна шкуру спустить надо – жену командира на всеобщее посмешище выставил.

- Разбирался я с ним, к себе вызывал. Он мне так всё объяснил: В академию лётную он рвался несколько лет подряд, а его всё тормозили за язык его болтливый - трепач, несусветный. Хотя лётчиком он был неплохим, летал без замечаний. Решил выслужиться перед новым командиром, спросил у членов своего экипажа: «Как зовут генеральшу?». А бортрадист его, прапорщик, тоже трепло. Без тени смущения возьми, да и ляпни: «Марией Ивановной!». Так всё и родилось.

А лётчика, этого, Карелин в тот же год в академию отпустил.

Поначалу Александра Михайловна повела здесь активный образ жизни: женсоветом начала руководить и прочее. Но среди людей сволочей всевозможных очень много, сам знаешь. Начали её травить: то одна помощница невзначай, Марией Ивановной назовёт её, то другая. То пошлют кого-то к ней, с такими же словами, из не знакомых.

Сашенька начала реагировать на это очень болезненно. А злым людям только этого и надо, как масло в огонь.

В конце-концов бросила она все свои общественные дела, запёрлась в своём особняке, как тигрица в клетке, и всю злость свою на своего мужа исторгать начала.

Я ему не завидую. Пытался, как старый знакомый, можно сказать – друг их семьи, повлиять на неё. Говорил ей, что муж её очень хороший и как человек, и как командир, что он один из главных претендентов на маршальский жезл. Но она и на меня обозлилась.

Я её не понимаю и полностью разочаровался в ней. Поэтому, как-то непроизвольно и сам начал называть её по кличке.

В общем, теперь все её удары сыплются только на самого Карелина. Вот он и начал поддавать по выходным.

Займись этим делом Станислав Николаевич и урегулируй его. Это ведь по твоей «кафедре», - попросил Парамонов, наконец-то приготовив кофе и, наполнив им чашечку своего гостя и свою.

Полковник на предложение генерал-майора не прореагировал, молча положив в свою чашечку три кусочка рафинированного сахара, размешивал.

- Люблю сладкое, в кофе много сахару кладу, - зачем-то пояснил он свои действия. И вновь замолчал, явно удручённый услышанным. – Если «партия прикажет», займёмся, - всё же сообщил он своё решение через некоторое время, понимая, что Парамонов ждёт от него ответ на свою просьбу.

Затем, сделав несколько глотков запашистого напитка, зло и неприятно хохотнул. Во всяком случае, так показалось Парамонову. Отчего генерал-майор почувствовал какую-то неприязнь к своему собеседнику.

- Станислав Николаевич, ты хотя бы здесь, передо мной, не использовал эти ваши замполитовские штучки: «партия прикажет». Да разве вы не видите, что мало делается из того, что партия приказывает. А то, что многим видится очевидным, партия об этом помалкивает и ничего не делает, если не сказать большего, - гневно и в запале ответил Парамонов.

От услышанного начальник политотдела зашёлся каким-то утробным смехом: «Это, Валентин Кузьмич, очень сложный и деликатный вопрос. О нём мы обязательно поговорим. Но, как-нибудь в другой раз, - допив содержимое своей чашечки и поднимаясь со своего места, произнёс полковник. – А пока, спасибо за угощение и за информацию. Мне пора, да и вам тоже – пятнадцать минут уже прошло»....

- Валентин Кузьмич, зайди сейчас ко мне, - попросил генерал-лейтенант начальника штаба, когда совещание закончилось.

А когда тот следом за ним вошёл в его кабинет, сообщил, что второй день плохо себя чувствует.

- Вижу! – осуждающе и недвусмысленно ответил Парамонов. Но Карелин на отрицательную интонацию, в голосе своего начальника штаба и подчинённого, не обратил внимания.

- Пойду, поболею дома, полечусь пару – тройку деньков, максимум недельку. Начмед рекомендует, сам понимаешь. Ты остаёшься за главного. Не возражаешь?

- Не возражаю, - ответил Парамонов и уточнил, - отсутствие твоё на службе, по болезни, приказом проводить? – Когда Карелин с Парамоновым оставались наедине, то всегда обходились без официальностей, переходили на «ты».

- Да, проведи, - распорядился генерал-лейтенант. После этих слов начальник штаба хотел было идти и выполнять полученное распоряжение, но по интонации в голосе командира понял, что разговор между ними ещё не окончен.

И действительно, через непродолжительное время – жестом руки, Карелин попросил его задержаться ещё. Но, сидя за своим столом, упорно молчал. При этом глаза его смотрели куда-то вниз и, как-то неестественно для него, блуждали в пространстве его обширного кабинета. Явно было видно, что он очень сильно чем-то удручён и сосредоточенно думает, собираясь с мыслями.

- Валентин Кузьмич, жена моя пропала, второй день нет её дома, - наконец сообщил он свою думу и поднял на Парамонова растерянные глаза.

- Как нет? Куда она делась?.. – задал несколько вопросов подряд начштаба.

- Ну, как... как – нет, и всё тут! Позавчера, когда уходил из дома на службу, мы с ней крепко поскубились. Сам знаешь - бывало у нас такое. А когда обратно вернулся домой, после службы, её дома не было. Вчера позвонил детям, родственникам её. Думал, что она к кому-то из них уехала, такое у нас тоже бывало. Нет, не приезжала! Не знаю, что дальше делать и думать о чём?

- Прежде всего – в милицию заявить надо, в розыск объявить! – жёстко, как отрезав, ответил начальник штаба. – Ты посиди ещё часок-другой в кабинете. Документы посмотри, почта вчера большая была. А я, тем временем, всё организую: оперу нашему задачу поставлю, он с органами свяжется. Результаты доложит! Посиди ещё в кабинете, - несколько повторяясь, по-дружески посоветовал Парамонов и быстрым шагом вышел из кабинета своего командира.

...Через час с небольшим, дверь в кабинет генерал-лейтенанта без стука отворилась и, не спросив разрешения, в кабинет вошёл полковник Крамер, начальник особого отдела объединения, следом за ним два милиционера: подполковник - начальник местного РОВД, и молодой лейтенант.

Генерал-лейтенант недолюбливал своего особиста за его высокомерие: Особист - будучи полковником, нёс себя высоко; во всяком случае, как думалось Карелину - считал себя «смотрящим» и за ним, генерал-лейтенантом, тоже. Но сейчас Карелину было не до своих симпатий и антипатий. Поэтому он, как гостеприимный хозяин кабинета, поднявшись из-за стола, вышел навстречу вошедшим, поздоровался со всеми по рукам.

- Подполковник Жутько, начальник

РОВД, - начал представлять милиционеров особист.

- С подполковником мы знакомы, - ответил Карелин.

- Следователь, лейтенант Светличный, который и займётся Вашим делом.

- Почему военная прокуратура не взялась за моё дело? – с некоторым недовольством и недоумением спросил Карелин.

- Военная прокуратура занимается военными преступлениями, а тут, как видно по всему - обыкновенное, гражданское, - с изменением интонации и как-то очень многозначительно пояснил полковник.

- Понятно, - ответил генерал-лейтенант и предложил всем сесть на стулья, стоявшие с обеих сторон вдоль длинного своего рабочего стола.

- Нет, спасибо! Некогда - рассиживаться, дела: Мы с подполковником пойдём ко мне, у меня к нему ещё есть одно дельце, а вы с лейтенантом оставайтесь и начинайте работать по существу, - по-хозяйски и со знанием дела, распорядился особист.

- Я, в принципе, не возражаю против такого «сценария», только у меня к подполковнику ещё есть один вопрос: почему ко мне такого молодого лейтенанта назначили, что у вас опытнее людей нет? – недоумённо снова задал вопрос Карелин.

- О, Вы недооцениваете лейтенанта, товарищ генерал-лейтенант. Этот лейтенант, несмотря на его незначительный опыт работы в органах и лейтенантское звание, врождённый «сыскарь». «Нюх» у него и «чутьё» не хуже чем у самого Шерлока-Холмса. Это самый лучший мой следователь. Я Вам гарантирую, что он во всём разберётся и в самые кратчайшие сроки, - развеял возникшее сомнение подполковник.

У лейтенанта, от сказанных в свой адрес лестных слов своего начальника, зарделось лицо и уши.

- Да-а?! – удивлённо воскликнул Карелин, внимательно посмотрев на засмущавшегося лейтенанта. – Тогда, я беру свои слова - обратно, и можете идти спокойно заниматься своими делами, - в шутливом тоне, впервые за весь прошедший день, ответил генерал-лейтенант.

- Ну что, товарищ генерал-лейтенант, начнём работать? – первым заговорил лейтенант, когда полковник с подполковником вышли из кабинета.

- Начнём, да садитесь же вы, - с явно наигранным раздражением, по панибратски, ответил Карелин и,обойдя вокруг стола, разместился на удобном стуле своего рабочего места.

Лейтенант тоже сел на предложенный ему стул и положив перед собой свою полевую, офицерскую, сумку – раскрыв её, начал вынимать какие-то бумаги. Потом повернув свою голову в сторону генерала, как-то не характерно для себя, предыдущего, посмотрел ему прямо в глаза.

- Товарищ генерал-лейтенант, можно, я буду называть Вас по имени и отчеству, привык я так работать.

- Да, пожалуйста, зовут меня Валерием Александровичем, - ответил генерал.

- Перво-наперво, Валерий Александрович, вам нужно письменно подать заявление на имя начальника милиции, по факту исчезновения вашей супруги и организации её розыска: живой или мёртвой, - сообщил лейтенант и вновь, как-то по-особенному, внимательно посмотрел на генерала, при последних своих словах. – Вот вам стандартный бланк для заявления, - продолжил он и поднявшись со своего места, положил бланк перед генералом.

Генерал, взяв свою ручку, заполнил заявление: «Пойдёт, так?» - спросил он возвращая заполненное заявление лейтенанту.

- Пойдёт! – ответил тот, внимательно прочитав написанное. – Только, под заявлением, необходимо поставить свою подпись и сегодняшнюю дату.

Генерал молча устранив замечания, обратно вернул листок.

- Ну, а теперь - напишем протокол первого вашего допроса, - чеканя каждое слово, сообщил лейтенант.

- Протокол допроса? Так сразу? – с каким-то содроганием и удивлением переспросил генерал.

- Да! Понимаете, положено так у нас, порядок такой: дача показаний оформляется протоколом допроса.

- Понятно. Допрос, так допрос, - осевшим голосом промолвил генерал.

- Ну, вот и всё... Прочитайте и распишитесь, - сообщил лейтенант, поставив точку в последнем предложении, последнего своего протокольного вопроса.

Генерал бегло пробежал своим намётанным глазом по исписанным, быстрым, но разборчивым подчерком листам, прочитал написанное. Согласившись с прочитанным, молча, кивнул головой и расписался под протоколом.

- Интересный у нас тандем получается: генерал с лейтенантом и, лейтенант без генерала. – Сказал он какой-то каламбур, подавая листы, исписанные его рукой.

Следователь, не поняв сказанного, пожал плечами и, приняв листы, начал укладывать их в тоненькую ученическую папку.

- Хотите, я вам папку подарю – на память: хорошую, кожаную. У меня их несколько штук и без одной из них я обойдусь, - глядя на старания лейтенанта, неожиданно спросил генерал и, открыв боковую дверцу своего стола – достал оттуда, словно специально приготовленную новенькую кожаную паку.

- Нет...нет, что вы – не надо, - запротестовал следователь. – У меня пока что нагрузка небольшая, вполне обхожусь этой. Дальше – видно будет, - с этими словами он завязал на своей папке тесёмочки и, сунув её в полевую сумку, поднялся. Надев на голову фуражку, приложил руку к козырьку. – Разрешите идти, товарищ генерал-лейтенант? – отдав честь, произнёс он. При этом лицо его вновь исказилось какой-то непонятной улыбкой, словно он в чём-то извинялся перед генералом.

- Да, пожалуйста, желаю вам успехов, - ответил генерал и поднявшись со своего места протянул лейтенанту свою руку. После генеральского рукопожатия лейтенант по-военному развернулся на месте и чуть ли не строевым шагом вышел из его кабинета.

После ухода следователя генерал несколько раз медленно прошёлся по кабинету. Затем, сев в одно из мягких кресел, стоявших полукругом возле небольшого стеклянного офисного столика, стоявшего в дальнем углу кабинета, откинул голову на его высокую спинку и закрыл глаза.

- Почту посмотреть надо бы, начальник штаба предупреждал... Или ладно - пусть сам разбирается, домой поеду, - подумал он, несколько расслабившись. Но продолжал сидеть в кресле и, даже, как ему показалось – задремал.

В чувство его привёл стук входной двери, в кабинет вошёл начальник штаба.

- Командир, подпиши приказ – по поводу твоей болезни и твоего отсутствия на службе, а после этого приглашаю тебя на обед. Или нет, уже – на ужин. В «греческом» зале накрыли, пойдём? Думаю, ты сегодня с самого утра ничего не ел? – спросил Парамонов, положив перед Карелиным лист бумаги с текстом приказа о временном его отсутствии на рабочем месте.

Открыв глаза и придя в себя, Карелин склонился над столиком и, пробежав глазами по тексту приказа, поставил на нём свою размашистую подпись.

- Значит, предлагаешь поужинать? Пожалуй, в твоём предложении, Валентин Кузьмич, как всегда, смысл есть. Голод чувствуется во всём моём теле. Звериный! – честно признался он.

Ужин длился часа три: выпили по нескольку стопок коньяка, обговорили все стоявшие перед объединением, в ближайшее время, задачи...

- Командир, наши киношники, буквально на день – два, привезли на просмотр секретный фильм о делах в нашей армии и в армиях наших вероятных противников. Пойдём, посмотрим и его, - нерешительно предложил начштаба, когда они оба насытились и ужин подошёл к концу.

- Ты что это «пасёшь» меня сегодня, как телушку на лугу? – шутливо заметил Карелин, но от просмотра фильма не отказался.

Начальник штаба, не ответив на заданный командиром вопрос, молча, и как-то непонятно, заулыбался.

...Неделю, в течение которой Карелин «болел» на дому, его никто не беспокоил. Телефон молчал, посетителей не было. Что, с одной стороны, в какой-то степени его настораживало, с другой – соответствовало принципам его командирской деятельности. Поскольку он всегда требовал от своих заместителей и командиров подчинённых воинских соединений и частей, прежде всего – самостоятельности в выполнении поставленных перед ними задач. Чтобы каждый из них делал своё дело без оглядки на вышестоящих командиров, следовательно, и на его – Карелина, в том числе.

Не звонят, значит всё в порядке, всё идёт по плану: управленческая «машина», которую он создавал на протяжении многих лет своей командирской деятельности, работала без сбоев и при его отсутствии. Раньше, он всегда гордился этим и считал самым большим достижением своей жизни. Но сейчас, на прошедшей неделе, своё же новаторство не радовало его, более того - молчание телефонов казалось подозрительным и беспокоило. Стоило ему только об этом подумать, как в дверь его генеральского особняка позвонили. От неожиданности звонка он вздрогнул.

- С хорошей или плохой вестью к нему кто-то пожаловал? И почему с пропускного пункта ничего не сообщили, разрешения не спросили? – подумал он, идя медленным шагом к входной двери. Тем не менее - открыв замок, сразу же распахнул и дверь. В дверном проёме перед ним возник следователь.

- Здравствуйте, Валерий Александрович! Разрешите войти? – спросил он.

- Да, пожалуйста, проходите, - ответил генерал и пропуская пришедшего попятился от двери, сделал шаг назад и в сторону, продолжая говорить. – Интересно знать, как это пропустили вас караульные, стоящие перед моим домом, без согласования со мной? Надо будет начальнику штаба внушение сделать! Или, может, там никого нет?

- Да нет, караульные стоят: капитан и три солдата с ним.

- Значит - плохи дела в армии, коль армейский капитан и трое солдат, с ним, не смогли остановить лейтенанта милиции, - шутя, произнёс генерал.

- Да не гневайтесь вы Валерий Александрович на капитана. Службу свою он несёт хорошо, даже, я бы сказал – очень хорошо! Но обстоятельства таковы, что ему пришлось подчиниться лейтенанту милиции, - ответил следователь.

- Ну ладно, хорошо - простим капитана, коль обстоятельства в дело вмешались. Обстоятельства всегда верх берут.

- Да, берут! – согласился следователь и, пройдясь вдоль коридора, резко остановился возле генерала, повернулся к нему лицом. – Дома у вас ещё кто-нибудь есть? – перейдя на деловой тон, спросил он.

- Нет, никого, - ответил генерал, пригласив следователя пройти в свой домашний рабочий кабинет. Лейтенант согласно кивнул головой и, пропуская хозяина дома вперёд, пошёл следом за ним. Подойдя к кабинету, Карелин отворил его дверь и пропустил вперёд себя следователя. Войдя туда же, плотно прикрыл за собой дверь. – Ну-с, с какими известиями вы ко мне пожаловали? – спросил он, с показным спокойствием, глядя следователю в глаза.

- Можно сказать - как в том анекдоте: «Есть хорошие, есть и плохие...», - ответил милиционер, отведя свои глаза в сторону. – С каких начнём?

- Начинай с хороших: жену мою нашли?

- Нашли! – ответил лейтенант.

- И где же она была? – спросил генерал, продолжая казаться спокойным.

- На дне реки, в двух мешках: голова, руки и ноги – в одном; туловище – в другом, - ответил следователь и теперь уже сам уставился на генерала немигающими, прищуренными, глазами.

От услышанного лицо генерала начало бледнеть.

- Убийцу тоже нашли? – осипшим голосом и едва слышно, промолвил он.

- Так, вашу жену, Валерий Александрович, вы сами и убили. Потом расчленили, сложили всё в мешки и в реку бросили. В «подарок» ей – Матушке, как Стенька Разин. Но река вашего «подарка» не приняла...

Генерал слушал, следователя, молча – не отрицая, но и не соглашаясь с его словами, что несколько беспокоило последнего. – Вот мои неопровержимые доказательства, - в запале продолжал говорить следователь и, открыв свою полевую сумку, достал оттуда пачку фотографий и исписанных листов, небрежно бросил их на журнальный столик, стоявший, как и в служебном кабинете, в его углу.

Генерал спокойно подошёл к столику, сел в кресло и начал рассматривать фотографии. На которых - по детально, было сфотографировано всё то, что было поднято со дна реки: мешки, руки, ноги, туловище... Мельком взглянув на каждую из фотографий, он тут же откладывал её на угол стола.

Фотографию головы рассматривал долго: лицо на фотографии было сильно обезображено, но узнаваемо: «Несомненно, это лицо и голова жены, Сашеньки...», - чуть слышно пробормотал он.

Пока Карелин рассматривал фотографии, принесённые ему следователем, тот, с любопытством, рассматривал его кабинет. Делая вид, что видит всё впервые: Вначале пройдясь вдоль стен просмотрел висевшие на них картины; затем подойдя к книжному шкафу, выборочно начал доставать из разных мест книги, мельком просматривая ставил их на место. Отойдя от книжного шкафа, подошёл к рабочему письменному столу генерала, наклонившись над столом - выдвинул верхний правый ящик.

- О, пистоль! – воскликнул он и, достав из своего кармана матерчатые перчатки, надел их на свои руки. Потом двумя пальцами достал из ящика пистолет, начал рассматривать его, комментируя всё то, что попадало в его поле зрения: «Пистолет марки «ПМ», номер ОГ – 01327. Ваше табельное оружие Валерий Александрович?! Я знал, что он у вас дома и, что лежит именно здесь, - бодро и шутливо сообщил милиционер и, вынув из пистолета обойму – передёрнул затвор,

плавно спустил ударник. – Патроны в обойме все, - продолжал он комментировать свои действия.

Генерал на слова следователя не реагировал: просмотрев фотографии, начал читать исписанные лейтенантом листы...

Лейтенант же продолжал своё дело: закончив манипуляции с пистолетом, положил его сверху, на «столешню» письменного стола; взяв в правую руку снаряжённую обойму, играючи начал «выщёлкивать» из неё патроны в свою левую руку. Когда в обойме остался последний патрон прекратил свою забаву и, многозначительно посмотрев на генерала, положил обойму поверх пистолета. Высвобожденные из обоймы патроны ссыпал в полиэтиленовый пакетик, который положил к себе в карман.

- Ну что, Валерий Александрович, ваша «работа»? Ваша, ваша, - не глядя на Карелина, произнёс следователь. – Генерал-убийца, необычное словосочетание. Необычное, хотя и не единичное. Но в других случаях, в своём большинстве, генералы убийцами становятся с помощью чужих рук. А тут собственными...

Лейтенант говорил а генерал, молча и без возражений, слушал его. Мысленно, как бы поменявшись с ним ролями.

- Сегодня, через час или два, я обязан буду вас арестовать. Вот здесь – в этом конверте, лежат все необходимые документы, с разрешениями и прочее, на ваш арест. Судить вас будут как обыкновенного преступника – убийцу, со всеми вытекающими отсюда последствиями: лишением вас вашего генеральского звания, наград и прочего, и прочего... Но это будет потом, после ареста и суда. Пока же вы ещё генерал-лейтенант и можете совершить действо не позволяющее запятнать честь вашего мундира: застрелитесь Валерий Александрович из вашего табельного оружия, для этого один патрон в обойме я вам оставил. Если вы застрелитесь, то вам гарантируется то, что все эти фотографии и документы расследования будут «похоронены» вместе с вами. Дело будет закрыто, поскольку судить будет некого. Это не моё решение и «предложение», так решило моё и ваше начальство. Я лишь озвучиваю его.

Слушая следователя, генерал распрямил свою спину и откинулся на спинку кресла. Лицо у него было спокойно, глаза смотрели куда-то в одну точку на противоположной стене домашнего кабинета.

- Да хорошо милиция сработала. Оказывается - она может быстро искать, если захочет, - произнёс Карелин не то сам себе, не то лейтенанту.

- Да не в том дело, Валерий Александрович! Просто, ваше дело было очень простое. Можно сказать - лежало на поверхности. Ну посудите сами, когда я закончил писать первый протокол вашего допроса, в служебном вашем кабинете, внутренне я пришёл к выводу, что если ваша жена мертва, то – однозначно, причиной этому являетесь вы. В лучшем случае - вы знаете всё о причине смерти вашей бывшей супруги...

Эти мысли я изложил своему начальнику, который ждал меня тогда в кабинете вашего чекиста: «Мне, во что бы то ни стало необходимо досмотреть генеральскую квартиру. На досмотр потребуется не менее трёх – четырёх часов. Задержите генерала здесь на это время...», - сказал тогда я подполковнику. Чекист с моим начальником, по этому вопросу, пошли тогда к вашему начальнику штаба.

- Так вот почему начальник штаба «ходил» тогда вокруг меня, как кот вокруг сметаны, с заискиванием в глаза мне заглядывал, - с явным презрением к своему начальнику штаба вырвалось у Карелина, когда он начал вспоминать события недельной давности.

- Я с вами не согласен – генерал Парамонов вёл тогда себя достойно. Но мой начальник и ваш чекист всё же «додавили» его, сказав, что это необходимо в ваших же интересах, для исключения версии против вас. А этого – исключить, сами понимаете, нельзя было ни как. Что, в конце-концов, оказалось правильным.

Далее – вы пошли на ужин, а я поехал к вам домой, то есть – сюда. Тут, к слову сказать, у меня возникли проблемы с начальником караула, тем же капитаном, который охраняет ваш генеральский дом и сегодня, он ни за что не согласился подпускать меня к вашему дому, достал пистолет и сказал что будет в меня стрелять если я сделаю хотя бы один шаг, в направление охраняемого им объекта. Пришлось мне назад возвращаться, везти сюда помощника дежурного по гарнизонному караулу.

При начале осмотра вашего дома я почти сразу же обнаружил следы засохшей крови: на колёсиках пианино, в щелочках между паркетом, на ворсе полового покрытия... Хотя засохшей крови было найдено не очень много, но вполне достаточно для того, что бы взять соскобы, достаточные для биохимических анализов.

В общем, по моему предположению – крови на полу было много. Вы её, конечно же, всю убрали. Но не настолько тщательно, чтобы её совершенно нигде не осталось. Последнее характерно для большинства из вас – военных. Поскольку вы кроме службы и гарнизонной жизни, больше ничего не знаете и знать не хотите.

После обнаружения крови, передо мной встал вопрос: куда же делось тело, из которого эта кровь вытекла?

Провёл беглые допросы всех охранников вашего дома. Из всего сказанного солдатами, достойным внимания, на мой взгляд, оказалось одно показание: три дня тому назад, вернее сказать – три ночи, на момент когда я проводил допрос солдат, у вас дома до поздней ночи горел свет. При этом вы куда-то уезжали на своей личной машине. Но, минут через тридцать/сорок вернулись обратно...

Я поделил пополам время вашего отсутствия в доме, получилось пятнадцать/двадцать минут. За это время по нашим дорогам, далее, чем километров на пять/семь уехать невозможно. Мысленно проведя круг вокруг вашего дома, радиусом в пять километров, обнаружил мост через реку. И однозначно решил, что труп лежит на дне реки...

Всё сказанное, я сделал в первый день своей работы по вашему делу.

На второй день, с восходом солнца, я был уже на мосту. Буквально на коленях ползал по нему, искал следы, вернее сказать - улики, оставленные вами. И нашёл! Нашёл то же самое, что и в вашем доме – засохшую кровь: на асфальте, на бордюрах моста, на перилах... Анализ соскобов показал, что всё найденное мной принадлежало одному и тому же человеку. Оставалось одно – найти этого человека или то, что от него осталось.

К концу второго светового дня я вызвал водолазов, которые погрузились в воду, в указанном мной месте – под мостом, и тут же подняли со дна два мешка. Мешки и их содержимое вы видели на фотографиях.

Моё первое предположение, насчёт убийцы, подтвердилось.

В течение третьего дня, кроме всего прочего, я оформил документы на ваш арест. Они здесь, в этом конверте, - сказал лейтенант, повторно сообщив о содержимом, лежавшего нетронутым, конверта с документами. – Ну что, Валерий Александрович, предоставляю вам – отведённые, полчаса. Решайте свою дальнейшую судьбу сами, - промолвил следователь и, после некоторого обоюдного молчания, развернувшись в сторону двери, медленно вышел из кабинета. Выйдя в коридор, плотно прикрыл за собой дверь. Из коридора прошёл в залу. Подойдя к серванту, повернул торчавший в замке ключ и обычным движением руки, как у себя дома, достал лежавший на дне нижнего отделения бара семейный фотоальбом генерала, который обнаружил здесь ещё в прошлое, тайное своё посещение дома. Но тогда внимательно просмотреть альбом, у него не было времени. Теперь же время появилось, целых тридцать минут.

Взяв альбом лейтенант прошёл к креслу, сел в него и взглянув на часы перевернул обложку.

На первом листе альбома было приклеено несколько старых фотографий, одна из которых явно была семейная. Следователь внимательно начал рассматривать каждого человека изображённого на фотографии.

- Обычная, послевоенная, рабочая семья, - отметил он про себя. – Это отец, это мать, а это четверо их детей. Старший сын, пожалуй, и есть будущий генерал. Да, это он! И в детстве, в его взгляде уже чувствуется что-то генеральское.

А вот он уже курсант – артиллерист, вернее – ракетчик, - уточнил он сам себя. После чего – внимательно рассматривая различные курсантские фотографии, перевернул несколько листов фотоальбома.

А вот он уже лейтенант. А вот и свадебные фотографии. Молодожёны – она улыбается, явно счастлива и очень хороша. Умеют всё же молодые армейские лейтенанты жён себе выбирать, льнут они к ним - как пчёлы на мёд, что ли? – с какой-то тоской подумал он.

А вот он уже капитан, а вот майор, вот полковник. А вот и генерал уже.

А вот их семейная генеральская фотография: он, она и двое их сыновей. Старший из сыновей офицер, по отцовским стопам пошёл, - отметил следователь, взглянув на петлицы молодого офицера, изображённого на фотографии. – Лица у генерала и генеральши уже не пышут тем счастьем, которое явно просматривалось на свадебной. Даже, они не то что бы строгие а сердитые... Нет – злые! Как будто бы перед тем, как сфотографироваться, они крепко поругались между собой. И чего им не хватало? – подумалось следователю. – И всё равно, и в гневе, она хороша собой. И почему он убил её, такую красивую? – вновь подумал он и посмотрел на свои часы.

- О-о! Уже двадцать пять минут прошло, а выстрела не было! Но осталось ещё пять минут и, каких?!: Самых последних и самых тягостных!..

Интересно, о чём он там сейчас думает? Наверное, все дни своей жизни перебрал. Да, пожалуй, что и не единожды? Говорят, что когда жизнь обрывается, достаточно одного мгновения, что бы всю прожитую жизнь «прокрутить» от первого до последнего дня. А тут, сколько таких мгновений прошло - целая вечность!

...Далее, бегло просматривая фотографии, следователь быстро перевернул несколько последних листов альбома и закрыв его поднялся из кресла. Подойдя к серванту, положил альбом на прежнее своё место. Затем подойдя к окну, посмотрел, через него, на улицу.

- Да, несмотря на то, что генеральский дом хорош собой - жить здесь, я, пожалуй, не согласился бы, - подумал лейтенант. – Стоит особняком - за высоким забором, тоскливо и угрюмо. Словно тюрьма, здесь можно и с ума сойти, - подумав так, лейтенант взглянул на часы.

– Ещё десять минут прошло, перебор, а выстрела не было. Значит, уже и не будет, - решил он и пошёл в сторону кабинета. Открыв дверь, на некоторое время задержался в проёме двери, беглым взглядом прошёлся по кабинету.

- Ничего не изменилось, всё на прежних местах, к пистолету никто не притрагивался. Генерал сидит в кресле всё в той же позе – откинувшись на его спинку, глаза у него закрыты. Может, он спит и, забыл, зачем ему были предоставлены эти тридцать пять минут одиночества?

Ну что, Валерий Александрович, кишка у вас тонка - не можете себя?.. Жену проще было убивать, рука поднялась! А на себя - не поднимается: жалко или страшно?

- Не в этом дело: могу, но не хочу! – ответил генерал и, открыв глаза, повернул свою голову в сторону следователя. – Понимаешь, если бы мне такое условие было поставлено в боевой обстановке. Ну, скажем: я проиграл бы какое-то сражение или ещё что-то в этом роде. То тогда, ни на секунду не задумываясь, пустил бы себе пулю в лоб. Скажем, как генерал-полковник Кирпонос - под Киевом, в 1941 году; либо кто-то другой, в аналогичной ситуации.

Пожалуй, застрелился бы я если бы вы не «раскрутили» этого дела... То есть – в одиночку, я не смог бы вынести всей этой тяжести. А признаться кому-либо в этом, я не смог бы. И тогда, где-нибудь через месяц, или через полгода...я всё равно бы застрелился.

А сегодня, когда ты разобрался во всём (генерал - впервые, за всё время знакомства с лейтенантом, назвал его на «ты», видимо этим он говорил ему о том, что теперь они на равных – оба «лейтенанты» без генералов), стреляться я не буду. Не хочу! Понимаешь, самое страшное для меня во всём этом «громком» моём деле, это - огласка. Её страшился я больше всего, а теперь когда об этом все знают, поскольку в гарнизонах у нас житейскую тайну удержать невозможно, нет во мне уже того страха. Поэтому, теперь мне и суд праведный уже не страшен.

Мы с Сашенькой всегда жили очень сложной жизнью. И сложность эта заключалась не в том, что мы постоянно переезжали с одного места на другое. Нет! Сложными были наши взаимоотношения между собой: постоянно ругались, постоянно у неё были ко мне какие-то претензии.

Постоянно она меня в чём-то обвиняла: то обвиняла меня в супружеской неверности; то ругала моих родителей и родственников, брата, сестёр...

В общем – всё, что во мне было – всё было плохо. Как у ягнёнка, когда его обвинял волк. Помнишь, в басне, у Крылова?.. – сказав про ягнёнка, генерал перевёл дыхание и внимательным взглядом посмотрел на следователя, как бы спрашивая его нужно ли рассказывать дальше?

Следователь, поняв, что генерал «разговорился» и разговор его будет долгим - сел в кресло, стоявшее напротив хозяйского: молча и внимательно слушал признательные показания своего «клиента», при этом взгляд его был направлен куда-то в пол. По всему было видно, что ему интересно то о чём говорил генерал.

- Познакомился я с Сашенькой, - продолжал генерал, - на новогодней вечеринке у своего друга. Она была его родственницей - двоюродной сестрой, мы с ней были сверстниками - учились в девятом классе, но в разных школах. Раньше я её не знал. А тут, как только увидел, сразу же влюбился. Она была хороша собой. Очень хороша! Одета с иголочки, по сравнению со мной. Я ведь происхождения рабоче-крестьянского, а она - директорская дочь. Отец у неё работал тогда директором одного из самых крупных предприятий в городе.

Директорская дочь гордилась своим положением и держалась на уровне ко-

торый находился значительно выше моего, несла себя надменно и первое время на меня смотрела свысока. В школе училась она на одни пятёрки, круглой отличницей была. А, я, так себе - средний ученик, как большинство из нас, пацанов.

Не для какой-то защиты и не ради каких-то выгораживаний себя, а для более полного и правильного понимания становления наших взаимоотношений, скажу, что учиться хорошо в школе мне некогда было, спортом занимался: боксом, в хоккей играл, на лыжах бегал...

Хоккей отнимал много времени не столько на игру, сколько на очистку катка от снега и прочее.

Бокс, по две-три тренировки каждую неделю, потом – соревнования...

Да и, честно говоря, почему-то не было у меня тогда должного интереса к учёбе.

Учась в десятом классе, получил я первый спортивный разряд по боксу. Для школьника это, сам понимаешь, очень даже не плохо.

Парнем я был крепкого телосложения, и челюсть свернуть мог любому своему сверстнику. Последнее, Сашеньке нравилось и она ходила на все мои соревнования того времени, бурно реагировала на все мои победы, радовалась и громко хлопала в ладоши когда я отправлял кого-нибудь в нокаут. Особенно хорошо получался у меня удар снизу – «крюком», в солнечное сплетение. Я делал шаг на встречу сопернику и бил... Если удар получался, то пробивал любую защиту. Во всяком случае, редко кто оставался на ногах после моего хорошего удара.

Дружили мы с Сашенькой чисто по товарищески и очень хорошо. В школе учиться – я, лучше, начал. Она мне помогала. Не скажу, что мы садились где-то за стол и занимались. Нет! Просто идём где-нибудь по улице и начинаем разбирать ту или другую проходимые темы, задачи на снегу решали...

В общем, когда школу закончили: я поехал поступать в военное училище, она в технический институт. Оба поступили. К слову сказать, когда я ей впервые сказал о том, что собираюсь посвятить себя армии, она «завозражала», но потом смирилась с моим выбором.

В том, что поступлю в военное училище, никогда не сомневался. И не то чтобы, что был самоуверенным, нет! Просто у меня чувство такое было - знал с рождения, что армия моё призвание. Тогда уже – шутя, говорил, что армия создана для меня, а я для армии. Так оно, в моей жизни и вышло.

Перед тем как расстаться, вернее, сказать – разъехаться по разным городам, я ей сказал, что бы она меня ждала. И ещё сказал, что когда окончу военное училище – мы поженимся...

Она пообещала, что будет ждать меня и, слово своё держала: каждую неделю присылала мне своё письмо, а то и не одно; я, в долгу не оставался... И так, в течение всех лет моей учёбы. Приличный роман по нашим письмам написать можно.

Она в институт поступила, но учёба там у неё как-то не пошла: В первый год учёбы – заболела, академический отпуск взяла. Потом ещё что-то у неё случилось? Словом, когда я окончил военное училище, её учёба зависала где-то на уровне первого или второго курсов.

Как я и обещал – мы поженились.

- Ну а как моё дальнейшее образование? – наивно спросила она меня перед нашей свадьбой.

- Я тебя люблю и мне не важно, есть у тебя диплом или нет. Жизнь у нас с тобой будет «чемоданная» и гарнизонная. А там – в гарнизонах, работу по твоей, сугубо технической, специальности, ты всё равно никогда не найдёшь, - ответил я ей тогда. И больше к вопросу её образования мы никогда не возвращались. Сама она почему-то дальше учиться не хотела.

В общем – увёз я её. И поехали мы с ней, по точкам... Больше двух лет, на одном месте, нигде не задерживались. За первые восемь лет, моей офицерской службы, сменили мы шесть мест.

Скажу без хвастовства – служба моя шла хорошо. Не то, чтобы я был очень способным и хватал всё на лету. Нет! Я по природе своей, как и отец мой, умею видеть в деле главное, стержень; и основную свою энергию сосредотачиваю именно на этом, и это очень важно. И - именно это, не оставалось незамеченным моими командирами, меня начали продвигать по службе. На шестом году своей офицерской службы стал я уже майором, командиром... Потом - учёба в академии, в столице; потом ещё в одной...

Ругаться с Сашенькой мы начали, можно сказать - с первого дня нашей супружеской жизни: ломали друг друга, с первого дня каждый хотел быть в семье главным.

А как любили друг друга, когда дружили!.. Не понимаю, почему так плохо у нас семейная жизнь складывалась?

Когда я в академии учился, она мне такие «концерты» закатывала, что зачастую и не до учёбы бывало: каждый день ругань, каждый день истерика – ревность. Ревновала она меня хоть к кому, достаточно мне было взглянуть на какую-то другую женщину – всё, вывод сделан. С годами у меня даже привычка выработалась – на женщин открыто не смотрю, всегда глаза отвожу в сторону или в землю. В общем - тогда, решил я разводиться с ней. Но как только об этом узнал начальник моего курса, сразу же поставил мне условие: разводишься – из академии исключаем, за «бытовуху»...

Не решился я на развод. И не то чтобы подействовала на меня угроза, нет – не мог я её бросить, всё же - любил я её...

А дальше по жизни как-то так пошло, что как только «созрею» я для развода с ней, мне предлагают перевод с повышением по службе...

В её глазах это виделось так, словно свою военную карьеру я строю только на намерениях разводиться с ней. Позднее, она мне прямо так и говорила: «Сраный» ты генерал: моими стараниями, моим терпением...лампасы на себя нацепил!» - Служил – я, учился – я, а заслуги – её?!

Хотя, в чём-то, я с её позицией согласен, поскольку не на последнем месте «стоит» жена в жизни любого мужика; а уж у военного, тем более!

Так и дожили мы с ней до самого последнего нашего дня, нашего последнего утра. Поднялся я как всегда в шесть часов: Умылся, побрился,,начал на службу собираться...

Тут и она поднялась – ходит за мной следом и ругает на чём свет стоит: гад, подлец, сволочь, мерзавец... Потом встала напротив меня, подбоченилась – язык свой вывалила как собака и отрывисто задышала... Таким образом, она унижала меня - изображая кобелём, который бегает то к одной, то к другой своей сучке с вываленным языком...

Тут во мне такая злость на неё появилась, даже, наверное – ненависть, как к самому злейшему своему врагу, что я не смог удержаться, чтобы не ударить её. Никогда такого со мной не бывало и, никогда её даже пальцем не трогал. А тут представь: надел я на ноги свои туфли, разгибаюсь, а она на расстоянии полутора метров от меня стоит – «вывалила» чуть ли не до колен свой язык, отрывисто дышит и своей слюной мне в лицо брызжет...

Я в беспамятстве сделал один шаг ей навстречу и старым своим, отработанным ударом – «крюком», снизу-вверх – ударил её кулаком в солнечное сплетение...

Удар получился очень сильным. У неё ноги от пола оторвались, и она полетела в залу, спиной вперёд. Она явно испугалась произошедшего: глаза её округлились, руки обмякли и раскинулись в разные стороны, вид стал жалким и беззащитным...

Теперь и, наверное, всю свою оставшуюся жизнь, я буду думать, и гадать – чего же она добивалась? Именно этого, сознательно? Или ещё чего-то – того, что узнать, мне уже не дано...

...Вся наша совместная жизнь с Сашенькой была схваткой, смертельной схваткой – не на жизнь, а на смерть. Она считала, что имеет право безгранично повелевать мной. Потому, что в армейской офицерской среде - в шутку, живёт поверие, что жена любого офицера на один ранг (или одно воинское звание) выше своего мужа... К тому же, моя жена считала ещё и то, что своими руками «сделала» меня из какой-то «придорожной грязи»... Поэтому и должен был безгранично ей подчиняться. А коль безгранично не подчинялся, то, видимо, не имел права на жизнь. Следовательно, кто-то из нас должен был умереть! Она должна была убить меня, или я её.

Получилось второе.

Она смерти мне хотела, сознательно или подсознательно, но – хотела! Оттого и умерла сама.

Я не хотел ей смерти, убивать её не собирался... Поэтому, буду жить!

Именно сейчас - в отведённые мне тобой тридцать минут, я и решил, что буду жить. Буду жить так – как мне придётся, как распорядится дальнейшей моей жизнью моя судьба, понесу положенную мне кару...

А тогда, после того как я ударил её, я слышал, что при падении она обо что-то ударилась. Слышал, но броситься к ней на помощь не смог: слишком велики во мне были, в тот момент, злоба и ненависть к ней; одёрнул на себе рубашку, надел на голову фуражку и, захлопнув за собой дверь, вышел на улицу; сел в служебную машину, ожидавшую меня около подъезда, и уехал на службу.

Обычно, когда я появлялся в своём служебном кабинете, она мне звонила из дома – контролировала меня, так сказать. А тут – молчит! Часа через три, отойдя от своего «бешенства», я сам позвонил домой – телефон не ответил. Через час, позвонил снова – то же самое...

- Умотала, наверное, куда-нибудь, - подумал я тогда. Бывало такое у нас не единожды: Поругаемся крепко с утра – я на службу, а она – ребятишек соберёт, такси вызовет, и - в аэропорт... Первым попутным рейсом улетит к родителям. Месяц, два, три – живёт у них; один раз полгода ко мне не заявлялась. Потом - телеграмма: «Вылетаем таким-то рейсом, тогда-то, встречай – Саша».

Еду в аэропорт, встречаю. По приезду, недели две-три, а то и месяц-два – живём как голубки. Потом всё сначала...

Как-то, я ей сказал, что она испорченная армией женщина. Моя мать – всегда, поднималась – минимум, на один час раньше отца: готовила ему завтрак, собирала и провожала его на работу. Потом встречала с работы, кормила ужином... И – так, всю свою жизнь! У тебя же таких забот никогда не было: завтраком, обедом и ужином меня всегда кормили в офицерской столовой, на службе; а это ведь большое дело для тебя...

- Твоя мать - для меня, не пример, - зло ответила мне она.

Директорская дочь стала генеральшей, в худшем понимании этого слова.

...А в тот вечер - приезжаю я со службы, захожу домой – прохожу в залу: она лежит на полу в луже собственной крови, кое-где уже засохшей.

Подошёл я к ней, нагнулся и рукой дотронулся, она уже холодная...

Дома у нас никого не было, да и быть не могло: сыновья наши выросли и, как птенцы, улетели от нас ещё до того как мы сюда приехали. Поэтому здесь в этом генеральском особняке мы жили вдвоём. Друзей у нас никого не было, да и какие друзья, если в любой обстановке ругань. Поэтому – последнее время, если я и отмечал какие-то праздники (в том числе и личные), или принимал участие в каких-то торжествах, то – только на службе, в кругу своих заместителей и командиров подчинённых мне воинских частей.

Особняк этот, построил здесь, кто-то из моих предшественников. Он полностью государственный и всё здесь государственное. Сегодня я его освобожу, а завтра, или послезавтра сюда вселится вновь назначенный командир.

...Больная она – на голову, или психически, наверное, была. Предлагал я ей как-то, по-хорошему, провериться у врачей, специалистов в этой области. Сам понимаешь, возможности обследовать её у меня были и хорошие. Полечилась бы... Но куда там: «Ты сам больной на голову, вот и иди – лечись...» - ответила она.

Вот так и дожил я, до этого своего дня, - закончил свою исповедь Карелин.

- Ну а дальше-то, тогда – в день «убийства», что было? – спросил молчавший до сих пор следователь.

- Дальше? Дальше, ум у меня помутился. Я, откровенно говоря – растерялся, не знал, что делать. Вначале, была мысль – заявить и сознаться во всём произошедшем. Но, всё же не хватило во мне смелости на это, струсил я. Трусость, видимо, в каждом человеке живёт... Решил скрыть! Но куда деть труп?: Хотел вначале замотать её в покрывало и увезти куда-нибудь, закопать где-нибудь. Но она была крупная женщина и без посторонней помощи я не смог бы обойтись. А кого позовёшь себе в помощники?..

Тогда и решил я, разрубить её на части...

Затылочная часть головы у неё разбита была, при падении ударилась она головой о угол пианино, смерть наступила или от этого удара или от потери крови... Фу-у, не могу больше, - сказал Карелин и поднявшись со своего места, подошёл к скрытому в стене сейфу, открыв его достал бутылку коньяка и бокал. – Выпьешь со мной? – спросил он следователя.

- Нет, на службе не пью, - ответил тот.

- Молодец, а я выпью, - ответил Карелин и налил коньяк в бокал, до краёв. Немного постояв молча, поднёс бокал ко рту и, как воду, большими глотками выпил его содержимое. После этого поставил бутылку и бокал обратно в сейф, извлёк оттуда же плитку шоколада и отломив от неё несколько долек положил их в рот. После этого, молча постояв какое-то время без каких-либо движений и действий, вновь достал из сейфа бутылку и бокал – повторил, только что совершённое...

Следователь, поняв, что на сегодня «разговор», между ним – лейтенантом милиции и бывшим армейским генерал-лейтенантом, окончен. Поднявшись со своего места, вышел в коридор – оставив открытой дверь домашнего кабинета, подошёл к входной двери и отворив её громко крикнул: «Сержант, уведите арестованного...»

Плата за любовь

Рассказ.

В десятом классе Женьке Плакучину казалось, что, сколько он себя помнил, столько и любил свою одноклассницу Татьяну Глазьеву. Одноклассники над ним подсмеивались: «Сколько ни смотри Евгений Онегин на свою - Татьяну Ларину, всё равно она уйдёт от тебя или «уведут» её...»

- Не уведут! – самоуверенно отвечал Женька. Но сам в реальность своих слов верил с трудом. Да и как ему было быть уверенным в своих словах, если Татьяна никаких обещаний, никаких намёков на перспективы их отношений ему не давала. Даже, наоборот, зная о том, что она Женьке нравится, откровенно игнорировала его, если не сказать - издевалась...

Однажды, ещё в пятом или в шестом классе, Женька набрался смелости и написал Татьяне записку, в которой признался ей, что любит её с первого класса, когда они начали учиться вместе в одном классе в школе, и хочет с ней дружить. Татьяна, прочитав записку, изорвала её на мелкие кусочки и ужасно рассердилась на него: при всём классе она отодрала Женьку за уши, да так сильно, что он мысленно простился тогда со своими ушами.

С ушами простился, а сопротивляться своей возлюбленной он не мог.

- Ах ты, Женяка-чертяка, троечник неисправимый - дружить со мной захотел? На тебе, на тебе, - выговаривала она ему, тряся его голову, за его же уши, как грязную бутылку с водой, когда её моют.

Словом, отвела она тогда на нём свою душу сполна, да так, что это показалось неприличным и жестоким классному руководителю. На очередном родительском собрании учительница высказала свои опасения по поводу поведения дочери Татьяниной матери, оценивая его как из рук вон выходящий случай, позорящий не только девочек и весь их класс, но и всю школу.

С того злополучного дня воды в реках утекло много, но Женька помнил его очень хорошо и подходить к своей возлюбленной не то чтобы не мог, а просто-напросто боялся. Но чувства его к Татьяне нисколько не уменьшились, даже наоборот - многократно выросли.

Татьяну Женькины чувства к ней не тревожили и не интересовали, их положительное развитие её не устраивало. Она полная отличница, первая ученица и активистка школы, точно знала, что после окончания школы их дороги с Женькой разойдутся в разные стороны. Она пойдёт учиться дальше, а - он? Он пусть идёт, куда хочет! За ней же угнаться он, конечно же, не сможет.

Но «жизнь прожить - не поле перейти», гласит старая русская пословица. Поэтому, наверное, жизнь не только у Татьяны, но и у всех её одноклассников и одноклассниц сложилась совершенно не так, как думалось им при окончании школы. Когда их класс и вся школа праздновали день окончания школы и не успели ещё затихнуть звуки прощального школьного вальса, по земле понеслось известие о начале войны. Отчего все мечты и думы Женькиных и Татьяниных одноклассников были скомканы и свалены в одну кучу до лучших дней и времён.

В первый же месяц после начала войны почти всех парней, выпускников десятых классов школы, призвали в армию и отправили кого куда... Не обошла эта участь и Евгения, который параллельно с учёбой в школе учился ещё и в аэроклубе, летал уже самостоятельно на самолёте «У-2». Отчего ему думалось, что его направят в лётное училище, поскольку, как он считал, был уже почти готовый лётчик. Но и с ним жизнь распорядилась по-своему: его, как человека, имеющего среднее образование, действительно, отправили в военное училище, но - в пехотное. И как ему этого ни хотелось, как он не сопротивлялся этому - деваться было некуда, война есть война...

Но и в пехотном училище долго учиться бывшему «лётчику» не пришлось - едва окончил он первый курс, всё их училище подняли по тревоге из-за парт и отправили на фронт рядовыми пехотинцами...

Многие новые Женькины друзья, однокашники по учёбе в военном училище, в первых же своих боях погибли. А Женьку смерть не брала, обходила стороной. Но на долгое жительство на фронте никто не застрахован. Женька провоевал почти год, когда пуля-дура зацепила его. Получив челюстно-лицевое ранение, он попал в военный госпиталь. А по излечению его перераспределили в кавалерию... В составе которой он участвовал в боях за освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков, а после освобождения территории всю их воинскую часть так там и оставили для выкуривания бандеровцев и всяких прочих недобитых фашистских прихвостней...

Эта новая война видавшему виды Евгению виделась как более жестокая, опасная, страшная, ночная и тайная... Никто не знал на этой войне, где находится враг, появлявшийся в любое время и с любой стороны. В том числе и из-под земли. Каждый солдат, участвовавший в этой войне, всегда ждал от врага удар ножа в спину из-за угла или в каком-то нелюдном месте. Чего только ни повидал Евгений тогда на Украине, много потерял он и здесь своих друзей однополчан - застреленными, зарезанными и удушенными всевозможными удавками. Столько здесь он страха натерпелся, что этого с лихвой хватило бы не на один десяток жизней, а ему всё это одному досталось.

Но и из этой «мясорубки» судьба вынесла его живым и невредимым.

Прослужив чуть более семи лет срочной службы, в общей сложности, наконец-то и он был демобилизован с воинской службы из армии и вернулся домой.

Из парней, его одноклассников, в живых не осталось почти ни кого. Во всяком случае, здоровым вернулся с войны только он один. Трое из бывших одноклассников вернулись калеками. Всех остальных война «съела».

С Татьяной за всё время своей военной службы Евгений не переписывался и ничего о ней не знал, хотя только о ней там... и думал.

- Где она, и что с ней? – постоянно задавал он сам себе один и тот же вопрос, но ответа на него нигде не находил. А из писем почти неграмотных родителей узнать чего-либо практически было невозможно. Да, вообще-то, у своих родителей о своей возлюбленной Евгений и не спрашивал.

Теперь же, вернувшись с войны, он сразу же навёл справки по интересовавшему его объекту.

Однажды, давным-давно, перед самым окончанием школы, одна из его одноклассниц по секрету сказала ему, что Татьяна по уши влюблена в другого парня, учившегося в параллельном классе, и что у Женьки шансов в отношении её практически нет никаких. Но тот – другой, погиб на фронте. Думая об этом, Евгений твёрдо был убеждён, что даже останься тот живым, то Евгений всё равно бы без боя Татьяну не уступил. А коль уж жизнь распорядилась так как есть, следовательно, и сам бог велит ему встретиться с девушкой.

У Татьяны в жизни тоже всё сложилось не так, как ей грезилось перед окончанием школы: С началом войны отца её повторно призвали в армию, он воевал на фронте, был ранен, лежал в госпитале.

После ухода отца на войну её мать сильно заболела, поэтому ей вместо поступления на учёбу в институт, пришлось поступить на работу на один из эвакуированных заводов, работала там вначале учётчиком, а затем и бухгалтером, фактически не имея никакого специального образования, поскольку и так считалась грамотной.

На заводе Татьяна проработала почти до самого окончания войны, точнее - до того времени, пока не вернулся с войны по ранению её отец, фактически сменивший свою дочь на её рабочем месте. После чего Татьяна поступила на учёбу в один из эвакуированных в их город институтов.

На тот момент, когда судьбой предопределено было вновь встретиться Евгению и Татьяне, девушка училась уже на предпоследнем курсе. Евгений начал «подбивать к ней клинья» и после нескольких свиданий, осмелев на войне, завёл разговор о давней своей любви к ней.

Татьяна на его воспоминания прореагировала всё в том же старом духе – окатила его «ледяной водой». Единственно, чего она себе не позволила, так это отодрать за уши.

- Замуж за тебя я пойду только в том случае, если ты поступишь и будешь учиться в институте, - ответила она, как всегда, в категоричной форме.

- Танечка, да мне ведь уже двадцать шесть лет, куда же мне учиться-то? К тому же, всё то, чему нас учили когда-то в школе, за годы войны я позабыл, – взмолился Евгений, уговаривая её выйти за себя замуж.

Но Татьяна в своих условиях была неумолима.

- Поступай учиться на заочное отделение, а потом и о женитьбе поговорим, - однозначно ответила она.

Вернувшись в тот вечер в отцовский дом, Евгений долго ходил по своей комнате, недовольно фыркал и чесал затылок.

- Что же мне делать, что же мне делать? – повторял он один и тот же вопрос как заклинание. – Может, отступиться от неё? Девчонок-то вон сколько понаросло в округе за время войны. И помоложе её есть, и, может быть, даже и не хуже. Может, и действительно отступиться, а? Пусть выходит замуж за какого-нибудь учёного старичка или инвалида и живёт себе счастливо, - зло думал Евгений. Но тут же отгонял от себя одолевавшие его мысли.

- Нет, отступиться я не могу, слишком долго и сильно её любил и люблю. И если я женюсь на другой, то потом, в дальнейшей своей жизни, я не смогу простить себе этого поступка. Значит, остаётся одно – поступать учиться! А куда?.. – долго спрашивал он сам себя, завалившись в свою кровать, и как-то незаметно для себя заснул.

Утром, когда проснулся и открыл глаза, то как-то так случилось, что ответ на безответный вчерашний свой вопрос открылся ему сам собой.

- Пойду учиться на художника! – однозначно решил Евгений. Поскольку рисованием он увлекался, ещё учась в школе. Но тогда его художественной тематикой было лишь небо и самолёты. На фронте, в перерывах между боями и когда лежал в госпитале, когда на него накатывались тоска и грусть, он машинально брал карандаш и на клочке бумаги что-нибудь рисовал. Чаще всего его рука сама собой выводила Татьянин профиль. Иногда рисовал родные и милые его сердцу пейзажи, пробовал рисовать и с натуры: цветущие украинские сады и портреты своих друзей, солдат. Затем раздаривал рисунки всем тем, кому они нравились, или если кто-то из его товарищей находил его рисункам какое-то иное применение, к примеру, многие отправляли его рисунки в письмах своим родным и любимым девушкам.

В институт он поступил без каких-либо трудностей – фронтовиков, имевших среднее образование, принимали туда почти без экзаменов. А если и приходилось им сдавать какие-то экзамены, то это делалось чисто формально, на уровне собеседования на заданную тему... Собственно говоря, его экзаменами были несколько собеседований с экзаменаторами по представленным им, сделанным на скорую руку нескольким его рисункам по установленным правилам.

Ровно через два месяца, после его зачисления в ВУЗ, он наконец-то женился на своей любимой Татьяне.

Когда Татьяна вышла на защиту своего диплома, у неё родился ребёнок. Но, несмотря на возникшие трудности, связанные с родами и прочим, институт она окончила вместе со всеми остальными своими сокурсниками и на «отлично», получила красный диплом. Все её преподаватели удивлялись её способностям, упорству и трудолюбию.

- Из вас, Танечка, получится отличный инженер. Но вы способны сделать и большие научные открытия, как, например, Мария Складовская-Кюри. Только, пожалуйста, не останавливайтесь на достигнутом и дальше учитесь, не обращая внимания на возникающие жизненные трудности, - сказал Татьяне руководитель её дипломного проекта после блестящей защиты.

Улыбающаяся и счастливая Татьяна согласно и с благодарностью кивала в ответ головой, соглашалась со всеми поздравлявшими, обещала и дальше так же держать. Вместе с дипломом Татьяна получила и распределение в научно-исследовательский институт регионального центра.

Евгений поехал вслед за женой по её распределению. Татьяна работала в исследовательском институте, Евгений учительствовал в школе - преподавал рисование и продолжал учёбу в институте.

Через год после окончания ВУЗа Татьяна родила второго ребёнка, а ещё через год и третьего. Трое маленьких детей и муж - студент, это для одной молодой семьи большая и невыносимая ноша. Материальное положение в их семье стало невыносимым, к тому же и физические силы у молодой мамаши истощились до критического уровня.

- Поедем жить к моим родителям, - сообщила Татьяна своё решение мужу. Она, как и раньше, в семье главенствовала, и её слово было решающим. – Иначе мы здесь с голода умрём все. У родителей какое-никакое хозяйство есть: корова, огород. Переживём трудные времена, а там видно будет.

Перечить жене Евгений не стал, к тому же и сам он уже подумывал о том, что их большой семье в маленькой городской квартирке не прожить, надо «спускаться» на землю.

Рассчитавшись с работы, они вернулись в свой родной город, в сельскую местность, в частный дом Татьяниных родителей.

- Немного из нужды выберемся, ребятишки подрастут, и назад уедем, - успокаивая себя и оправдывая необходимость переезда, говорили они друг другу.

Но их думам и мечтам было не суждено сбыться. Окончив ВУЗ, Евгений ещё какое-

то время учительствовал в школе, потом перешёл работать в художественную студию, начал работать художником-оформителем на нескольких предприятиях одновременно. Своим трудом, как говорится - семье на хлеб он зарабатывал. К тому же, в свободное время занимался домашним деревенским хозяйством. Точнее - помогал любимой жене заниматься им. Она, управляясь с домашней живностью - доила, поила, кормила, провожала и встречала корову. Он, помогая ей, носил, возил, косил.

Домашняя работа Евгению была не по душе. Хотя он с рождения был деревенским парнем. Особенно отвратительными становились для него все домашние дела, когда над ним подсмеивалась Татьяна или её отец.

- Женя, да тебе окромя вил да топора в руки давать больше ничего нельзя, поскольку ты ничегошеньки делать не умеешь и всё только ломаешь, - улыбаясь и как бы шутя, говорил ему тесть.

От таких шуток желание что-либо делать по дому у Евгения пропадало совсем. Но, пересиливая себя, он продолжал делать всё, что ему полагалось.

Подросли дети, в жизни всё начало налаживаться, теперь сняться с насиженного места и снова двинуться в какой-то новый неизвестный и дальний путь им стало уже страшно. К тому же, постепенно они привыкли к укладу своей жизни. Повседневная жизнь их стала устраивать, поэтому менять что-либо в ней им уже и не хотелось.

Похоронив родителей жены, чему-то научившись у них, теперь уже самостоятельно Евгений начал управляться в оставленном в наследство их домашнем хозяйстве. Так потихоньку и незаметно для самого себя, Евгений и сам дожил, и доработал до пенсионного возраста.

- Теперь будешь дома сидеть, - сказала ему жена, когда он вышел на пенсию.

- Сидеть, так сидеть! Теперь отдохну, сведу все свои мозоли на ногах, которые нажил на войне.

- Когда от фрицев драпали, - шутя, уточнила жена.

- И драпали, и наступали. Солдатским ногам всё равно - в какую сторону ни иди, мозоли одинаково натираются, - беззлобно ответил он.

Хотя и стал он теперь официально отдыхать, спокойная жизнь ему только снилась, сидеть было некогда. Разросшееся домашнее хозяйство мычало, визжало, блеяло и кукарекало. Всех нужно было кормить, поить, навоз убирать. Словом, работать ему теперь приходилось ещё больше, чем раньше, и никаких просветов в своей жизни он не видел. Да, в общем-то, наверное, и не хотел видеть; свою жизнь по-другому он уже не представлял.

- Видимо, так мне на роду написано, - изредка задумываясь, говорил он сам себе.

Как-то по осени одетый в привычную уже для себя домашнюю рабочую одежду, ведя в руках свой велосипед, гружённый мешками с травой, он услышал окрик давнего своего знакомого и соседа Кольки Блюдина:

- Евгений Романович! Можно тебя на минутку? Подойди ко мне.

Колька всегда называл Евгения по имени и отчеству.

- Я давно хочу спросить тебя, но всё как-то не решаюсь. Позволишь? – ухмыляясь, спросил он.

Евгений знал Кольку с раннего его детства, тот лет на шесть-семь был моложе его. Оттого на войне не был, в армии по какой-то причине тоже не служил, рос без отца, со своей матерью, в большой бедности. В детстве ходил в старенькой телогрейке, поблёскивая под носом соплями. Тогда, в детстве ещё, Евгению казалось, что Колькина телогрейка росла вместе с ним, как панцирь на черепахе. В холодную погоду Колька натягивал на свою голову шапку-ушанку, такую же старенькую, как и телогрейка. Вязок на шапке никогда не бывало, отчего, когда теплело, он подворачивал её вверх, а её «уши», свернув в трубочки, подсовывал под загиб шапки. Вскоре «уши» шапки высвобождались из своего зацепления и свисали в обе стороны, как настоящие уши у старого зайца или кролика, при ходьбе уши качались в такт его шагов.

С раннего детства Колька пас какую-нибудь животину: гусей, овец, коров. Потом, обучившись рабочей специальности, начал работать на заводе. Таким образом, он, как и Евгений, дожив до своего пенсионного возраста, стал пенсионером. Семья у Кольки была маленькая, поэтому большого домашнего хозяйства он не разводил, помаленьку подрабатывал на производстве, отчего свободное время у него бывало, в которое он, что называется - сидел дома: покуривал, попивал.

- Послушай, Евгений Р-ро-манович, - сказал Колька заплетающимся языком, видимо, находясь в обычном для себя подпитии, - я всю свою жизнь наблюдаю за тобой. Не подсматриваю, а наблюдаю за твоей жизнью и дивлюсь переменам, которые с тобой постоянно происходят. Суди сам: ещё до войны ты окончил десятилетку. После войны - институт. Ходил в галстуке, посещал театры. Всей семьёй вы катались на лыжах, на коньках. Я считал это, как само собой разумеющееся: культурные люди и должны жить культурно.

Теперь по логике вещей, ты должен был бы всё так же ходить в белой рубашке и ездить в белой машине. Ты, как и я, а может быть и хуже, ходишь в стареньком, измазанном коровьим дерьмом пиджачишке и рассекаешь по бездорожью на своём стареньком велосипедишке...

Отчего так случилось? Почему ты взялся за дело, которое должен был бы делать я: неуч, прошедший два класса и коридор, почему? – спросил Колька, попыхивая дымком папиросы. И засмеявшись, посмотрел Евгению прямо в глаза.

Евгения от услышанного перекосило.

- Не твоего ума это дело, - сердито буркнул он Кольке и, взявшись обеими руками за велосипедный руль, пошёл в свою сторону, на ходу думая о сути слов и мысли, сказанных ему Колькой.

- Такого красноречия от него я никогда не ожидал, всегда считал его человеком небольшого ума. А как он поддел меня, как он смог рассмотреть своими вечно пьяными глазами то, о чём я и сам так много раз думал? Думал, что я художник, умеющий держать в своих руках кисть и карандаш, имеющий природный дар. Но так ничего стоящего и не сделавший за свою жизнь, ничего после себя не оставивший. Другие создают, даже те, у которых, как казалось, и данных-то никаких не было. А я, ничего! Художник, зарылся в дерьме, как жук. И все мои произведения - кучи навоза. Так тебе и надо! – зло думал он, толкая перед собой свой перегруженный велосипед. – Это плата за мою любовь, - произнёс он вслух неожиданно пришедшую в голову мысль.

От сказанных своих слов он оторопел и остановился. Закипевшая и ударившая в голову кровь привнесла в его сознание ещё большую неприязнь ко всему, чем он жил большую часть своей жизни. Возможно, даже - ненависть, в том числе, и к жене, к его Татьяне.

- Да... да - это плата, плата за мою любовь! Это точно!.. Только неизвестно кто проплатил за неё по векселю: Я или она? Ведь не мне, а ей пророчили – стать второй Кюри. А я на Рафаэля, видимо, никогда не тянул.

Постояв ещё немного, Евгений смахнул рукой выступивший на лбу пот и, поднатужившись, медленно покатил свой велосипед дальше.

г. Прокопьевск.

Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи»

(СЛОВО РЕДАКТОРА)

Прошедший 2014 год проходил в нашей стране под знаками года культуры и года 200-летия со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова...

В литературной жизни Южно-Кузбасского региона этот год был не менее насыщенным, чем и предыдущие.

В прошедшем году в Прокопьевске увидели свет четыре очередных сборника «Стихи и проза кузбасских авторов» (номера – 12, 13, 14 и 15), «Союза любителей поэзии «Кузбасский родник», редактором и составителем которых является Лукьянова Людмила Павловна.

Открывая свой новый - 13-й сборник под названием лишь «Лишь слову жизнь дана...», редактор-составитель говорит: «В год культуры Союз любителей поэзии «Кузбасский родник» дарит читателям своим этот сборник... Поэт в ответе за многое, ибо велика сила слова, и, взявшись за перо, надо, прежде всего, спросить с себя! Не торопись назвать себя поэтом – торопись им стать!..»

Можно соглашаться со словами и мыслью, высказанными Людмилой Павловной, можно не соглашаться... На мой взгляд, неважно «поэт ты, или не поэт...», важно, что ты занимаешься этим делом и заниматься им тебе нравится. А если твоё занятие понравится кроме тебя ещё кому-либо, тем более - если станет кому-либо полезным... То тогда с гордостью можно будет сказать ещё и то, что время, энергия и прочее, затраченные тобой на любимое тобой дело, потрачены были не зря.

Именно к этому мы все и стремимся, именно этот результат и хотим получить в своих нелёгких делах... Получится ли это у нас или не получится - покажет время. Лишь оно расставляет всё и раскладывает всех – по своим полочкам, в соответствие с тем, кто и что сделал, кто и какой результат достиг в своих делах...

Тем не менее, безусловно - каждая вышедшая в свет наша новая книга, газета и прочее, сделанные нами с любовью к своему делу, вызывают заслуженное уважение к тем, кто их делал не ради каких-то личных выгод и интересов, а во славу нашего Отечества?.. Вкладом в неё нашего скромного труда.

Кроме четырёх названных поэтических сборников Лукьяновой Л. П. выпущена - по накопленному материалу творчества кузбасских авторов (по так называемому - «региональному компоненту») - хрестоматия с названием «Книга, которую ждали...».

Разные чувства и эмоции зарождаются при чтении названной книги, тем не менее – хорошо, что и она появилась на свет, тем более - в Прокопьевске. И эту книгу оценит время.

В текущем году увидели свет, в Прокопьевске же: - два поэтических сборника Нелли Алексеевны Смирновой;

- сборник литературных разработок и статей одного из ветеранов прокопьевской школы, учителя с большой буквы - Вячеслава Ивановича Елатова, под общим названием «Остаюсь учителем...».

9 июля в Центральной городской библиотеке Прокопьевска, по приглашению руководства городского отделения «Союза Кузбасских писателей», состоялась встреча членов названного объединения, читателей и прочих литераторов города с руководителями «Союза писателей Кузбасса» и ведущими поэтами Кемеровской области - Борисом Бурмистровым и Александром Катковым.

На встрече приглашённые кратко рассказали о себе и своём творчестве, почитали различные свои стихи и ответили на вопросы, заданные им присутствовавшими на встрече.

После завершения первой части мероприятия (общей встречи) была проведена встреча приглашённых с поэтами и литераторами города (как теперь говорят: был проведён - «мастер класс»). Здесь уже рассказывали о себе, читали своё и дарили своё прокопьевские авторы, гости оценивали их творчество и давали рекомендации...

В заключительном слове руководитель Союза писателей Кузбасса и областного отделения Союза писателей России - Борис Васильевич Бурмистров кроме всего прочего сказал, видимо, шутя, что ему кто-то говорил - в Прокопьевске поэтов нет. Оказывается, есть!..

Чем вызвал кое у кого из присутствовавших на встрече какие-то двоякие чувства.

Во-первых, оказывается, до этого он ничего не знал о нас, о наших делах (несмотря на все наши старания и на то, что он всё же руководитель областной писательской организации...), что вызвало какие-то «омерзительные» чувства своей незначительностью и прочим;

во-вторых, наконец-то Борис Васильевич узнал, что в Прокопьевске поэты есть! И это - радует и обнадёживает...

27 августа в детской библиотеке № 7 «Семейный круг», расположенной в ДК «Красная горка», на открытую выставку-встречу «Красногорские шахтёры» посвящённую Дню города и Дню шахтёра, собрались ветераны шахтёрского труда и гости, не равнодушные к истории родного края и шахты.

Для шахты этот год юбилейный, ей исполнилось 65 лет.

Для гостей был показан видеоролик о шахтёрском труде, прошла презентация фотоматериалов «Красногорские шахтёры».

Игорь Александрович Мангазеев – краевед, журналист, провёл фотоэкскурс в историю села Усяты и посёлка Красная горка.

Анатолий Васильевич Ленков – читатель библиотеки, победитель городских викторин и конкурсов, рассказал, как он попал на шахту и работал на ней долгие годы.

Поздравили гостей с праздником: учитель-ветеран школы № 25 - Вячеслав Иванович Елатов; Владимир Клавдиевич Маракулин – журналист областной общественно-политической газеты «Земляки»; Анатолий Николаевич Гуляев – редактор «ЛХГА «Усятская россыпь». Прозвучали песни о шахтёрах.

О директоре шахты Иване Михайловиче Волкове воспоминали Владимир Александрович Акентьев; Венедикт Павлович Мурзин – бывший горный мастер; Вячеслав Иванович Елатов, вспоминал, как он, будучи учителем школы № 25, благодаря Волкову посмотрел «вживую» на труд горняков...

О своём исследовании и написании автобиографического очерка о Волкове И.М., вошедшего в книгу «Директорский корпус Кузбасса», рассказал Маракулин В.К.

Некоторые свои штрихи, в рассказанное, добавила Тихонова Елена Юрьевна, бывший работник Прокопьевского городского краеведческого музея и другие.

В завершении встречи, в исполнении Николая Журавлёва, работника ДК «Красная горка», прозвучала песня Владимира Высоцкого «Чёрное золото».

29 октября в библиотеке ДК «Красная горка», в рамках клубов «Семейный круг» и «Передвижная библиотека», прошла встреча жителей посёлка Красная горка, посвящённая 2014 году, году Культуры, с поэтами и литераторами посёлка и города.

На встречу кроме местных поэтов и литераторов Елатова В.И., Ермаковой Н.Д., Севергиной Л.С., Сапроновой Н.Л. и Гуляева А.Н. были приглашены и присутствовали: Шишкин В. ., Синицин П. С., Смирнова Н. А., Гарбузова Т. Г., Клапатун Л. Г., Арбатская Н. В., Яна Блынская, Дина Сабынина и Николай Нагорнов.

Встречу открыла, организатор и распорядитель встречи, директор библиотеки.....-.....Светлана Александровна, которая рассказала и напомнила всем присутствовавшим о 2014-м- годе Культуры и двухсотлетия со дня рождения великого русского поэта Лермонтова М.Ю., после чего вначале, представляя поселковых авторов, предоставляла им слово. После которых произвольно начали выступать остальные присутствовавшие на встрече.

Вячеслав Иванович Елатов, рассказав о своей завершённой творческой работе, коснулся литературного творчества Михаила Анохина и Анатолия Гуляева.

Надежда Дмитриевна Ермакова прочитала некоторые свои стихи, посвящённые родному посёлку Усяты и...хлебозаводу.

Лилия Григорьевна Клапатун прочитала стихи своего отца (Григория Маслова) и свои, посвящённые Лермонтову М. Ю.

Сергей ВЯТКИН

Вяткин Сергей Никитович родился (1948 -2005) в городе Кемерово.

Окончил строительный техникум, Кемеровский государственный университет, Новосибирскую высшую партийную школу.

Трудовую деятельность начал с мастера цеха капитального ремонта азотнотукового завода. Работал на предприятиях химической промышленности, транспорта, в партийных органах. Последнее место работы – государственная служба Кемеровской области. Творчеством (искусством слова) занимался с молодости. Литературное развитие для подпитки своей лирики получил в рядах Советской Армии, прослужив три года в Морфлоте на Дальнем Востоке.

В его произведениях сочетаются деловая практичность, романтическое и юмористическое восприятие мира, большая тяга к жизни.

Не верьте первым ласточкам весны

Не верьте первым ласточкам весны

Не верьте первым ласточкам весны,
Еще возможны первые метели.
Не верьте мастерам писать про сны,
Которые не снились в самом деле.

Не верьте в колдовскую власть огня,
Костер горит, пока кладут дровишки.
Не верьте в златогривого коня
Ни за какие сладкие коврижки!

Не верьте в то, что тучные стада
Несутся в быстротечной круговерти...
Но что же вам останется тогда?
Не верьте в то, что я сказал,
Не верьте!

СОВЕТ

Прокричала весенняя птица,
Уходя в лучезарную высь:
«Если хочешь летать научиться,
Не летать ты, а падать учись!»

И умчалась подруга крылатая,
Рассекая небесную гладь...
И с тех пор я все падаю, падаю...
Скоро буду, наверно, летать...

ПЛАТА

Я тот, за кем не заржавеет,
Кто не «спасибо» говорит,
А как умеет, чем имеет,
От всей души благодарит.
Я не обижу, не забуду,
Я невзначай на чай даю,
Я в очередь вставать не буду,
Но за ценой не постою.

В моем красноречивом взгляде
Читать умеющий прочтет,
Что не останется внакладе
И, словно корень, извлечет.
Я день-деньской бегу по кругу,
Ну, как с базара на базар,
Сулю услугу за услугу,
Плачу с наваром за товар.
Другие могут жить иначе,
Не платят каждому рвачу,
А я всю жизнь плачу и плачу
И снова плачу, но плачу!

ГЕНЕТИКА

Известность быков
велика
еще со времен
до потопа.
Сам Зевс
превращался в быка,
задумав
похитить Европу!
Быкам по природе
дано
у жизни не быть
на задворках,
а бычье здоровье
давно
и прочно вошло в поговорку.
Однако
средь бычьей родни
различные
есть индивиды:
в волы
подаются одни,
другие -
в герои корриды.
Тех, первых,
гоняют кнутом,
впрягают всю жизнь
в колымаги.
Вторые идут напролом
и смерть принимают от шпаги!
Несхожи повадки у них,
но вот ведь
какое коварство:
из крови и тех,
и других
одно
производят
лекарство.
Стоят
молчаливым рядком
флакончики
гематогена...
Попробуй дознаться,
в каком
какие упрятаны гены!!

МНЕ БЫ...

Я тону во времени,
Подросла уж дочь
Мне бы вместо премии
Лишнюю бы ночь...
А пока с зарплатою
В целом напряжение,
Хорошо что, временно,
Но уже - волнение.
Перебои частые
В сердце замечаю
Все спешу за счастьем
И не успеваю.
Оттого на свете я
Жить хочу беспечно,
Если не в бессмертии,
То хотя бы вечно.
И конечно, к вечному
Мне бы не мешало
Жизни обеспеченной,
Скажем, для начала.
Ну, а там впоследствии,
Там такие дали,
О которых в детстве мы
В сказках не читали...
Впрочем, рядом с многими
Я живу моментом.
Не забыть бы в очередь
Встать за монументом.

ДИАГНОЗ

А лошадь в двадцать лет старуха!
Таким я буду - в шестьдесят.
Меня, слепого и без слуха,
Все также старцем окрестят,
И поведут меня на бойню,
Чтоб шкуру снять и задубить,
И сильному и молодому
Прикажут там меня убить.
Ах, смерть тяжка на месте лобном,
Войдет под сердце нож стальной...
И я в последний раз беззлобно
Лягну кого-нибудь ногой.

БЫЛ ТОЛЬКО МИГ...

Значимость вещей не в расценках –
бесценен утраченный миг...
Но ломятся модные стенки
от всех непрочитанных книг.
Когда в промежутке
читаем
средь этой
сплошной кутерьмы,
о, сколько мы сделать
мечтаем!..
Как мало же делаем
мы!
И спутница наша –
Тревога -
Несносней стечение лет.
Все кажется, времени много...
Оглянешься –
времени нет...

СНЕГУРОЧКА

Валенки с новым тулупом надела,
Все-таки зябко –
Сибирь и зима.
К пылким признаньям мужчин
Охладела.
Веря, что это их сводит с ума.
Хочется к ситцам вернуться
В горошек,
Холодному пиву.
Бане с парком.
Хочется чувств,
натуральных, хороших,
чтоб не ползли, как проклятый капрон.
С веником ты на завалинку села,
Мчатся в трамваях
«Лели» в пальто.
Чувствуешь:
Точно уже охладела...
И почему не подходит никто?...

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

Вот моя деревня, Вот мой дом родной.
Вот мешок картошки за моей спиной.
Вот встаю на лыжи, режу снег реки,
в синей дымке вижу сизые дымки,
хату у овражка... Вот ее крыльцо,
ждет меня там Машка, бражка и сальцо.
Вот моя Маруся открывает мне,
вот презент дарю я - и легко спине.
«Не снимай» – и в лыжах прохожу я в дом.
Вот мальчонка рыжий, Машкин, за столом.
«Вася, погуляй-ка», нацепив коньки,
Сорванец подался резать лед реки.
Вот уж моя Машка, покраснев лицом,
Подает мне бражку, свежее сальцо.
И через минуту входит в неглиже.
Вот...проснулся. Тьфу ты!
Ну, приснится же!

НА КОПНЕ

Весь день прошел в неясном отупленьи,
и я сбежал, сказав жене меж тем,
что, как на грех, иссякло вдохновенье
и я спешу на луг - набраться тем.
Она, святая женщина, спокойно,
Как и всегда, вослед смотрела мне.
Но, между нами, шел я к той, что знойно,
загнув подол, уселась на копне.
У-У-У-у, ты какая! Был я парнем - хватом,
Таким я и остался... Так и быть,
Иди в мои объятия! Куда там,
Да мне и вширь тебя не обхватить.
А, может быть, повдоль... Поди, попробуй!
И бормочу я, бедный, в простоте:
«Тут, понимаешь, кровь не прежней пробы,
Да что и говорить, года не те...»
Года мои, года ... И еле-еле
домой я возвращаюсь сокрушен,
усталый добредаю до постели
и, все кляня, проваливаюсь в сон.
...У-у-у, ночь была! Вовек не позабуду.
Мужчины, вы понять меня должны,
про сны свои рассказывать не буду,
не скромные, скажу вам, прямо сны.
И вдруг толчок! Я подскочил в тревоге:
«Эй, кто такой!» И вдруг узнал жену:
«Не щекочи, уймись ты, ради бога!
Ты на какую звал меня копну?»

г. Кемерово.

Людмила ЛУКЬЯНОВА

Вся жизнь Людмилы Павловны ЛУКЬЯНОВОЙ посвящена трепетному и верному служению Слову. Педагог, передающий подрастающему поколению умение тонко чувствовать красоту литературной речи, Поэтесса и прозаик, постоянно совершенствующая мастерство владения художественным словом, и Организатор поэтических встреч-праздников, где могут общаться и обмениваться творческим опытом её единомышленники – самобытные поэты области. Как говорится – три в одном. И всё удаётся ей с одинаковым успехом!

Людмила Павловна – участница многих городских, российских, международных поэтических конкурсов, победитель областного конкурса «100 лучших учителей Кузбасса», а также редактор-составитель четырнадцати лирических сборников и Хрестоматии для учащихся 1-11 классов, выпущенных на базе СЛП «Кузбасский Родник». Лауреат областного конкурса «Педагогические таланты Кузбасса – 2014» и Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя – 2014».

Немного о любви

Учительское счастье

Посвящается заслуженному учителю ШНЫРЕВОЙ Елене Валерьяновне

Первое чувство в её двери постучало неожиданно. Ждала она его и боялась. Никто раньше не обращал на неё никакого внимания, не удосуживал даже взглядом – слишком уж проста была и неприметна. А тут взгляды их встретились: её – растерянный, ищущий, его – озорной и желанный.

Неказистая, скромная, она, действительно мечтала о свидании, о встрече...

И вот встреча состоялась.

Он ждал её возле школы, где она работала, ждал не с букетом цветов, о котором она, может быть, мечтала, а с восхитительной улыбкой ясных глаз.

...Она понравилась ему сразу: застенчивая, простая, с лучистыми, как небушко, глазами и губами цвета утренней зари. Она была не красавицей, а притягивала, звала, возбуждала, будила мужское чувство.

Сегодня Алексей, набравшись смелости, решил познакомиться с тётей Елены (родителей у неё давно не было) и попросить руки девушки. Зачем ждать?! Он понимал, что наконец-то отыскал ту единственную, о которой мечтал всю жизнь.

Но не тут-то было. Недовольная тётя была категорически против присутствия в доме мужчины и устроила девушке настоящую головомойку.

«Или ты будешь хорошим учителем (плохими учителями не должны быть!) или ты выходишь замуж за своего шахтёра и уходишь из дома!» – хлестко произнесла она после ухода парня.

Буря эмоций кружила в голове девушки: горе, обида, разочарование.

...Алексея она больше не видела – не смогла ослушаться тёти, которая её воспитала, была ей вместе матери. А мать – святое.

Педагогом она стала прекрасным. Получила звание «Заслуженный учитель», а семью... так не создала. Домом для неё стала школа, семьёй – класс, чужие дети – своими. «Чужих детей не бывает», - любила повторять она. Чем только с ребятишками не занималась! Ездила на раскопки, возила их в Кузнецкую крепость, путешествовала по места ссылки Ф.М. Достоевского... И чаще всего – за свои деньги.

Будучи экономной, умела она жить по средствам, и была щедрой, принося детям огромную радость.

Проводя любимые литературные гостиные, незабываемые театральные салоны, интеллектуальные ринги, всегда изощрялась прикупить подарков для победителей. Делала она это с большой, светлой радостью, которая переполняла душу, когда она видела ясный добрый свет детских глаз. Ради этого она жила.

Ей очень нравилось, как взрослеют ребята, умнеют, влюбляются. А её любовь так и прошла мимо, стороной прошла (сколько таких учительских судеб!)

Ушла вся в работу, привыкла, иногда считала, что так и должно быть, но порой в долгие, поздние вечера, когда сон никак не приходил, она мечтала о суженом, который однажды придёт, увезёт её далеко-далеко от шума городского, суеты, учительских забот, проблем. Увезёт её к мечте: к семейному, женскому, материнскому счастью.

Как часто мысленно она ощущала на плече руку своего любимого, слышала его прерывистое дыхание, ощущала тяжесть его тела на своём и тонула в его глубоких, как омут, глазах. Но туман рассеивался, просыпался день, своим светом врывался в окно, и всё исчезало. Исчезала мечта о муже, маленькой красавице – дочурке.

...Взяв со стола проверенные, аккуратно сложенные тетрадки, она опять спешила в школу, растворяясь во времени, планах, делах. Всю себя отдавала детям, относилась к ним, действительно, как к своим. И они любили её. Но быстро взрослели, разъезжались по другим городам, уходили из её жизни. И она опять оставалась одна, одинокая, грустная, забытая.

...Её попросили уйти из школы. «Молодым дорогу давать надо, у них семьи, - ворчали злые языки. – Пенсию-то заработала! Зачем тебе деньги?»

Она никак не могла понять, причём здесь деньги? Она никогда не считала их ценностью, расставалась с ними просто, с великой радостью тратя их на детей. Она и наследством своим давно распорядилась : квартиру завещала племяннику, мебель (кровать, стол и шкаф) – сестре. Палас, выделенный школой к её юбилею (по талону) – племяннице, а деньги... собранные на свои похороны, так и оставались не завещанными. И вот они пригодились – нашли своего хозяина.

Никто и предположить не мог, что выносили ей суровый приговор, отнимая самое дорогое у неё – её семью, её детей! Её жизнь! Её учительское счастье!

Пред ней с почтеньем, гении, молчите.
Сегодня в честь её букеты на столе.
Земной поклон тебе, заслуженный учитель,
От всех людей, живущих на Земле!

Первая любовь

Кто не помнит своей первой любви? Робкой, неумелой, но удивительно нежной, страстной и, конечно, незабываемой. У всех она была разной и чаще всего растаявшей, что весенний снег. Но помнят, думаю, все своё первое чувство, и многие сожалеют, что потеряли его, что оказались от него навсегда.

...В это, наверно, трудно поверить, но женихом и невестой нас дразнили с четырёх лет. Два года я пробыла его суженой, а потом родители увезли меня «на города» (тогда многие уезжали на новые стройки). Увезли с родины, с Поволжья, оставив рабочий посёлок со звучным названием Центральный, но место, где ты родился, забыть нельзя: здесь твои корни, истоки, твои друзья, твоя первая любовь.

...Я помнила Сашу Ершова всегда! Меня звал его голос, манил к себе его взгляд! Мы встретились через несколько лет, в пору нашей юности. Повзрослевшие, но не забывшие друг друга, не изменившие своему детскому чувству, мы не знали, как подойти друг к другу, как приблизиться, заговорить...

Провожатых у меня было немало (любили парни городских), но его среди них не было, к сожалению. Каникулы подходили к концу, а мы, так и не встретились, хотя каждый об этом мечтал, грезил... Помогла подруга Светка. В отличие от нас, она как-то запросто решала все любовные дела, свои и чужие...

В тот тёплый, ласковый, незабываемый вечер Саша пошёл меня провожать. Не было слов, не было признаний, помпезных речей. Держась за руки, мы шли, молча, и через это нежное прикосновение общались наши сердца...

Тогда-то я и поняла, что любовь не нуждается в словах.

Утром он уехал в соседний совхоз на уборочную, а вечером, соскучившись, прошагал пешком в Центральный 25 км! (Не всякий способен на такое). Просвистев (так раньше вызывали на свидание) под окном около трёх часов (я и предположить не могла, что это он, а к другому выходить не желала), отправился в обратный путь – надо было успеть на утреннюю вахту.

Мы встречались лишь один раз в году, летом, на каникулах, сначала, когда училась в школе, потом – в институте. Это были незабываемые встречи! Живя в городе, мало смысля в сельской жизни, я ходила с ним на покос, умудрялась стоять на стогу, метать сено. Помню, однажды, когда все были в поле, постучалась к Ершовым беда – сгорел дом со всем содержимым. Мама Настя сетовала: пропала заначка – двести рублей, а Саша рассказывал, что ему больше всего было жаль моих фотографий, которыми он оклеил стены своей комнаты и с которыми разговаривал, будучи в разлуке.

Последнюю нашу встречу помнила всю жизнь. Нельзя было забыть те синие-синие, наполненные великой грустью глаза, умоляющий взгляд и еле слышный нежный любимый голос: «Возьми меня с собой». Он, видимо, чувствовал, что видит меня в последний раз, он ясно понимал, что это наша последняя встреча. «Возьми, - повторял Саша́ каким-то уже не своим голосом, - я буду жить хоть на вокзале, лишь бы быть рядом».

Я молчала, не знала, что ему ответить, хотя в тот миг готова была на всё. Тогда как-то не было принято рано вступать во взрослую жизнь, принимать серьёзные решения, и я, наверно, просто испугалась, струсила.

Наутро мой автобус отправлялся на станцию в 9 часов. Саша должен был вести смену в лесхоз в восемь. Его гневно ругал начальник за задержку, но он будто его не слышал, никого не видел вокруг, он понимал, что расстаёмся мы навсегда...

Это была, действительно, последняя встреча! После неё наши пути-дороги разошлись. Саша уехал на север, в Тюмень. Уехал от горечи, тоски и обиды. Через семь лет – женился, видимо, без любви.

Свою первую дочь назвал – Людмилой, я своего первенца – Александром. К тому времени я была замужем. Но, пожалуй, не было дня, когда я о нём не вспомнила. Сколько раз,

Без вины виноватые

входя в автобус, я представляла его на шофёрском месте, сколько раз я хотела услышать его удивительно нежный голос, увидеть лучистый взгляд и утонуть в нём...

Оказалось, в это время он собирался ко мне, хоть разок взглянуть, хоть словом перемолвиться. Друг отсоветовал: «Зачем стучаться в закрытую дверь, где тебя не ждут. У неё семья»...

Но семьи уже давно не было. Были два сына и одиночество.

У Саши тоже не сложилось... И оказалось, что уже 10 лет мы были свободными, одинокими и несчастными, так как когда-то давно глупо потеряли друг друга, потеряли на целых 25 лет.

А разыскала нас та же Светка, где-то откопала Сашин адрес. Через четверть века я дрожащей рукой писала ему письмо, просила прощение за то, что смалодушничала, струсила, не взяла с собой, побоялась. И всю жизнь за это расплачивалась...

«Случайно заглянул в почтовый ящик, - отвечал Александр, - и обнаружил там твоё письмо! Был в шоке! Оно пролежало два месяца, а пришло через 25 лет, ровно через столько, сколько его ждал! Сколько тебя помнил, а помнил я тебя всегда!»

Началась переписка как прежде, как четверть века назад. Сколько в этих письмах было неподдельного чистого нежного чувства, сколько искренности и несказанных слов о любви. Никто бы не поверил, что писал эти трогательные, милые слова простой человек («институты не заканчивал» - помогал матери поднимать трёх братьев – не до учёбы было).

Была назначена встреча. И опять мы совершили большую ошибку: что-то медлили, толи боялись, что не понравимся друг другу, разочаруемся...

Время шло, и шок сделал своё гнусное, коварное дело.

Говорят, что сильные эмоции, независимо, положительные или отрицательные, приводят в движение дремлющие в организме любого человека раковые клетки. Слишком, видимо, были сильны чувства, возникшие в момент получения и прочтения письма из юности, через столько лет

...Его не стало 3 сентября. Вы можете представить, что испытала я, узнав страшную весть. Винила себя в том, что не поехала, помимо его воли (болезнь, видимо, развивалась стремительно и давала о себе знать), хотя бы проститься, хотя бы попросить прощения...

Я перечитывала его письма – слёзы застилали глаза и капали на ровные аккуратные, любимые строчки. «Людмила, честно, я не помню ни одного случая, - писал он, - чтобы я на тебя обиделся. Был шанс, наверно, изменить всё в последнюю нашу встречу, но я упустил его и не могу себе этого простить».

А я? Разве я могла простить себе, что потеряла его второй раз?! Потеряла свою единственную, настоящую любовь. Сначала по глупости, молодости, неопытности, теперь - по растерянности, неожиданности, малодушии. За это я буду винить себя всю жизнь.

...Ночью он приснился мне. Настоящий, живой, мой! Как наяву, молча, он держал меня за руки - теперь общались наши души. Как наяву, мы любили друг друга нежно, страстно, неистово: любили на целых 25 лет.

Это была настоящая любовь, которая приходит один раз в жизни. Не потеряйте её! Берегите!

События, легшие в основу этого рассказа, достоверны! Их поведала бывшая учительница школы №1 г. Прокопьевска Протасенко Евгения Федоровна, белорусская партизанка, связная, получившая не одну награду за героизм и мужество, проявленные ею в тылу врага.

Через узкую щель старого полуразвалившегося сарая просматривалась немецкая комендатура, куда только что местные полицаи приволокли на допрос двух стариков, еще чудом оставшихся в живых.

На хуторе шел обыск.

Искали партизан, тех, кто сообщал русским о дислокации войск, о количестве орудий, танков.

Немцы и предположить не могли, что все сведения нашим передавала я, маленькая, незаметная шестнадцатилетняя девчонка, которая сидела сейчас на крыше, неведомо как уцелевшего сарая, и тряслась, как осиновый лист.

Сидела, скорчившись, неудобно поджав затекшие ноги, и обдумывала сказанные накануне ночью теткой Агафьей странные и страшные слова: «Сиди тут и не высовывайся! Мать тебя выдала, «сдала» немцам, а отца, кстати, он тебе не родной, все равно убьют. Расстреляли почти уж всех».

Слова, жесткие, жгучие, ударили толстым жгутом по голове, по лицу, по сердцу. Я никак не могла сообразить, почему отец, мой родной отец, хоть я и не была похожа ни на него, ни на своих меньших братьев и сестер, больше всех любил меня.

Почему мать, всегда как-то предвзято относившиеся ко мне (я просто объясняла это своим старшинством) вдруг «сдала» меня фашистам, спасая отца (кто-то донес, что я связная, и взяли папу, что б заполучить меня)?

Почему я, молодая, уже с поседевшей прядью в волосах, должна попасть в руки извергов?

Почему столько раз я должна была пробираться ночью через лес (днем кругом стояли патрули) к своим и, заикаясь, докладывать командиру о выполненном задании?

Почему столько горя навалилось на меня в один миг? Все эти «почему» роились у меня в моей голове и никак не находили ответа.

Сколько раз хотелось все бросить, зарыться в какой-нибудь буерак, укрыться в кайдаках и не слышать этой мерзкой немецкой речи, не видеть самодовольных вражьих физиономий.

Времени на раздумья совсем не оставалось, мои мысли прервала какая-то возня возле комендатуры. Со всех сторон хутора сюда сгоняли оставшихся в живых людей. Страх сковывал всех собравшихся.

Я тоже потонула в нем, когда увидела, как на площадь привели моего отца.

Он был в косоворотке, с перебитой рукой и кровоподтеками у глаз. Кучерявый седой чуб развевался на ветру.

Я не знаю, как я все так смогла рассмотреть, будто ко мне приблизили всех собравшихся, и ласковые глаза отца смотрели в мою сторону, и будто умоляли: «Не выдавай себя! Не выдай!».

Не выдай себя, значит, предай его?!

На раздумье времени не было. Мысли путались, роились в моей голове такой смутной вереницей.

И вдруг прозвучал страшный выстрел. Отец как-то осел, мать заголосила, а я – потеряла сознание, будто провалилась куда-то. Когда очнулась, было уже совсем темно. Едва-едва просматривался силуэт чудом уцелевшей у комендатуры березы (ее, видимо, кто-то посадил приехавший из России, привезя кусочек родной русской земли).

Листья легко покачивались на ветру и в этой страшной ночной, безмолвной тишине наводили страх и ужас.

В голове моей тут же всплыла страшная картина расстрела, разыгравшаяся на фоне кровавого заката.

В считанные секунды к сердцу прилилось такое огромное количество крови, что, казалось, оно, обжигаемое его потоком, захлебнулось.

Я ощутила сильный огонь в груди и опять чуть было не потеряла сознание.

Но делать этого было нельзя. Голову глодала мысль: нужно срочно пользуясь покровом ночи, выбираться с этого проклятого и в то же время спасшего меня чердака, пробираться к своим – преодолеть расстояние в 25 километров

Полуживая, в каких то рваных лохмотьях (жалкое подобие осталось от моей скромной одежды), я стояла перед командиром, точнее сказать, подпирала закопченную стенку.

Стоять я не могла: все гудело, куда-то плыло перед глазами, и через какой-то миг я ощутила, что куда-то лечу.

Чьи-то руки подхватили меня...

Я очнулась на солдатском бушлате. Мастеровито трезвонила свою веселую трель иволга, как бы заставляя меня проснуться.

Сколько проспала, я не знала, но теперь, ясно осознавая, что дороги домой уже нет, поняла: навсегда остаюсь в партизанском отряде.

Что за новая жизнь ожидала меня, будет легче, труднее?

Приживусь ли я, маленькая, хрупкая, боязливая, шестнадцатилетняя девчонка, к не домашним - походным условиям среди леса, мужчин, страха и неуюта.

Что меня ожидало в новом, неведомом мне мире, мире природы и войны, мире жестком и жестоком?

Сначала все было очень даже нормально: меня жалели, помогали, обо мне заботились.

Но как-то незаметно эти заботы переросли в какой-то животный интерес к моей персоне.

Не привыкшей к излишнему вниманию дома, мне поначалу это даже нравилось, грело мое самолюбие и, наверное, усыпляло бдительность.

Кто-то отпустил комплимент по поводу моих длинных черных кос, тоненькой талии, а кто-то норовил ее уже потрогать.

Взгляды стали косыми, колючими, жадными, настойчивыми, чего-то требующими от меня.

Я еще не жила в этом взрослом жестком мире, я не знала его свирепых законов и не предполагала, что кому-то была должна...

В многочисленном мужском отряде нас было четверо девчонок (я – самая младшая) и когда уже открыто меня стал домогаться один из мужчин, всегда производящий впечатление самого сытого и самодовольного.

Я бросилась искать защиту у командира.

Красивый, подтянутый, с сединой в волосах, он напоминал моего отца, который всегда приходил мне на помощь. И тут я очень на него понадеялась... Я была горда, что находилась под его защитой, я предполагала, что теперь мне никто не угрожает, и уж теперь никто не будет покушаться на мою честь...

А чести своей девчата лишались одна за другой. Я сначала не понимала их слез – видимо, они щадили мою молодость, не говоря о тех страшных военных законах, которые писала сама жизнь, жестокая, коварная, злая. Они проходили безропотно «через строй», не видя выхода из своего незавидного положения, жаловаться было некому, защиты искать – не у кого. Они были вроде походного вещмешка, который всегда с собой и которым при необходимости – пользовались. Вся разница была в том, что вещмешок был собственностью одного бойца, а эта «вещь» была собственностью всего отряда и пользовались ей либо по очереди, либо по силе, либо по старшинству. Узнав все эти «тонкости» военной дикости, я пришла в ужас. И он загнал меня... в лапы командира – на его собственность никто не покушался, не претендовал. Если бы я могла только все это предположить раньше?! Если бы я знала, что его заступничество, защита искалечат и без того изувеченную войной, семейными обстоятельствами, проблемами всю мою жизнь!

Его собственностью с печатью неприкосновенности я стала уже через неделю. Неделю я была счастлива, что у меня есть заступник, витала в облаках, гордая тем, что злу можно противостоять, зло можно остановить, уничтожить, вырвать с корнем. Но не тут-то было.

Как-то произошло все само собой. Доверившись ему полностью, что родному отцу, и попав в его лапы, такие же мерзкие, липкие, я поняла, что обманулась.

Что теперь меня уже, действительно, никто не спасет. На какой-то миг он предстал предо мной акулой с разинутой пастью, и я туда провалилась, как в пропасть.

Как жить дальше? – встал вопрос. А дальше я уже и не жила. Это было жалкое существование униженного существа, которое ни любить, ни уважать было не за что. Я стала его вещью.

Вся жизнь опять пронеслась передо мной.

Теперь до меня только дошло, докатилось какой-то жгучей волной, что и мать в юности кто-то обманул, а в результате этого обмана появилась я, без вины на всю жизнь виноватая, нелюбимая, нежеланная.

Что ждет меня впереди?

Как жить с такой тяжелой, непосильной ношей?

(Я вскоре узнала, что тоже беременна).

Кто виноват в искалеченной судьбе матери, отца, моей собственной жизни?

Обстоятельства?

Бессилие?

Чья-то беспечность, безалаберность, хамство?

А может, просто война делает людей без вины виноватыми?

Людмила ЛУКЬЯНЦЕВА

Людмила Андреевна Лукьянцева Ветеран труда РФ, дочь фронтовика. Родилась в Новокузнецке, в семье первостроителей КМК. Окончила НГПИ - факультет русского языка и литературы. В сфере просвещения проработала 37 лет, начиная простым учителем, дошла до директора средней школы №94.

Ей присвоено звание Почётный работник общего образования РФ. Награждена медалями: «За долголетний добросовестный труд», «За достойное воспитание детей», «За веру и добро».

Людмила Андреевна творческий человек. Пишет стихи, песни, прозу. Выпустила десять авторских сборников. Активно участвовала в издании восьми региональных поэтических сборников.

Ее стихи и проза печатались в городских газетах: «Кузнецкий рабочий», «Новокузнецк, «Горняцкая солидарность», в журналах «Озарение», «Союз писателей», «Усятская россыпь». В музыкальном альманахе известного композитора Михаила Маслова «Новые песни на стихи поэтов Сибири», опубликованы их совместные произведения. Людмила Лукьянцева двенадцать лет являлась председателем литературной студии «Гармония слова». Её педагогическая и творческая деятельность в полном объёме представлена в Городском музее Просвещения и Городском музее Ветеранов войны и труда.

Я буду твоей берегиней

(Отрывок из повести)

Встретились и полюбили друг друга Полина и Никифор в Воронежской области. Она любила мужа всем сердцем, и он любил ее до беспамятства. Полина Гусельникова в селе Лебяжьем считалась самой красивой девушкой. Хоть и не выдалась ростом, но стати девичьей не занимать. Особенно парням нравились русые косы, длинные, почти до пояса. Восхищала волнистая челка, красиво обрамляющая розовощекое лицо, с глубокими милыми ямочками на щеках.

Притягивали, как магнит, зеленые глаза, излучающие свет, похожие на драгоценные изумруды. Губы-вишенки манили приветливой улыбкой. Казались такими сладкими, что их хотелось бесконечно целовать. Не найти было на селе лучшей певуньи. Многие парни сохли по доброй и жизнерадостной девушке. Поле весной исполнилось восемнадцать лет. Летом, в начале августа, она окончила медицинское училище в Воронеже и вернулась в родное село. Местные парни, давно державшие девушку на примете, стали к ней по очереди засылать сватов.

- Надо же, - дивилась мать Полины, - дочь, всего, как две недели назад вернулась, а женихов, как прорвало. Уже трое предложили руку и сердце. Жаль, что всем отказывает, а ведь среди них есть видные парни, например, Антон Красилов – любо - дорого поглядеть. Надо бы поговорить с дочерью по душам, а то раскидается женихами, недолго и в девках засидеться. Хотя, что я расстраиваюсь, ей всего-то девятнадцатый год пошел, можно и погодить, но поговорить все-таки надобно.

Полине было немного жалко отвергнутых женихов. С некоторыми училась в родной школе, но, не смотря на жалость, все-таки отказывала. Девушка ждала сватовства парня, которого полюбила совсем юной девчонкой, когда ей было всего пятнадцать лет, ждала Никифора Мирошникова. Одна только мать Анна Сергеевна знала о непонятной для нее дочерней любви. После очередного отказа сватам спросила у дочери:

- Полинушка! Почему ты Антону Красилову отказала? Красавец парень, умница, – все при нем. Столько твоих подруг по нему вздыхает. Что нашла в этом Никифоре? Парень старше тебя на целых пять лет. Тебе только восемнадцать, а ему уже двадцать три. Да и по росту не подходит, почти под два метра, ты перед ним маленькая пичужка.

Не нравятся мне его черные глазищи, под стать черным усам и бороде. Посмотрит в глаза, будто рентгеном просветит. В селе поговаривают, что Никифор обладает гипнозом. В школе я смотрела кино « Капитанская дочка» про Емельяна Пугачева, так Никифор очень на него похож, просто копия, недаром ему ребятишки дали прозвище Пугач. Дочь, тебя не настораживает его молчаливость? Два-три предложения в день, и то по делу, а ты говорунья, певунья. Засохнешь с ним, как полевой цветочек осенью. Подумай, Полюшка, жизнь с таким угрюмцем долгой - долгой покажется.

- Мама, зачем ты оговариваешь Никифора, с чего взяла, что парень угрюмый? Он столько нам с Катюшей историй интересных рассказал про службу в армии. Знаешь, у него такая добрая, светлая улыбка. Глаза ясные, красивые, в душу проникают, согревают теплом. С ним спокойно, в селе нет сильнее, надежнее человека. Вот, если бы Никиша пришел свататься, ему бы ни за что не отказала, только сейчас его нет в селе.

Ты же, как завуч школы, знаешь, что наш директор Гришин Степан Аркадьевич предложил ему по совместительству с основной работой егерем, вести два раза в неделю часы военного дела. Никиша из армии вернулся в звании старшего сержанта, военное дело знает. Недавно специальные курсы прошел в районе. Его мама, Ксения Владимировна, между прочим, твоя коллега, сказала, что сын ушел со старшеклассниками в поход на две недели по боевым местам Воронежской области. Вместо него сейчас егерем временно работает дядя Паша Синицын. Катя и я приехали из Воронежа позже, он не знает, что мы уже дома. Но я верю, к Яблочному Спасу, к четырнадцатому августа, Никиша вернется и пришлет сватов, данное мне слово сдержит.

Выслушав очередные доводы Поли в защиту любимого, Анна крепко обняла дочку, тихо спросила:

- Это когда же Никифор сумел околдовать девичье сердце, что ты готова хоть сегодня за него выйти замуж? Поведай матери душевные тайны, ведь дороже Марины и тебя у нас с отцом Иваном нет никого на свете. Поверь, матери, я очень хочу видеть тебя счастливой. Счастье в семью приходит только тогда, когда в ней живет настоящая любовь. Вот Павлуша с Маришей искренне любят друг друга, поэтому их семья счастливая и крепкая. Ты уверена, что Мирошников Никифор любит тебя также сильно, как ты его?

- Да, уверена, любит! Ему верю, как самой себе. Такие люди, как он, не умеют обманывать, притворяться, его слово – кремень. Если предложит руку и сердце, буду самой счастливой женой в мире.

Ты даже не представляешь, как мне тяжело дался последний год учебы. Каждый день получала от него письмо и отсылала свое. В письма Никиша вкладывал засушенные ромашки, незабудки, чтобы напоминали мне о нем, о родном селе, о доме.

В них называл меня любимой ромашкой, ладушкой, лебедушкой, как когда-то его дедушка Дмитрий называл свою верную берегиню, бабушку Серафиму. Он совсем не похож на современных наглых парней. Будто явился на землю из прошлого. Никифором его назвали в честь отца дедушки Дмитрия, известного профессора археологии. Именно он занимался раскопками славянских курганов. Сделал невероятные открытия в найденном городе Аркаиме.

Мой Никифор необыкновенный человек. Сначала его поведение удивляло: на дворе двадцать первый век, а он называет меня такими несовременными ласковыми именами. Но эти слова звучали из его уст абсолютно искренне, без всякой фальши. Побольше бы таких парней на земле, тогда бы не было столько распавшихся семей и детей сирот.

Никиша считает, что в жизни нет ничего важнее семьи, любви. Жена, по его мнению, главная берегиня семейного очага. Муж – добытчик, опора семьи, каменная защитная стена для супруги. Но главное семейное ядро – это дети. Его мысли запали мне в душу, я с ним во всем согласна. Если судьба нас сведет, буду ему верной берегиней.

Анна, выслушав душевную исповедь дочери, тихо сказала:

- Прости, дочка, я не знала, что у вас так все серьезно. Из твоего рассказа поняла: вы, правда, любите друг друга. Дай-то Бог, дай-то Бог!.. Вот так же мы с Ванюшей по сей день не можем жить друг без друга. От нашей верной любви и родились такие две красавицы: Мариша и ты Полинушка. Что же, желаю вам с Никифором счастья, пусть сбудутся заветные мечты. Мы с Ванюшей со спокойной душой будем доживать. С пострелятами внуками нянчиться станем – именно в детях, внуках, правнуках и есть счастье каждого семейного человека.

Поля! Говоришь, до сватовства шесть дней осталось, а к встрече дорогих гостей не готовы. Я в прошлом году была на новоселье у твоей будущей свекрови, Ксении Владимировны, у нее в доме такая красота и чистота.

Давай, завтра побелим стены, подкрасим окна, полы. Шторы, доченька, надо новые повесить, скатерть расшитую найти. Закупить продуктов, водки, вина хорошего. Медовуха есть, но ее не все могут пить, крепка зараза, со стула не встанешь. Когда все успеем сделать, прямо не знаю?

- Милая, мамочка, не расстраивайся, мы с Катей подруг позовем: Ксению Карелину, Юлю и Вику Русовых. Они быстро помогут управиться с делами.

- Полина! Давай с сегодняшнего дня начнем готовиться. Пошли за краской в магазин, в продуктовый заскочим, кой чего подкупим.

Работа в доме шла своим чередом. Девчонки вместе с матерью Полины скребли, мели, белили и красили – дом засиял, как медный пятак. Иван Петрович, отец Поли, уезжавший на три дня на рыбалку с соседом Семеном Коноваловым, вернувшись, ахнул:

- Господи! Это что же должно случиться, чтобы женщины такой порядок в доме навели? Ни дом, а царские хоромы. Праздник святой Пасхи весной прошел, праздник Троицы – в июне, до Нового года еще далеко!.. Дамы, объясните мне, что за суматоха, чем вызвана?

- Папуля! Как хорошо, что ты приехал. Открою тебе важнейший секрет: в воскресенье к нам придут сваты. Не простые сваты, а долгожданные, дорогие. Именно им предназначен царский прием.

- Вот это вести, так вести! Дочка, как зовут царевича, которого ждешь с великой радостью?

- Царевича зовут Никифор Мирошников, наш местный егерь и школьный военрук по совместительству.

- Мирошников? Это тот, бородатый, что-ли? А не стар ли он для тебя, певунья моя? Ему, наверное, уже где-то годков двадцать пять будет?

- Нет, папа, ему двадцать три. Никифор самый молодой на свете и самый лучший.

- Мать! Ты, однако, даешь! Такую любовь дочери от меня скрыла. Не меньше тебя тревожусь за ее судьбу, а ты их любовь засекретила. Ладно, прощаю, радость дочери не буду портить ворчанием и обидами. Возьми лучше на крыльце садок с рыбой, нынче выдался хороший улов. Сватов жареной рыбкой угостим.

В воскресенье с самого утра в доме Гусельниковых царило радостное возбуждение. Домочадцы носились, как угорелые. Каждый требовал к себе особого внимания:

- Мать! Где моя белая рубашка,- спрашивал нервно отец, строгий директор местного конезавода, превратившийся в растерянного юношу, как будто сам собирался жениться.

- Мамуленька! Будь добра, вплети мне в волосы белые ромашки. Они являются символом нашей любви с Никишей. Ой, забыла, новые туфли на высоком каблуке, пожалуйста, принеси из спальни.

Анна Сергеевна, заместитель директора школы по учебной части, привыкшая к почету и уважению, сегодня исполняла роль заботливой служанки: бегала по комнатам, приносила вещи то мужу, то наряды дочери. Наконец, Поля надела туфли, покружившись перед родителями, спросила:

- Ну, как я вам, нравлюсь?

Мать с отцом, остановившись напротив дочери, замерли от восхищения. Перед ними стояла незнакомая красавица. Зеленое платье с белыми ромашками плотно облегало стройную фигуру. Высокий каблук делал девушку выше. Полевые ромашки, вплетенные в волосы, венком обрамляли лицо, светящееся от счастья внутренним светом. Зеленые глаза излучали безмерную радость. Казалось, их дочь превратилась в сказочную лесную фею?

- Дочка! Ты просто фея! Я все-таки мужчина и в красоте кое-что понимаю. Недаром женился на самой прекрасной девушке, моей ненаглядной Аннушке. Ты ведь копия матери, обе вы красавицы, золотые рыбоньки мои.

Анна, от нахлынувших на нее чувств, не выдержала, кинулась к дочери на шею. Обняв, расцеловала в обе щеки, шепнула на ухо:

- Знай, Полюшка, равных тебе невест в нашем селе нет, уверена, что жених ахнет от твоей волшебной красоты.

Потом, увидев себя в зеркале, вскрикнула:

- Ой, вас-то я одела, а сама до сих пор хожу в халате! Теперь, Полинушка, твоя очередь мать наряжать.

К двенадцати часам семья была готова. Все трое метались от окошка к окошку. Ждали! Ждали! И дождались!..

Ровно в двенадцать часов за калиткой раздался громкий звук автомобильного гудка. Затем отворилась калитка, и во дворе появились сваты. Никифор сдержал слово: именно в Яблочный Спас пришел свататься к любимой девушке. Гусельниковы, отпрянув от окон, пошли в прихожую встречать гостей.

Первыми в доме появились дружки: армейский товарищ Никифора Алексей Орлов и сестра Катя. Через плечо у них были повязаны красные шелковые шарфы. Затем вошла сваха, старшая сестра матери Никифора, Татьяна Владимировна, а за ней родители жениха: Ярослав Дмитриевич и Ксения Владимировна.

Лишь через минуту за родителями через порог перешагнул парень с огромной охапкой садовых ромашек. Букет был настолько большим, что лицо вошедшего утонуло в нем целиком. Когда он отнял цветы от лица, Полина увидела незнакомого человека. Девушка от неожиданности растерялась, она ждала своего бородатого Никифора, а перед ней, скромно улыбаясь, стоял чисто выбритый молодой юноша. Улыбка делала его лицо лет на пять моложе. Незнакомец был одет в модный костюм стального цвета. На голове короткая стрижка. Его атлетическая, рослая фигура заняла большую часть зала. Родители невесты переглянулись, тоже не узнали стоявшего перед ними человека.

Только тогда, когда молодой человек осыпал ромашками Полину с головы до ног и протянул девушке красное яблоко, сказав:

- Ну что, лада моя, как тебе обещанный сюрприз? А вот и наше целое семейное яблоко счастья, прими его в дар.

Наконец-то, Полина узнала в необыкновенно красивом парне любимого Никишу. Ее напряженное лицо, чуточку бледное, вдруг от восхищения расплылось в улыбке. Гостям показалось, что в комнате засияло солнце. Не стесняясь гостей, подошла к нему и прижалась к груди. Сваха Татьяна сразу вспомнила свои обязанности и стала произносить обрядовые речи:

- Дорогие хозяева! В вашем доме живет лебедушка Пелагеюшка, а у нас есть ясный сокол Никифор, предлагаем соединить их судьбы.

Выполняя русские традиции, перевязала молодым людям руки вышитым рушником и осыпала зеленым душистым хмелем. Спросила у родителей девушки:

- Иван Петрович, Анна Сергеевна, согласны ли вы выдать дочь за нашего жениха?

Иван и Анна, как подобает свадебным канонам, ответили, что прежде нужно спросить согласия у невесты. Тогда сваха предложила Никифору просить у Полины руки и сердца. Парень опустился перед девушкой на колено, улыбнувшись, спросил:

- Полюшка, согласна ли ты стать моей женой?

Полина, ни на минуту не задумываясь, громко произнесла:

Да! Никиша, согласна! Я буду твоей берегиней.

Потом она вспомнила, как отвечали славянские девушки во время сватовства и договорила:

- Беру тебя в мужья!

Никифор поднялся с колена, подхватил невесту на руки, поцеловав, воскликнул:

- Посмотрите на мою будущую жену, лучше ее нет никого на свете!.. Обещаю любить Полюшку и беречь. Поставив девушку на пол, вынул из кармана красную бархатную коробочку, достал из нее перстень с большим изумрудным камнем, под цвет глаз любимой.

- Полина! Прими этот перстень-талисман. В день свадьбы надену на твой палец обручальное кольцо, а ты наденешь мне. Мы станем мужем и женой, а пока носи его в честь нашей помолвки.

Дальше все пошло, как по маслу. Свадьбу назначили через две недели, на Льняной Спас. Затем сваха предложила осуществить старинный обряд: пропить невесту. Предложение понравилось, гости и хозяева, усевшись за стол, приступили к желанному пиру.

Жених и невеста восседали во главе стола. Взявшись за руки, они что-то шептали друг другу. Слов никто не слышал, но, по сияющим лицам, было понятно – звучали обоюдные признания в любви.

- Полюшка! Какая ты красавица, взглянув на тебя, немного испугался, подумал: «Вдруг раздумает брать меня в суженые, тогда умру с горя без зеленоглазой ромашки». Обожаю тебя, спасибо, что дала согласие. Знай, все сделаю, чтобы ты была счастлива. Да, а как тебе мой сюрприз?

- Сюрприз удался на славу, Никиша, удивил, так удивил! Ждала бородатого Емельяна Пугачева, а на пороге появился красавец Ален Делон, только не с голубыми, а с карими глазами. Мои родители, как и я, тебя не узнали. Спасибо тебе, родной, за ромашки, за яблоко, а, главное, за выполненное обещание. Мне до сих пор кажется, что нахожусь в сказке, в которой чувствую себя безмерно любимой.

Время пролетело быстро, наступил день свадьбы. Не было на селе красивее пары. Они, действительно, чем-то напоминали пару белых лебедей, потому что любили друг друга так сильно, как умеют любить эти верные птицы.

Приехавшие за неделю на свадьбу сестра Марина с мужем Павлом были поражены красотой невесты и жениха. Марина делилась с младшей сестрой женскими секретами, которые узнала, выйдя два года назад замуж. Никифор подружился со старшим зятем, помогавшим ему советами в семейной жизни. Почти все село гуляло на свадьбе сначала у жениха, а потом у невесты. В этот день на земле появилась новая семья.

Первая брачная ночь принесла молодым море счастья!.. Они, не отрываясь друг от друга, пили сладкий мед супружеской любви. Казалось, даже луна светила заветной ночью намного ярче. Комната влюбленной четы была залита жемчужным светом и еще больше волновала их сердца, наполненные щемящими чувствами. Уютно устроившись на брачном ложе, Полина не сводила глаз с мужа. Ей, казалось, что знает суженого, целую вечность. Они так долго ждали этого момента – момента слияния душ и сердец. Растворившись, друг в друге, стали единым целым.

Сердце Полины перехватывало от избытка чувств. Она заглянула Никифору в глаза, затем обхватила руками мужественное лицо, благоговейно, ласково стала водить пальцами по его векам, скулам. Рассмеявшись, поцеловала упрямую ямочку на подбородке и завораживающе прошептала:

- Никишенька, родненький, я сильно-сильно люблю тебя! Мне так хорошо с тобой. Ты самый, самый, самый!.. Верь мне, я буду твоей берегиней до конца нашего жизненного пути.

Счастливый муж сжал в объятиях жену. Ему показалось, что теряет голову.

- Полина! – простонал он, водя по шелковистым русым волосам рукой. - Мне сейчас стало так страшно, а вдруг бы в тот августовский день, четыре года назад, я проехал мимо, не встретил тебя, мы сейчас не были бы вместе. Любушка моя, клянусь быть с тобой до последнего вздоха, верю тебе, солнышко, верю. Спасибо за твою светлую душу, любящее сердце, за чистоту помыслов и девичью верность только мне одному.

Выпалив все, что накопилось в душе, поцеловал любимую долгим нежным поцелуем. Не было этой ночью на земле счастливее двух молодых людей, чей союз скрепила настоящая Вселенская любовь.

(Продолжение следует).

***

Ощущаю дыхание ветра,
Ароматы сосенок и елей.
Он впитал на рассвете их где-то,
Отдыхая на хвойной постели.

Распластав свои крылья на ветках,
Задремал, растворившись во снах.
Все подвластно могучему ветру,
Силу духа обрел в небесах.

Прославляли поэты в былинах,
В мудрых сказках его и в легендах.
Он ласкал модных дам пелерины,
Песню нес от любимой Айвенго.

Ощущаю дыхание ветра,
Ароматы купавы и хмеля.
Он впитал на закате их где-то,
Пролетая над лугом в апреле.

***

Хожу, мечусь, как львица в клетке...
Мне не лежится, не сидится...
Смотрю в окно. Синица с ветки
Вспорхнула, чтоб воды напиться.

Синица – милая пичужка,
Хорош твой дом, он не имеет стен,
Встречай весну – свою подружку,
Меня же держит мой кирпичный плен.

Хотела бы летать под небом,
Садами любоваться день и ночь,
Питаться лишь водой и хлебом,
Ведь я природы истинная дочь.

***

Сибирских дождей отзвучала капель,
Озябшие листья сорвали ветра.
Последние тропки штрихует метель,
Сегодня в Сибирь возвратилась зима.

Вещает о царстве зимы свиристель,
Усевшись на алые грозди рябины.
Подружки сосенки и юная ель
Купили у вьюги на бал пелерины.

Родник замолчал
под стеклом изо льда,
Вечерней звезде о любви не поет.
Его не целует ночная звезда,
Апреля она с нетерпением ждет.

В апреле родник свою песнь прозвенит,
Откроет для мира сокрытую тайну.
Сейчас он грустит,
о любимой грустит,
Что ждет эту песнь
во Вселенной бескрайней.

***

Как же трудно прожить без любви,
Без ее лучезарной улыбки.
Затухают на сердце огни,
Не взывает к любви моя скрипка.

Не звучит больше нежная ля,
Не тревожит душевные струны.
Из-под ног уплывает земля,
Превращаясь в песочные дюны.

Собираю всю волю в кулак,
Сочиняю веселую песню.
Пропоет ее ветер-чудак,
А потом мы со скрипкою вместе.

Не могу я прожить без любви,
Жизнь становится неинтересной.
Зажигает на сердце огни,
Скрипка нотою ля в новой песне.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю щколу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол.

С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку.

С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи.

Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники...

В свободное время увлекается написанием рассказов, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

МЕДВЕДЬ

(Из студенческой практики)

История эта написана под впечатлением от встречи с однокурсниками. С главным организатором нашей встречи Геннадием мы не виделись с момента вручения дипломов и банкета по этому поводу в ресторане «Москва». Да и с Владиславом последний раз встречался более двадцати лет назад. Соответственно были и разговоры, и воспоминания. Была при этом не забыта и тема походов, практик, экспедиций, коими изобиловала наша студенческая жизнь в НГПИ на ЕГФ (эти аббревиатуры легко расшифровываются моими однокурсниками и всеми кто учился на этом факультете).

В годы студенческой молодости, нам, будущим учителям, много раз приходилось бывать на природе, закреплять теорию на практике, а практикой для нас было общение с природой. Незабываемое время.

Студенты других факультетов в аудиториях потели от суффиксов и префиксов, от соцреализма, от законов Ньютона, от высшей математики, от токарно-слесарных премудростей. А мы...

Мы в это время с рюкзаками, шатровыми палатками, закопченными вёдрами, спальниками и прочей походной амуницией выезжали на лоно природы, в окрестности или ещё дальше от цивилизации. С раннего утра рассматривали жилки листьев у растений или ловили сачками и садками беспозвоночных. Красота - одним словом.

Об этом можно рассказывать долго. Но вернёмся к основной теме повествования - практике. Точнее: практике по систематике растений, которую у нас вела молодая красивая женщина – кандидат биологических наук Эмилия Дмитриевна Крапивкина.

Далее в этой истории автор, такой же бывший студент параллельной группы, оставляет право называть всех её участников действительными именами и фамилиями и просит извинить его за неточности, так как прошло достаточно много времени.

Было это в середине июня, когда зелёное разнотравье обильно покрыло землю, а в одурманивающем воздухе стоял разноголосый птичий щебет и стрекот насекомых. Воздух в отличие от мегаполиса был терпким, с непередаваемыми запахами разнотравья, елей, сосен и, особенно, лип.

Так третья группа выехала на многодневную практику в липовую рощу в район Подкатуни. Липовая роща славилась эндемиками и реликтами третичной флоры - липой сибирской, которая чудом выжила на небольшом пятачке во время четвертичного оледенения.

Эмилия Дмитриевна была фанаткой систематики и студентам пыталась привить любовь к ботанике.

Кстати, Владик, ходивший с ней три года подряд в экспедиции, хоть давно расстался со школой (а у него восьмилетний директорский стаж), сохранил любовь к систематике растений до настоящего времени. Все это подтвердилось при последней нашей встрече, когда он, подполковник в отставке и директор ЧОПа с тридцатилетним стажем помогал «лечить» орхидею у жены друга, показывая при этом знания ботаники не хуже профессорских.

Итак, прибыли студенты на место, разбили лагерь, установили красно-оранжевую палатку-шатёр на живописном лугу у обрывистого берега речки Тёш. На другом берегу росли знаменитые липы.

Устроились, заготовили дрова, установили дежурство по кухне. Девчонки, собравшись в кружок, стали говорить о чём-то своём, женском. А парни... Да... парни нашли дело поважнее, так как решили навестить находящуюся в пределах видимости пасеку и раздобыть на вечер для всей компании медовухи, экзотического напитка для студентов.

Инициатором данного мероприятия, как всегда, выступил Анатолий, а по простому Толька Великжанин. Парень интеллигентного вида. Очки с тонкой оправой придавали ему какую-то утончённость, учёность и интеллигентность. Его фигура балерона и походка от бедра рассказывали о раннем увлечении балетом. Толик - студент, вечный организатор всех студенческих попоек, мальчишников и прочих весёлостей.

Его поддержали два неразлучных друга: Гена Алексеев и Лёшка Баранчук. Эти парни пришли в институт, успев поработать на КМК. Они знали жизнь в общагах не понаслышке. Всегда с собой носили гитару, а в общежитии не расставались с ленточным магнитофоном «Дніпро», который скрашивал весёлую студенческую жизнь. С магнитной ленты лились песни условно запрещенных бардов: Высоцкого, Клячкина, Караклаич и Марьяновича. Гена и Леша умели петь, рисовать, читать стихи и рассказывать разные истории про места, где они родились и жили. А как лихо они прикуривали сигареты.

В поход за медовухой присоединился и Саша Гаськов, энергичный парень. Саша недавно поселился в общежитии, но всегда знал наперёд всё, что может с ним произойти и мог извлечь из этого пользу, которая сразу же будет использована для компании. Гаськов умел из безвыходных, самых безнадёжных ситуаций найти выход, мог приобрести спиртное, делать деньги из брошенных двенадцатикопеечных бутылок. Он аккуратно подбирал бутылки, заворачивал их в газету и прятал в портфель к конспектам. Впоследствии, драгоценная тара сдавалась в пункты по приёму стеклотары и обналичивались, а деньги тут же тратились на приобретение веселящих напитков.

Не остался в стороне и Серёга Сапегин, добродушный малый, занимавшийся (небезрезультатно) штангой в спортивной секции Его постоянно мучили разные комплексы, которые он сам для себя выдумывал. Возможно, переживал он за свой вес, хотя ничего лишнего у него не было. Просто немного полноватый парень. Терялся он при ответах преподавателям, а это не очень приветствовалось последними. Комплексовал Сергей из-за своего чувства к одной девчонке с очень «редким именем» Галя, учившейся во второй параллельной группе.

Последним присоединился Владик Головин, самый мудрый, успевший до учёбы поработать шахтёром на шахте «Абашевская» и имевший подземный стаж. Рассудительный и практичный, не зря на первом курсе в комнате, где нас жило шестеро, он был казначеем комунны. Владик распределял деньги вложенные в общую кассу на питание на месяц (от стипендии до стипендии). Он выдавал средства на очередной день, говорил, что надо приготовить. Например, Генке он сказал однажды, чтобы приготовил борщ с мясом, и выдал всего восемьдесят копеек на мясо и хлеб. Как тот ни возмущался и убеждал, что этого мало, лишних денег не получил.

Пошёл Генка в магазин, видно упросил молоденьких продавщиц (а это он умел делать), чтобы продали побольше костей. Но борщ бал сварен и полностью съеден. При этом в знак поощрения Владька сказал, когда все были за столом, что борщ хорош, надо Гену дежурным ставить почаще.

Отблагодарил, называется.

Вот и на этот раз в поход Владик пошёл аккуратно одетым, в широкополой, с загнутыми по-ковбойски краями, шляпе и обутым в ладно сидевших на ногах кирзовые сапоги.

Фу!.. Написал вроде бы про всю эту компанию. Хотя давно некоторых из них не видел, а Лёшку с Толяном и вовсе на этом свете не увижу. Лёшка умер в расцвете сил. Умер ночью во сне от сердечного приступа Он работал тогда завучем в городском интернате. О смерти Толяна я узнал на этой встрече. Вечная им память.

Пришла эта компания к пасеке по скошенной, лежащей в валках уже подсохшей траве и расположилась под навесом, ожидая хозяина, занимавшегося в эту пору пчёлами.

Собака лайка встретила их громким заливистым лаем, потом успокоилась и легла у ног Сашки Гаськова. Видно он показался ей самым добрым и надёжным из всех пришедших.

Солнце зашло за гору, и всё стало приобретать вечерний вид: по долине потянуло сыростью, а от скошенной травы - душицей и прелью. Появился слабенький сизый туман.

Окончивший свою работу, подошёл неторопливой походкой хозяин. Положил дымарь и сетку. Не здороваясь, хотя пришедшие встали, приветствуя его стоя в знак уважения и будущих дивидендов. Спросил про Эмилию, видно точно знал, что только она одна может привести сюда шумную компанию студентов. Разговорились. Точнее разговор вели Лёшка и Толян, а остальные кивали головами и поддакивали. Знали, что на кону стоит будущая выпивка. Никто не мешал, этим двоим, вести разговор с пасечником. Тот, добрая душа, встал, сходил в дом, о чём-то поговорил с женой и вынес гостям под навес банку медовухи, один на всех чистый гранёный стакан, хлеб и зелень.

На его предложение угоститься, гости не стали отказываться. Толян с Лёшкой, на правах лидеров этого похода, быстро разлили вожделённый напиток, не обделив никого из присутствующих, исключая хозяина пасе-

ки, который отказался от выпивки.

Поговорив на разные темы, в том числе и о скошенном, лежащем в валках, сене на лугу и опушках. Предложили посуху убрать его в копны и сметать в стог. Встали и направились к лагерю. Оставшиеся Лёшка и Толян, после некоторой задержки, догнали ушедших. В руках у них был вместительный, судя по тяжести, отнюдь не пустой, алюминиевый бидон.

- Всё нормально. Как в аптеке. Медовухи выдал по двести грамм на человека, спросив, сколько приехало. Не ошибся.

Взбодрённые результатами похода, сохраняя от взглядов девчонок принесённый бидон, прошли в палатку-шатёр. Переоделись и подошли к оставшемуся с прошлых практик сбитому деревянному столу. В воздухе носились запахи будущего ужина. Девушки - эти будущие мудрые женщины, глянув на парней, тут же определили, что парни пришли навеселе и, судя по заговорщицким лицам, принесли коечто на вечер, для всей компании.

Эмилия, с пришедшей за ней женой пасечника, ушла ночевать к ним в дом, предупредив старосту о соблюдении всеми установленного порядка, оставив всю компанию ужинать и развлекаться.

И веселье началось. После ужина, была принесена гитара, а на стол поставлены импровизированные ударные: ведро и кастрюля от компота. Медовуху разливал Толян при свете костра, каждому и каждой, из мерной тары, громко предупредив о норме её выдачи пасечником. Под хохот, разные пожелания, при полном отсутствии отказавшихся, сей живительный напиток был употреблён по назначению.

Медовуха, растекаясь внутри молодых тел, ударила в головы и какой-то невесомостью - в ноги, вызвав безудержный смех и веселье. Шумное разноголосье стало понемногу затихать при первых аккордах Лёшкиной гитары. Постепенно все стали подпевать куплеты песен Визбора и Высоцкого - спутников всех кочующих. Напевшись и насмеявшись до хрипоты, стали понемногу укладываться на ночной отдых в шатёр с установленным посередине мощным шестом. Девчонки улеглись вглубь палатки, а парни с края от входа. Последним, как обычно, проверив стан, лёг у входа в палатку Владик, застегнув изнутри её от комаров. Понемногу, изредка возникавшие в разных углах смех, шёпот и разговоры стали утихать, уступив место сну.

Какой сон на природе у молодого здорового не обременённого никакими заботами студента? Сон - на матрацовках, набитых сухим, с одурманивающими запахами сухой травы, сеном. Сон - под звуки птиц неумолкающих в эту короткую летнюю ночь. Сон - под звуки цикад и кузнечиков, поющих свои свадебные песни в это короткое для их жизни время. Сон - приносящий бодрость и здоровье молодым, радующимся жизни людям, не тревожащихся пока ни о каком будущем. Сон - питающий их тела и души спокойствием и отдыхом.

Ах! Как сладко спится на природе молодым и здоровым.

Вдруг, какой то звук снаружи стал проникать в шатёр и разбудил наиболее чутко спящих. Хрипение, хруст, тяжёлое утробное дыхание - шаги зверя, не человека...

Звуки, попавшей под ноги посуды, не только разбудили, но и заставили всех проснувшихся прислушаться к ним, с тревогой толкать спящих рядом товарищей. Внезапно стихшие шаги стали приближаться и в шатёр снаружи кто-то сильный и неизвестный ударил так, что зашатался шест, а палатка конвульсивно задёргалась. Проснулись все и с тревогой стали вслушиваться в происходящее. Сна как не бывало. Те, кто ещё дремал и желал видеть внезапно прерванные приятные сны, после второго удара окончательно проснулись и стали прижиматься друг к другу ища защиты. Удары с методичностью продолжали наноситься неизвестным зверем: Топот, сильное дыхание, хрип, дикий рёв, удар, шатание шеста и дрожь палатки.

«Медведь пришёл», - эта мысль посетила всех. Ведь пасечник ещё вечером предупредил, что вблизи бродит медведь. Никто ему тогда не поверил.

- Байки для молодых, чтоб не шастали по ночам в тайге, - подумали ещё тогда ребята, не веря ни одному слову.

После очередного удара в палатку, шест, на котором она держалась, упал и все оказались укрытыми её полотном. Никто при этом не визжал, не кричал, будто страх полностью сковал их. А потом... потом начались уговоры девчонок и парней, чтобы кто-то вылез из палатки и отогнал этого наглого медведя.

«Больше ведь некому нападать в тайге». Так думали все. Но вылезать в неизвестность, в опасность, никто не хотел.

Так как Владик, волею судьбы и случая оказавшийся у выхода, кряхтя и чертыхаясь, расстегнул низ палатки и выполз из неё. Все с замиранием сердец следили за развязкой. Он же, вылез и в свете начинающегося рассвета, увидел то, что заставило его сначала хрюкать, а потом до коликов в животе хохотать. Вылезшая за ним следом в неизвестность девушка, видно не из робкого десятка, тоже сначала стала хохотать, повизгивая, а потом смеяться заливистым смехом. Находившиеся в упавшей палатке студенты тревожно прислушивались к их хохоту, не понимая причины его возникновения.

- Как же можно над медведем так смеяться?

При этом ничего тревожного те кто находился внутри палатки для себя не услышали. Слышали же они только громкий хохот двоих товарищей. Не понимая, что развеселило вылезших, тоже стали, кто передом, а кто задом, покидать палатку. От увиденного, присоединялись к смеху тех, кто находился снаружи. Остальные не задерживались внутри и изо всех сил, побыстрее пытались вылезти, посмотреть, наконец, что же вызвало такой смех и можно ли так смеяться над медведем ещё недавно, так яростно нападавшим на их палатку.

Владик стоял подбоченясь, как первооткрыватель, и смотрел на всех с геройским видом. Чего греха таить, ведь он первым вылез в неизвестность. Он ожидал увидеть свирепого медведя, который отстаивал свою территорию от пришельцев орущих, громко смеющихся, стучащих топорами, издающих необычные звуки и запахи, а обнаружил совершенно другое.

На их выцветшую оранжево-красную палатку напал не медведь, а двухгодовалый бык пасечника. Это парнокопытное на рассвете, увидело нечто красное, преградившее ему путь к дому, к хозяйской еде. Бык рассердился и решил немедленно расправиться с возникшим на его пути препятствием. Выбравшийся из палатки Владик отогнал его на безопасное расстояние от палатки. Представил, как трясутся от неизвестности его однокурсники, и расхохотался.

Отсмеявшись и отхохотавшись, поправили ребята шест, вновь установили палатку, потом все понемногу забрались в неё и продолжили свой отдых и прерванный сон.

Утром, придя в лагерь, Эмилия спросила причину возникновения предутреннего коллективного хохота в лагере. Услышав про медведя и приход быка, его нападение на палатку, тоже от души посмеялась. Ведь она была молода и возрастом ненамного отличалась от своих студентов.

КРУТАЯ РЫБАЛКА

На поездку за город времени в выходной день не было, и я решил попробовать рыбацкого счастья недалеко от дома, в черте города. Был март. Зима уступала свои права пришедшей весне. По утрам молодой ледок перехватывал реку в тихом её течении, а днём снег чернел, и вся грязь, собранная на нём за зиму, вытаивала наружу, что придавало природе не очень приглядный вид.

Рыбачить решил на временном мосту через речку, в простонародье называвшимся «Золотым», за его частые перестройки и ремонты после разлитов в весенне-летне-осенний период, когда разлившаяся вода, при очередном подъёме, разносила вдребезги настеленные брёвна и плахи, унося их по течению вниз.

Жители деревень, жившие рядом с ней, баграми вылавливали их и благодарили разгулявшуюся реку, ожидая очередного разлива и очередной порции бесплатного пиломатериала, так нужного, в хозяйстве.

На сей раз река давно не проявляла своего крутого нрава. Мост сильно разрушился от зимней эксплуатации. Нагрузка на него от проезжавшего автотранспорта была большой. Все сломанные брёвна и плахи просто сталкивались в сторону, в реку, и ожидали весеннего разлива.

В этих рукотворных заломах образовывались «окна», в которых можно было половить на зимнюю удочку, на мормышку сорную рыбу. Благо вода в них была глубокой, с утра ещё светлой и чистой. К обеду, стекавшие грязные ручьи с дорог и от таявшего снега, делали её мутной, и рыбачить уже нельзя было.

Решил и я попробовать порыбачить в этих «окнах». У моста. Сюда не надо было тащить тяжёлый ледобур-ложку, да и затупился он за зиму предостаточно. До этого, проезжая по дороге, я часто видел рыбаков на этом мосту.

- Просто так сидеть здесь не будут. Значит, рыба там есть.

За небольшое время, которое был на этих заломах, удачно «обрыбился», наловив краснопёрых чебачков, полосато-зелёных окунишек и несколько красноглазых сорожек. Рыбалка вроде удалась и немного радовала, за исключением проезжавших мимо любопытных, которые часто останавливались и спрашивали о результатах улова, с обязательным показом доказательств, а некоторые, с иронией, советовали идти куда-нибудь, подальше от этой грязи.

В это время на джипе подъехал мой знакомый, прилетевший на вертолёте с зимней рыбалки с верховьев Абакана. Остановился, поздоровался, расспросил о городских новостях и положил, в виде презента, пять крупных черно-спинных с иссиня-фиолетовым отливом, абаканских хариусов, приличных размеров, которые если и попадались в Кондоме, то это были редкие штучные экземпляры.

Решил я ещё немного побыть, и дождавшись мутной воды, уж тогда идти домой. Сижу, рыбачу. Иногда даю очередное интервью проезжающим, видно тоже рыбакам по натуре. В это время подъезжает директор КБО, мой бывший коллега по работе. В школах, вместе директорствовали когда-то. Мы с ним много раз ездили на зимние рыбалки. Остановился, вышел из машины, посмотрел на мой улов и лежащих хариусов. Удивился результатам. Сел в машину и уехал.

Немного погодя подошёл ещё один из местных рыболовов, проживающий недалеко от моста. Выбрал место, закинул удочку, а сам косится на мой улов и хариусов. Молчу. Он активнее стал облавливать и приближаться к моему месту. Результат – ноль. Я, закончив рыбалку, собрал рыбу, в том числе и подаренную, стал собираться домой.

Позднее мне говорили, что он недели две ходил на это место. Поймал ли такую же рыбу, которую видел у меня, не знаю. Но точно знаю, что стимул у него был, ведь он собственными глазами видел мой «улов».

г. Таштагол.

Александр ЩЕТИНИН

Александр Щетинин родился 14 декабря 1990 года в городе Таштагол. Образование: «Таштагольский горный техникум» и «Кузбасская государственная педагогическая академия» (города Новокузнецка), специализация - «Программное обеспечение». Работает в Таштагольском узле связи.

Литературным творчество, как сам сообщает: «Начал заниматься совсем недавно, началось это как-то спонтанно. Я просто решил записать свои мысли и что-то начало получаться...».

На собственном компьютере выпустил сборник своих стихов под названием «Излечи мою печаль» (состоящую из четырёх частей: о самых тёплых чувствах, о природе, размышления о жизни и военно-патриотическое); литературную композицию «ЗА РОДИНУ, ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ!».

* * *

Строками вычерчена нить,
Которая из света вьётся.
С улыбкой как-то легче жить,
Пусть тебе солнце улыбнётся.

И пусть улыбка на устах
Прекрасной нежностью искрится,
И пусть не будет ведом страх,
И радость пусть в сердцах родится.

И я хочу, чтоб мы всегда
По жизни больше улыбались.
Ведь все невзгоды - ерунда,
Мы просто больше их боялись.

* * *

Под ногами лёд замёрзший,
Апельсины фонарей.
Вместе бродим мы под ними,
Нам от этого теплей.

Говорим мы про театр,
Про поэмы, про кино.
Что «Войну и мир» читали,
Но уже давным-давно.

Говорим мы о высоком:
Маяковский, помнишь, жил?
Революцию воспел он,
Ей себя и погубил.

Как Есенин отзывался
О писателе Толстом
Вроде, говорил - боялся.
Уважал же всё ж при том.

«Мертвых душ» ещё, не помнишь?
Там вторая часть была,
И её бесовской кознью
Рука Гоголя сожгла.

Много тем для разговоров,
Множество своих идей.
Жить с искусством интересней,
Мы становимся мудрей.

Мы становимся чуть выше,
Открываются глаза.
От чего-то смех нагрянет,
От чего-то с глаз слеза.

Мы о многом говорили -
Вечер пролетел как миг.
Так и жизнь - цени моменты.
Проморгаешь и старик.

* * *

Добрых снов я желаю.
Гаснет в комнате свет.
Не пойму, засыпаю?
Разум в мысли одет.

За окном псы залают
Да ветра холодят.
И никто не узнает,
Потому что все спят.

И луна ликом бледным
Восстаёт из-за гор...
Трусом был или смелым?
Если трус - то позор.

Что-то может, не сделал.
Иль про что-то забыл.
Всё укроет снег белый,
Словно вовсе не жил.

Заметает тревоги,
Заметает беду...
Ты идешь по дороге,
И я рядом иду.

Словно явью наполнен
Сон в ночной тишине.
Мы идём по дороге
Наяву, не во сне...

* * *

В душе моей не гаснет пламя,
Я жив и это к вам пишу.
Очей прекраснее не знаю
И нашей страстью я дышу.

Пылает сердце с новой силой,
И в жар бросает от любви...
Мы есть и будем парой милой,
Для нас открыты все пути.

Прекраснее не знаю уст я,
И нет другой такой души.
Застывши в нежном поцелуе,
В морозной мы стоим тиши.

* * *

А за туманной дымкой гор,
В долине красочной реки,
Вдали виднеется закат,
И в тех краях свободны мы.

Вода реки чиста и хладна,
Кристальна, как слеза росы.
Природа там благоприятна,
В тени дерев прекрасны сны.

Где облака свой вес качают,
Где мерно ветер лист несёт...
Мы от тревог там отдыхаем,
Свободный дух в сердцах живёт.
И за туманной дымкой гор,
В долине сказочной реки,
Вновь разгорается заря.
Там всё равны: и я, и ты.

* * *

Конец апреля, солнце светит.
Теплом своим напоминает,
Что скоро лето. День весенний
Лучами сладко пригревает.

Весна свой век уж отживает,
Собою наполняя грёзы.
На древах почки набухают,
И капают у ивы слёзы.

А воздух ароматом нежным
Черёмухи наполнит цвет.
Что в мае так благоухает,
Его прекрасней сроду нет.

Июнь уже оплавит жаром,
Настанет у нас лето вновь.
Улыбку нам свою подарит,
Тепло своё, свою любовь.

Июль подходит к середине,
Погода хладна и мокра.
А на Купала шли дожди,
А в августе,
видать,
зима...

* * *

Хочу я рассказать о вечном:
Туманном взоре безупречном,
О склоне той горы скалистой,
Что вперила свой взгляд лучистый,

В искристый, полный цвета лес.
О мишке, что на кедр лез,
О мире шелеста травы,
О тех местах, где мы равны...

И о журчании ручья,
Водой поившего меня.
О чистом воздухе тайги,
О стане, что возле кедры...

О тех минутах и часах,
Что не приснятся и во снах.
Я в тех местах парю душой,
Тайга, ты в сердце, ты со мной!

* * *

Избитых тем избитые дороги,
Строкой вычерчивая пустоту миров.
Путей немало исходили мои ноги,
Но рано им в покои вечных снов.

Я буду жить, стремиться и идти
К прекрасной цели, к доброму огню.
Ведь чувства мои, друг, не зачерствели,
И сердце говорит мне вновь - люблю.

* * *

Сколько нас ни топили,
Сколько нас ни душили,
Мы всегда выживали
И по совести жили.

Мы вставали с колен,
Не боялись мы смерти.
Не сдавались мы в плен,
Да и жили по чести.

Волю вам не сломить,
Повоюем ещё.
Будем, Родина, жить!
Будет всё хорошо!

* * *

Доброй ночи желаю,
Укрывая теплом.
Солнце там где-то тает
За гористым бугром.

Над землей поднимаясь,
Красоты неземной,
В лёгком облаке манит
Лик луны молодой.

Звёзд искристых на небе
Зажигается свет.
Может, кто-то там машет,
Говоря нам: «Привет!»

Но мы спим и не знаем,
Что же есть там вдали.
Может, там тоже любят,
И летят журавли...

г. Таштагол.

Аделья МАЧКОВА

Алделья Леонидовна ушла, оставив после себя множество прекрасных стихов, таких ярких и сочных, что читающий ясно видил живые картины бытия. Лирические и философские, стихи о любви, детские...

Адалья была разноплановым поэтом и прозаиком. Каждое стихотворенье, каждая миниатюра несет в себе ее всеобъемлющую любовь к детям и внукам, природе и погоде, миру и Вселенной.

Её внутренний мир - это была целая Вселенная, наполненная добротой и умением помочь в трудную минуту.

И разливалось СЛОВО на просторе

Из родников сердечных, из глубин,
Как песня струн поющих, эхом вторя,
Соединялись звуки в ритм один.
И разливалось СЛОВО на просторе.

Как мало надо мне и очень, очень много...

Как мало надо мне
И очень, очень много...

Прислушаться к себе
в рассветной тишине.
За легким ветерком
узнать дыханье Бога.
Как мало и как много
для жизни надо мне.
А сколько раз в ночи
я думала об этом:
к закрытому окну
лишь руку протяни,
и ночь из темной вдруг
окажется рассветом.
Вновь полетят за ним
сияющие дни.
И в комнату мою
прольется запах розы,
Нас позовет с собой
невидимый простор
туда, где над землей
роняет счастье слезы,
лучами солнце ткет
невиданный узор...

Как мало надо мне
и очень, очень много...

Живу, как могу...

Живу, как могу,
как учили, как знаю.
Как было задумано
мной и не мной.
Я, словно прозрев,
понимать начинаю
зачем, для чего нужен
путь наш земной.

У Разума раньше
искала ответа.
И он мне уроки
давал без конца.
И это, наверное,
века примета –
живи и не думай,
что ждет у крыльца.

Земной путь закончен,
уйдешь в Бесконечность.
И жизнь повторится,
но новый виток.
Тогда не пугает
судьбы быстротечность,
И что не расцвел
еще чей-то цветок.

Но сердце земное
земного желает –
здоровья и счастья,
любви и на век.
Я думаю, каждый
об этом мечтает
пока он живет,
раз земной человек.

Из сказки создан был наш быт...

Сорвавшись с неба, как слеза,
Летит на землю бирюза.
Ловлю в открытую ладонь,
И зажимаю в ней огонь.
Скользят дождинки по спине.
Мы все купаемся в весне:
Весенний сад, наш старый дом,
И куст сирени за углом...

Из сказки создан был наш быт,
А в быте весь восторг забыт.

Пусть счастливой будет дорога

Не тревожь мое сердце, соседка.
Помолчи, говорить не надо.
У сосны качается ветка,
раскачалась от снегопада.

Раскачал ее белый снег,
осыпаясь с сосновой макушки.
Наклонилась,...и снега нет.
И теперь мы с сосной подружки.

С ней я тайной своей поделюсь,
ей скажу "волшебное" слово.
Постою, помолчу, засмеюсь,
может быть, и поплачу снова.

Белый снег, новый год. Поверь,
что надежды не может быть много!
Пусть откроется в "новое" дверь,
и счастливой будет дорога!

С нами слово говорило...

С нами СЛОВО говорило-
все, что суждено творило.
Разливалось песней звонкой,
вышивало нитью тонкой
на Просторе свой узор –
шитый золотом убор.

Все изменчиво в природе.
Мы оделись "по погоде".
Слово – "дождь", и мы
в сапожках.
Слово – "солнце" –
босиком.
"Встань, малыш" – и он
на ножках,
вот уже бежит
"бегом.
СЛОВО – звуков
проявление,
отражение, отражение...

Осторожней со словами.
Наши. Но играют с нами.

Нэлли Смирнова

Смирнова Нэлли Алексеевна родилась в 1946 году во Владивостоке, в семье военнослужащего. В десятилетнем возрасте вместе с родителями приехала в Прокопьевск. Здесь окончила художественную школу, горный техникум, затем факультет Изобразительного искусства Московского университета искусств.

Нэлли Алексеевна - активный участник прокопьевских литературно-творческих объединений «Маяк» и «Вдохновение».

Стихи начала писать в детстве, тематика её поэзии разная, в том числе и для детей. Выпустила пять сборников своих стихов.

***

О чем-то всё шепчет, деревья качая.
А воздух наполнился свежестью моря,
Встречай, наслаждайся, закаты и зори.
Природа влюбилась, ослепла от счастья,
Сентябрь, октябрь у лета во власти,
Дожди, холода позабыли дорогу
И зимнюю тоски отогнали тревогу.

Прокопьевску – юбилейному

Прекрасную осень, тепла не жалея,
Природа дарила в честь юбилея.
Прокопьевску восемь десятков во славу,
Гордимся и любим свой город по праву.
Здесь выросли дети шахтёров и внуки,
Все заняты делом, не знаем тень скуки.
Нам парки и скверы открыли объятья,
Срывает с ветвей ветер яркие платья,
Движеньем порывистым лист поднимая,
Приятная осень всей жизни настала,
И в честь юбилея «люблю» прошептала.

«Эверест» на проспекте

В синь неба, верхушками крыш упираясь,
Стоит «Эверест», в лучах солнца купаясь.
Рассказ не про горы ведём, мой читатель,
О доме большом, где живёт обыватель.
С проспекта Строителей речь поведём,
Где чудная жизнь у соседей кругом.
Февраль утопает в снегах и морозах,
Витрин манекены в торжественных позах.
Весь первый этаж занят под магазины,
Магнитом прохожего тянут витрины.
Прокопьевска - лучшее место под солнцем,
Жизнь как на экране видна из оконца.
Здесь сосен посадки, детей городок,
Футбольное поле, зимою - каток,
И рынок - напротив, за соснами – храм,
Где звон колокольный с утра, к вечерам.
Аллея героев, где танки стоят,
А ниже – фонтан - всё для наших ребят.
Для старших людей
там фокстроты трубят,
Оркестры играют, и песни звучат!
Вот диво какое у стен «Эвереста»,
И вы не найдёте прекраснее места!

Город - глазами поэта

Люблю бродить по городу родному
В час тихий, когда светят фонари,
Прислушиваясь к говору живому,
Пульс города, мне тайны подари.
От «Эвереста» вдоль аллеи Славы,
Где броня танков стынет в тишине,
Напомнит время прошлое державы,
Картины боя – память о войне.
Ряд стройных сосен заманит ветвями,
Я в них гуляю летнею порой,
Там землянику собирать горстями
Когда-то приходилось нам с тобой.
Поутру, когда лучики зарницы
Осветят синевы небесной высь,
Где облака, что нити кружевницы,
Пленит Ярило, день на радость длись.
По Тыргану гуляем,- путь не близок,
Чтоб обойти всё вдоль и поперёк.
Нам встретилась аллея из берёзок,
И мальчик с клеткой, где сидел зверёк.
Знакомый город дорог каждой веткой,
Фонтанов, памятников всех не счесть,
Восторг от вернисажа - нам с соседкой
Стихов прекрасных порождает сеть.
Идёт маршрут по кругу путешествия,
К фонтану вышли, чтобы отдыхать.
Зрим мам с детьми и молодости действия,
А волшебства паденья струй не передать!
Здесь танцы в выходные дни - всё лето
Стареть нам не дадут, лишь молодей!
Наш город дорогой, тебя за это
Благодарим, роди каскад идей!

Майский сюжет

Под окном листочки блещут на ветру,
Подбираю краски и гляжу в оконце.
К фону просини белил и ультрамарин.
Подмалевок просится будущих картин.

Желто - виридоновой напишу листву,
Написать картину станет по нутру.
Ожила природа, распустила прелести.
При любой погоде набирайся свежести.

Брызнул лёгкий дождик, выглянуло солнце
Речки отражение, цветики, траву.
Радужные краски на палитре яркой
Явь родят и сказки от работы жаркой.

Строятся сюжеты дивные, природные
Под рукой художника чудо - превосходные.
А на завтра глянешь на свое творение,
И под строгим взглядом чуешь привидение.

Если не оценит, дыхнёт тенью гневной
Вечный наблюдатель сферы ежедневной.
Снова на палитру ты наносишь краски,
Пишешь кропотливо, да не без опаски.

Снегопад предновогодний

На фоне сиреневой дымки заката
Берёз белоствольных заснеженный вид.
Пихта забралась в шапки снега богато,
Округа закутана в зимний прикид;

Дороги засыпал, постройки и хаты,
Тропинки и гнёзда, и норы зверей.
И взрослым, и детям пора брать лопаты
И снег убирать до прихода гостей.

На пир новогодний готовятся гости,
И шьётся снегурочке новый наряд,
А Деду Морозу мил стук его трости,
Сбегаются звери, он каждому рад.

В заботах Мороз приготовит подарок,
И доброе слово, и ласковый взгляд.
Оденется ёлка в огни ярких красок,
Даст праздник весёлый сил новых заряд.

Снегурочка

Снегурочка в мир появилась из сказки,
Живёт она много столетий на свете.
Волшебная девочка строит вам глазки,
Всю зиму резвится, мечтая о лете.
Создание нежное, с льдинкою в сердце,
Подарит веселье на сотню минут.
Душа холодна, не добавите перца,
Простудишь нутро от таинственных пут.

В книге «Прокопьевск ...в летописях», увидевшей свет в конце 2013 года, в разговоре о времени зарождения ближайших к Кузнецку поселений высказана мысль о «непонятности логики в заселении государством осваиваемых территорий и принципе наделения землёй, конкретных поселенцев на ней».

Не имея в руках каких-либо исторически достоверных документов по сути освещаемого, автор начал выстраивать свою версию, опираясь лишь на информацию, полученную из «Книги государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям» (сокращённо - «кузнецкие списки») (7178 – 7187/1670 – 1679 г.г.). И как показало время, немногим позднее того, как увидела свет книга, при опоре на сугубо косвенный источник думается, движение мысли в книге шло в правильном направлении. Подтверждением сказанному является очередной документ, опубликованный в разделе «Архивные и мемуарные источники» - выпуск №4 историко–документального издания «Из Кузнецкой старины» (изданного в том же 2013 году).

Автором публикации является Добжанский Виктор Николаевич (кандидат исторических наук, доцент кафедры общей истории России Кемеровского государственного университета), и называется документ «Об увеличении государевой пашни Кузнецка».

По сути, названный документ представляет собой два рукописных документа, обнаруженных в «РГАДА» (Российском государственном архиве древних актов).

О начале хлебопашения в Кузнецком...

Документ первый:

1629 г., не ранее мая – Отписка кузнецкого воеводы С. А. Языкова - царю Михаилу Фёдоровичу о принятых им мерах по расширению государевой пашни:

«Государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Русии холоп твой Савка Языков челом бьёт.

В прошлом, государь, во – 136-м году (1627 году – А.Г.) маия в 21 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Фёдоровиче всеа Русии грамоте писано ко мне, холопу твоему, во 135-м году (1626 году – А.Г.) августа в 27 день писал к тобе, ко государю, к Москве ис Кузнецково острогу прежней воевода Федор Голенищев Кутузов. В прошлом ж во 134-м году (1625 году – А.Г.) в Кузнецком остроге устроил он, Федор, твою государеву пашню, что пахали ж прежния воеводы Тимофей Бабарыкин да Осип Оничков, да Овдоким Баскаков под острогом на левой стороне подле камень. А впредь де твоей государевой пашни в том месте прибавити негде, посторонь твоей государевы пашни пашня твоих государевых служилых людей, конных и пеших казаков, да пашня попа Ивана Иванова. А те казачьи пашни и поповская пашня с твоею государевою пашнею смежна, с одново под острогам и опричь тех казачьих пашен и поповские пашни блиско острогу устроить твоей государевой пашни негде. А до елани от острогу до твоей государевой пашни, что он, Федор, вновь распахал версты з две. А те казачьи пашни и попова пашня под острогам и пот пашенною слободою смежна с твоею государевою пашнею.

И в нынешнем, государь, во 137-м году (1628 году – А.Г.) маия в 1 день по твоей государевой царевой и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте сыскивал я, холоп твой, и дозирил подли пашни в правду, и ближе тех пашен кузнетцких конных и пеших казаков и поповския, пашни блиско Кузнецкаго острогу нету. И я, холоп твой, по твоему государеву указу и по грамоте, которыя ближния роспашные земли отписал на тобя, государя, к твоей государевой пашни смежна, у попа Ивана Иванова взято, посеена в двух местах рожью три десятины без четверти, да распашныя ж земли взято в четырёх верстах шесть десятин и велел тое поповскую роспашную землю пахати твоим государевым пашенным крестьянам на тобя на государя. А тот поп Иван Иванов ис Кузнецкого острогу взят в Тоболеск.

А у твоих государевых служилых людей сыскивал и дозирал подлинна и отписал ближнею пашню на тобя, государя. И те кузнецкия служилые люди били челом тобе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и принесли ко мне, холопу твоему, в съезжою избу челобитную, а в челобитной их написано, чтоб ты их, государь пожаловал, велел им дати в то место на отмену. И я, холоп твой, давал им за ту роспашную их землю в то место твоеи государевои еланныя земли. И те кузнецкия служилыя люди еланныя земли не взяли, а просят они новые роспаши, что роспахал Федор Голенищев Кутузов, и что роспахал я, холоп твой, а та, государь, новоя роспашная земля годна тобе, государю, и хлеб на той земли родитца. И я, холоп твой, ту их челобитною, потклея пот сею отпискою, послал к тобе, ко государю, к Москве. И о том, государь, как ты укажешь. А впредь, государь, твоей государевы пашни прибавити негде, потому будет от острогу далеча.

Документ второй:

Государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичю всеа Русии.

138-го октября в 6 день подал Кузнецкого острогу казак Петрушка Михайлов.

1629 г., не ранее мая 1. – Челобитная кузнецких казаков царю Михаилу Фёдоровичу о даче им новой земли вместо взятых воеводой С.А.Языковым их пашен под государеву пашню:

«Царю государю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Русии холопи твои государевы Кузнецкого острогу конные и пешие казаки Володка Оверкиев, да Гришка Онтонов, да Мартьяшко Онтонов, да Томилолко Ларивонов, да Завидка Ларивонов, да Тишка Дементьев, да Петрушка Дорофеев, да Шестак Яковлев и во всех товарищев своих место. Послана, государь, твоия государева грамота в нынешнем во 137-м году о розпашных местах, о пашнях, велено от нас взяти ближные пашни у города на обмен и воевода Сава Олександрович Языков, собрав нас в съежжуию избу по твоей государеве грамоте, и прошал у нас земли роспашные и мы тебе государю роспашнуию своию землю давали, а прошали мы твоиеи государевы роспашные дальние земли на отмену и воевода нам твоеи государевы роспашные земли не дает на отмену. А нам, государь, ставилася роспашная земля рублев в пять десятина в прежние годы, как зачинали распахивати и кони мы купили сначала рублев в пятнатцать и боле.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожалуи нас холопей своих, вели государь, против наших роспашных пашен оторать пашенным крестьяном. Царь государь смилуйся пожалуй.

К сеи челобитной Володка и руку приложил. К сеи челобитной Мартьяшка и руку приложил».

(РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Стб. 10. Лл. 136 – 137. Подлинник).

Пояснения:

- Еланные земли – лужайки поросшие травой в лесистой местности. Попросту говоря – не паханные целинные земли, поросшие, в том числе и лесом;
- Оторать (орать) – отпахать (пахать).

Первое, что стало понятно из сути текстов приведённых документов, так это то, что распахивать землю в районе Кузнецкого острога начали в первом десятилетии (после основания острога), «государева пашня» была организована в 134 (1625) году. А к маю месяцу 138 (1629) года (то есть, через 11/12 лет после основания Кузнецкого острога) свободной земли, пригодной для распашек под хлебные поля, вблизи острога уже не было.

Второе: царь требовал от кузнецких воевод увеличения «государевой пашни»; воеводы, исполняя указания царя, вынуждены были не только распахивать под «государеву пашню» елань (целину), но и переписывать в разряд «государевой пашни» «освободившиеся» распаханные земли (к примеру, земли попа Иванова), частично отбирались ближние распаханные земли и у казаков.

Третье: казаки после изъятия своих распаханных земель выражали недовольство воеводе; жалуясь царю, просили, чтобы отнятые у них распаханные ближние земли заменяли им равноценными распаханными же дальними землями, отведёнными под «государеву пашню». Или же, просили они, чтобы выделяемые им дальние «еланные земли» распахали «царские - государственные крестьяне».

Вывод:

«Прикладывая» новую полученную информацию как палетку на ближние - «дальние» поселения от Кузнецка (Калачёво, Лучшево, Усово/Усяты, Терентьевское и другие, названные в отчёте Миллера Г.Ф.,), можно с высокой степенью вероятности предполагать, что поводом к возникновению (в 1630-е/1660-е годы) названных поселений послужило именно отсутствие пригодных под распашку земель поблизости от Кузнецкого острога после 1629 года.

Вероятно, эта же причина (только теперь наоборот - отсутствие пригодных под распашку земель) явилась основой тому, что возникновение поселения Зенково, хотя и более близкого к Кузнецку, но «зажатого» с обеих берегов Абы горами, «ушло» на более поздние годы, в сравнении с более дальними поселениями: Лучшево, Монастырское (Прокопьевское), Усово (Усятское) и другими... О чём будет говориться и в следующем разделе.

О первых дорогах Кузнецка

Если рассматривать всё, что окружает человека как какой-то единый живой организм, то задачи и функции, которые выполняют в этом организме дороги, люди издавна называют артериями этого организма.

Из преданий, касавшихся старых дорог, проходивших в районе села Усяты, известно, что в том районе, где ныне расположено Усятское кладбище, раньше проходила дорога, шедшая из села Ильинское (недалеко от Лучшево и Усятского) в сторону нынешних посёлков Школьный и Егултыс. Далее эта дорога шла в сторону селения Бачаты и далее - в Томск.

Занимаясь изучением карты «Кузнецкого города» (Ремезова С.У.), как-то интуитивно пришёл к выводу, что названная выше дорога не являлась единственной и первой дорогой из Кузнецка в Томск. Поскольку на карте (пусть и весьма схематично, и приближённо) указана точечным пунктиром явно не усятская дорога. Позднее по географическим картам и иным документам, датированным 1860-ми годами и немногим позднее, понял, что дорог было как минимум две: первая – названная выше дорога, вторая из Ильинского в сторону нынешнего посёлка Терентьевский и далее.

В своей работе «Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года» (Историко-документальное издание «Кузнецкая старина», выпуск № 5, стр. 86 – 108, Новокузнецк, 2003 год) Иоганн Георг Гмелин сообщает:

«11 августа 1734 года в 9 часов утра мы благополучно прибыли в Усть-Каменогорскую крепость (проехав 6156 вёрст от С. – Петербурга)...

Из деревни Калтирак (ныне Алтайский край, недалеко от нынешнего города Ленинск-Кузнецкий) через деревню Брюханова «(...8 сентября) в 11 часов прибыли в деревню Бачатскую... Отсюда, как и от Калтирака, дорога шла степью до самого Ильинского погоста... В пути нам по прежнему встречались различные могильники; особенно много их было слева от деревни Бачатской, неподалеку от неё...

На следующий день (9 сентября) к полудню мы доехали до Ильинского погоста (7023 версты от Петербурга)... Напрямик сюда от Бачатского ездят только летом, зимой ездят по другой дороге, которая находится левее; при этом имеется то удобство, что в пути попадаются деревни. Летом же из-за множества болот эта дорога становится непроезжей...».

Таким образом, как видим, в 1734 году из Кузнецка в сторону Томска было две дороги: первая (сокращённо) шла через Ильинское, Терентьевское, Соколово...- Бачатская и далее; вторая - Бунгур, Калачёво, Лучшева, Монастырское, Усятское, Карагайлинское, Бачатская и далее.

Учёная экспедиция из деревни Бачатской, наверняка, поначалу ехала по Бунгурской дороге, в районе нынешнего посёлка Карагайлинский переехала в деревню Соколово (вероятно, ныне не существующую), далее Терентьевское... Ильинское.

Причём, подчёркивается, что изначально Бунгурская (или Монастырская) дорога шла из Калачёво в Лучшево (а не в Зенково, как в несколько позднее время и теперь), что подтверждается проектно-геодезической картой (переселенческой), выпущенной (ориентировочно) в начале 1900-х годов.

Далее необходимо отметить то, что в книге «Прокопьевск...в летописях», приводя «Список всех русских деревень, относящихся к Кузнецкому уезду», из работы Миллера Г.Ф. «Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года» («Кузнецкая старина», выпуск № 5, стр. 79, Новокузнецк 2003 год), автор предполагал, что промер расстояний между отмеченными населёнными пунктами выполнялся членами названной научной экспедиции. Оказывается, нет, члены экспедиции, исследуя территории, «реэстры» вели, но промеры расстояний между населёнными пунктами и промеры дорог, в том числе названных, были сделаны до них. И учёные эту информацию, конечно же, знали, поскольку они так уверенно указывают в своих отчётах расстояния, на которые удалились от столицы Российского государства (того времени), города Санкт-Петербурга. О чём и поговорим далее.

В выпуске № 3 историко-документального издания «Из Кузнецкой старины», увидевшей свет в 2012 году, опубликована научная статья «Об измерении между Томским и Кузнецким дороги» (1721 г.). Автором статьи является названный выше Добжанский В.Н., в статье наряду с прочей информацией об обсуждаемом сказано (в сокращении):

«...После основания весной 1618 года в земле абинцев Кузнецкого острога между Томском и Кузнецком начались регулярные сообщения. С мая по октябрь эти сообщения осуществлялись по воде реки Томь, зимой, видимо, по льду реки Томь. Однако достаточно рано появилась необходимость в круглогодичном сухопутном маршруте. В 1622 году в Казанском приказе «боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому, да диакам Ивану Болотникову, да Фёдору Опраксину, да Офонасию Истомину Томсково города казаки Ивашко Володимирец с товарищи в распросе сказали: Кузнецкий де острог стоит на Томи реки, а ...сухим путём ис Кузнецково острогу до Томсково города 10 дён ходу». К сожалению, в документах нет описания этого пути. Не сохранились и чертежи таких маршрутов, если они существовали. Лишь на чертежах Томского и Кузнецкого уездов из атласа С.У.-Ремезова указана очень схематичная дорога из Томска в Кузнецк, датируемая не ранее 1697 годом. По этим чертежам крайне сложно выявить указанный путь, его особенности и расстояние. Можно лишь предполагать, что основные участки этого пути сложились уже в первой половине 17 века.

В этой связи несомненный интерес представляет публикуемый нами документ 1721 года. «О измерении между Томским и Кузнецким дороги». Из текста документа следует, что 30 мая 1721 года в Кузнецкой канцелярии было получено распоряжение губернатора Сибири князя А.М.Черкасского, которым предписывалось произвести измерение дороги от Кузнецка до Енисейска. Выполнение царского указа было поручено кузнецкому дворянину А.Мельникову. Однако это поручение не было выполнено по той причине, что в отписке сибирского губернатора не было указано, какую из двух дорог, которыми ходили из Кузнецка в Енисейск, следует мерить. Между тем, как следует из доношения, 15 сентября 1721 года в Кузнецкую канцелярию был подан «Реэстр» об измерении дороги между Томском и Кузнецком с указанием всех расположенных на этой дороге населённых пунктов.

Измерение расстояния между городами стало следствием указа Петра 1 о замене 1000-саженной версты, которая была узаконена Соборным Уложением 1649 года, 500-саженной... Об этой сажени упоминает С.У.Ремезов в описании чертежа «всех сибирских городов и земель»: «195-го (1687) году июня в 16 день по указанной грамоте великого государя тобольский сын боярский Любим Заяцев мерял государевой печатной саженью, клал в версту по 1000 сажен».

Система мер длины, сложившаяся в Русском государстве к концу 17 века:

- Верста межевая=2 верстам путевым=1000 саженям=2,160 км.;
- Верста путевая=500 саженям=1,080 км.;
- Сажень=3 аршинам= 12 четвертям=48 вершкам=216 см.;
- Аршин=4 четвертям=16 вершкам=72 см.

В связи с привязкой русской системы мер к английской (футам и прочее), в годы правления Петра-первого, величины единиц русских эталонов длины, и прочее, уменьшились, приблизительно на один процент. Сажень стала равняться=7 футам = 213,36 см.; аршин стал равняться=7/3 фута=711,2 мм. Эти изменения привели к уменьшению версты с 1080 м. до 1067 метра.

В марте 1721 года Д.Г.Мессершмидт (первый учёный исследователь Сибири), проезжая через Барабинскую степь в Томск, отметил, что «вёрсты здесь не вымерены и местные жители считают расстояния только в днях пути, которые, однако, неодинаковы, так что невозможно в связи с этим сверить (эти вёрсты)», кроме того, зимой и летом расстояния вычислялись по-разному...».

Отмечается, что исследователи, картографы и геодезисты, составляя свои отчёты, кроме всего прочего использовали и сведения местного населения. При этом отмечается и то, что если по каким-то населённым пунктам не хватало сведений для внесения их в «реэстр», то эти населённые пункты туда просто не вносились, кроме того встречается и путаница с названиями. Последнее, в том числе и по той причине, что многие населённые пункты, имели по два названия:

«От деревни Коноваловой дорога поворачивала на юго-восток, к верховью реки Ускат, где в устьях её левых притоков речек Кольчегиза и Тыхты находилась деревня Терентьева (сейчас село Терентьевское), первоначальное название которой в «реэстре» - Терёхина...

От деревни Терентьевой дорога шла по левому берегу реки Ускат до деревни Анисимовой, затем по правому берегу до деревни Недорезовой... Деревня Красулина, отмеченная ещё на карте С.У.Ремезова, в «реэстре» отсутствует... Далее дорога шла степью до села Ильинского (Красноярского).

В Красноярском (Ильинском) была переправа через реку Томь. Следующим населённым пунктом по дороге был Рождественский монастырь, дорога к которому шла по правому берегу реки Томь, через деревню Антонову, верховье речек Чёрной и Чесноковки. От монастыря до Кузнецка расстояние было всего две версты...

Сопоставляя данные из «реэстров» томского дворянина Н.Прокофьева (измерявшего дорогу), с данными карты С.У.Ремезова, выявляются несовпадения, которые говорят о том, что к 1721 году маршрут дороги несколько изменился и отличается, от прежнего».

Вывод:

Таким образом, из вышесказанного получается, что информация, изложенная в отчёте Миллера Г.Ф. в сентябре 1734 года (список всех русских деревень, относящихся к Кузнецкому уезду), произрастает не из 1734 года, а из 1721 года (на 13 лет раньше), отчего с большой долей вероятности можно предполагать, что большинство из названных населённых пунктов зародилось несколько ранее обозначенного теперь уже 1721 года. То есть - в 17-м веке, где-то в 1630-е/1690-е года.

О начале заселения Кузнецкого края

Всех, кто обладает хоть малой информацией о начале заселения территории, на которой ныне расположена Кемеровская область, интересуют события, связанные с зарождением и строительством Кузнецкого острога в 1617/1618 годах. Откуда само собой вытекает и то, что первыми поселенцами названной территории были служилые люди, которые и острог строили, и первыми селились в нём и рядом с ним.

В историко - документальном издании «Кузнецкая старина» № 6, увидевшем свет в 2004 году, опубликована научная статья «О начале формирования кузнецкого гарнизона», автором которой является заместитель директора Новокузнецкого краеведческого музея по научной работе Пётр Петрович Лизогуб. В статье (приводимой в сокращении) говорится:

1. «Появление Кузнецкого острога (Кузнецка) в верховьях реки Томи в 1618 году было вызвано двумя важными обстоятельствами:

необходимостью создания опорного пункта для сбора ясака (главным образом пушнины) с местного населения;

2. Сложностью внешнеполитического положения Русского государства на юге Западной Сибири во второй половине 1610-х годов, когда требовалось более жёстко и чётко обозначить русское военное присутствие в этом регионе и закрепить за собой новые ясачные территории.

Поэтому неслучайно первыми жителями Кузнецка были служилые люди, в многочисленные обязанности которых помимо военных функций входила необходимость сбора ясака. Костяк служилого войска в Сибири составляли казаки – пешие и конные – и возглавлявшие их десятники, пятидесятники, сотники, атаманы, а также «дети боярские» - старшие командиры служилых людей.

Кузнецкий острог, основанный весной 1618 года отрядом томских, тюменских, верхотурских казаков и находившихся на русской службе татар, был небольшим. Первый кузнецкий гарнизон состоял всего из 10-ти человек. Все они были годовальщики, то есть должны были в течение года служить в Кузнецком остроге. Такие своеобразные командировки военных из одного города (острога) в другой были весьма распространены в Сибири в 17-м веке в силу постоянного дефицита служилых людей, особенно в приграничных поселениях (Томск, Кузнецк, Красноярск и других).

В обязанности томских воевод вменялась ежегодная посылка в Кузнецк до 50-ти казаков, а также присылка дополнительных сил в случае возможного нападения кочевников (белых и чёрных калмыков, енисейских кыргызов и других) на острог.

Практика посылки томских годовальщиков в Кузнецк прослеживается вплоть до конца 1670-х годов. Но уже в первые годы существования Кузнецкого острога начинает формироваться на постоянной основе собственно кузнецкий гарнизон...

...К 1624 году данная категория служилых людей уже сложилась в весьма многочисленную группу – 59 человек...

Следовательно, формирование собственно кузнецкого гарнизона началось не позднее лета 1620 года...

Столь раннее появление непосред-

ственно кузнецкого служилого гарнизона не должно удивлять. Дело в том, что томские годовальщики – поначалу единственный, а с 1620 года основной дополнительный источник формирования кузнецкого гарнизона – представляли собой весьма ненадёжный и беспокойный контингент. С одной стороны, особенно в первое время, томское руководство зачастую не стеснялось прибегать к искусственной задержке в отправке годовальщиков в острог как к элементу силового давления на кузнецких воевод в решении вопроса об административной подчинённости Кузнецка Томску. С другой стороны, сами томичи нередко отказывались идти на «годовую» в Кузнецк до тех пор, пока им не будет выплачено их полное жалование, что в сибирских условиях выполнить всегда было трудно.

Кроме того, годовальщики, верховное начальство которых – томские воеводы – находились далеко, в Томске, чувствовали себя в Кузнецке более независимо в отношениях с местными воеводами, чем собственно кузнецкие служилые люди. Достаточно вспомнить конфликт лета 1620 года, когда годовальщики отказались выполнять распоряжения кузнецких воевод и даже избили одного из них.

К тому же уже в 1620-х годах фиксируются случаи, когда при отправке в Кузнецк томские служилые люди «в своё место посылают детей своих и племянников, которые в государеву службу не годны. И ноймут в своё место гулящих людей, и те гулящие люди из Кузнецкого острогу з государевы службы бегут в Томский город».

Все эти обстоятельства могли крайне отрицательно сказаться как на объёмах собираемого ясака, так и на боеспособности важного в политическом и стратегическом отношении Кузнецкого острога. Поэтому центральные власти уже с первых лет существования Кузнецка начинают формировать собственно кузнецкий военный гарнизон. Его ядро составили казаки – строители острога, набранные и повёрстанные на службу в городах главным образом северо-восточной части европейской Руси и присланные вместе с воеводой О. Аничковым.

Многие из названных казаков оставили заметный след в истории Кузнецка 17-го века. Например, Т. Дементьев, К. Офонасьев, Г. Тузовский, И. Путимец и некоторые другие стали основателями целых семейных кланов кузнецких служилых людей. П. Дорофеев, обозначенный в нашем источнике ещё как рядовой казак, к концу 1620-х годов становится десятником, а к концу 1640-х годов – казачьим атаманом, возглавлявшим многие военные походы...

Приложение:

Список с кузнецких имянных книг 132 (1624) году, что кому дано в государево царёво и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси и денежного жалованья на нынешний 132 год по окладу их.

Кузнецкого острогу пешие казаки:
Десятники – четыре человека;
Рядовые – двадцать три человека.
Прибраны по отпискам из Тоболска боярина и воеводы князя Юрия Яншеевича Сулешова гулящие люди – двадцать человек, среди которых назван Ивашко Бедарь.
Присыльные черкасы, которые присланы в Кузнецкий острог ис Тоболска в конные казаки – пять человек, среди которых Гришка Тузовский.
Присыльные ж пешие черкасы – шесть человек.
Ружники:
Московский (богородский?) архангельский ключарь Иванко Иванов;
Подъячий Родка Савин;
Кузнец Петрушка Яковлев».

Таким образом, из всего сказанного напрашиваются выводы:

- первое, это то, что первые постоянные русские поселенцы в Кузнецке появились в начале 1620-х годов, в 1624 году Кузнецкий гарнизон был уже сформирован непосредственно из своих служилых людей;

- второе, землепашеством в районе Кузнецкого острога служивые люди начали заниматься почти сразу же после своего поселения в этих местах, государева пашня в районе Кузнецкого острога была организована в 1625 году, а в 1629 году свободной земли (пригодной для распашки) поблизости с Кузнецким острогом уже не было.

В связи с чем воевода, исполняя указания царя об увеличении «государевой пашни», вынужден был переписывать в этот разряд распаханные уже земли: вначале выбывающих из Кузнецка своих служилых людей (в частности, попа Иванова и других), затем и некоторых не выбывающих служилых людей;

- третье, в связи с тем, что после 1629 года свободных и пригодных под распашку земель поблизости с Кузнецким острогом не осталось, служилые люди начали просить (у царя и Кузнецкого воеводы) выделения себе ближних еланных земель. Которыми являлись земли плоскогорий в районе будущих поселений: Калачёво, Лучшево, Прокопьевское, Усятское, Терентьевское и других;

- четвёртое, одним из первых (своих) поселенцев на Кузнецкой земле был сосланный из Черкас казак Григорий Тузовский (основавший в Кузнецке большой род кузнецких служилых людей - Тузовских, представители которого в недалёком будущем поселятся в селении Усово (Усятское);

- пятое, в различных современных исторических источниках, в упоминаниях о первых поселенцах Кузнецка упоминаются два «фигуранта» со смысловым обозначением, якобы одного и того же лица: Ивана Бедаря и Ивана Бедарева.

В данном документе сказано, что Ивашко Бедарь прибран из «гулящих людей» города Тобольска в 1624 году. А в «Книге государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям» (1670 – 1679 г.г.) назван Ивашко Бедарев (Черкашенинов): «Основатель известной династии кузнецких служилых людей и одна из самых колоритных личностей служилого мира.

Родом «черкесской породы», после Смуты при царе Михаиле Фёдоровиче отъехал к Москве и в 1641 году прислан из Томска в Кузнецк в конные казаки, в 1661 году он стал пятидесятником, а в 1671 году атаманом конных казаков... Умер в 1680 году. Сыновья Григорий и Иван».

Хотя, в общем - по годам службы, Ивашко Бедарь (верстанный в казаки в 1624 году из «гулящих людей») мог стать (мог быть названным) Иваном Бедаревым и прожить в Кузнецке до 1680 года (56 лет).

Однако же, вероятнее всего, это два разных человека, поскольку Ивашко Бедарь верстан в казаки в 1624 году из «гулящих людей» Тобольска, а Ивашко Бедарев (Черкашенинов) родом черкесской породы, он, как и Григорий Тузовский из Черкас (то есть, вероятно, из сосланных украинско-польских казаков). Поэтому Иван Бедарь и Иван Бедарев - два разных человека, поэтому отождествление их, вероятнее всего, ошибочно.

РОГОВЩИНА

В основу моего рассказа «МЕСТЬ» легла легенда, которую знали и помнили в семье и доме моих родителей. Легенда взята была из реальной жизни. События, которые упоминались в ней, также были взяты из реальной жизни людей, живших на нашей матушке Земле в конце второго десятилетия прошлого столетия, то есть - в период Гражданской войны и широко развернувшегося партизанского движения в Кузнецком краю в то время. Собственно говоря – «партизаны» и их «дела» и являлись первопричиной зародившихся описываемых событий и самой легенды. Но кого именно представляли упомянутые «партизаны» в нашей семье, никто не знал. Знали лишь то, что были убиты: деревенский староста Говорин И.П., священник с женой, двое учителей, местный житель Тузовский А.Е. и ещё какие-то люди, в общей сложности – восемнадцать или девятнадцать человек. Говорили ещё, что убили старосту (отсечением головы саблей) в конце осени или в начале зимы – на льду замёрзшей уже к этому времени речки Аба.

Из-за скудности информации время, когда это событие произошло, высчитывал я теоретически, используя свой старый учебник «Военная история». И, как позднее выяснилось, – ориентировочную дату события высчитал правильно.

С некоторыми сомнениями то, что «партизанами» были «роговцы», мне подсказал мой тесть – Атучин Иван Васильевич (родившийся в Усятах в 1923 году, ныне покойный), которому о упоминаемых событиях рассказывал его отец – Василий Дмитриевич (уроженец села Усяты 1880-х годов, умерший в 1970-х годах), то есть – современник и очевидец тех кровавых событий и дней.

Иван Васильевич по образованию являлся юристом, поэтому исследуемые давние «дела» он оценивал однозначно – бандитизм. Он даже называл фамилии некоторых известных мне местных жителей, которые якобы являлись «роговцами» и исполнителями воли известного местного «партизанского командира», в прошлом волостного писаря Ивана Воронина.

Большей информацией на момент написания рассказа «МЕСТЬ» я не обладал, но желание разобраться с этим делом глубже во мне тогда зародилось. Из-за недостаточности информации изначально «роговцев» кроме как «бандитами» я не воспринимал, поэтому косвенно, словами главного персонажа и жертвы, именно это и сообщал своему читателю.

В 2010 году в новокузнецком издательстве «Полиграфист» вышла в свет солидная книга (сборник рассказов и небольших прозаических зарисовок) – «Проклятье», автором которой является новокузнецкий же прозаик – Владимир Максимович Неунывахин, небольшие произведения которого не единожды публиковались в альманахе «Усятская россыпь». Так вот, в данной книге, на 60-й странице, в одноимённом рассказе «Проклятье», который является одной из глав будущего романа, автор сообщает читателю буквально следующее.

«...В Кузнецк отряд Рогова вошёл в середине декабря. Партизаны въезжали в городок, развалясь в санях, горланя песни и расстянувшись по плохо наезженной дороге почти на полкилометра. В это время в Спасо-Преображенском соборе и Богородицкой церкви, примыкавшей к площади, закончилась обедня, и толпы народа, расходясь по домам, глазели на конных, гарцующих у собора. Несколько всадников въехали на всхрапывающих и приплясывающих лошадях внутрь. Народ на площади от такого святотатства ахнул. Многие хотели кинуться к собору, чтобы остановить и прогнать богохульников, но тут на площадь стали въезжать розвальни с партизанами, которые, соскакивая с коней, с хохотом принялись лапать баб и молодух и задирать мужиков, пытавшихся остановить и усовестить полупьяных пришельцев. Возле ворот и дверей храма, а затем на площади вспыхнули потасовки, сверкнули обнажённые шашки, грохнуло несколько выстрелов, и пролилась первая кровь. Заголосили бабы, все испуганно кинулись по домам.

В отместку за то, что их пытались выдворить из собора, роговцы зарубили дьякона и всех церковных служек, а также несколько старух, поднявших истерический крик при появлении в храме всадников. Здесь же под образами изнасиловали и зарубили матушку – жену настоятеля собора, закололи штыками сунувшихся на помощь бабам пятерых мужиков.

Жертвами резни в городе стали пятьсот человек. Десятки женщин и девушек в дни пьяного разгула роговцев были изнасилованы и опозорены.

Освобождать Щегловск от колчаковцев Рогову не пришлось, местные повстанцы сами прогнали их, и похозяйничать его головорезам в родном поселении не позволили, чуть не арестовали самого командира с его партизанами за все те злодияния, что учинил он в Кузнецке, Гурьевске и других поселениях. Пришлось роговцам улепётывать восвояси.

При подходе к уездному центру Залесово Рогов нарвался на большой отряд отступающих колчаковцев. Завязался жестокий бой. Атаку конников-партизан беляки встретили таким шквальным пулемётным огнём, что положили почти всех нападавших. Остатки всадников рассеялись по степи, но преследовать их колчаковцы не стали. Разбили пеших роговцев и, захватив большую часть обоза с награбленным добром, двинулись дальше по тракту на восток.

Сам Рогов получил ранение в плечо, был страшно подавлен. Погибли все его боевые замы, охрана, разведка. Из тысячи бойцов в строю осталось не более двухсот».

В предисловии к книге «Проклятье» кузбасский писатель, член Союза писателей России Виктор Арнаутов говорит: «Более семидесяти лет советская литература едва ли не под копирку, за исключением редких случаев, рисовала Гражданскую войну лишь в чёрно-белых тонах. Красные – это идейные борцы, гуманисты и филантропы, белые – сборище отбросов, безжалостных грабителей, извергов и убийц. А вот в этом романе «геройство» отряда красного партизана Рогова обрисовано совсем иначе. И сам Рогов, и его бойцы если и не превосходят, то уж ни в чём не уступают самым оголтелым колчаковским головорезам».

В другой книге «Повествование о Земле Кузнецкой», выпущенной издательством «Притомское» в 1992 году, опубликована статья «В глухом углу, в Кузнецке» (Преданья старины глубокой, из записной книжки журналиста), автором которой является А. Кручина, наряду с кратким описанием истории города Кузнецка есть информация и по обозначенной теме «Роговщина». «Имя партизана Рогова надолго останется в памяти населения Кузнецкого округа.

Рогов – сибирский Пугачёв. Со своими молодцами он чинил суд-расправу над всеми, у кого нет на руках мозолей. Не вешал, не расстреливал, а просто отрубал голову всякому, кто, по его мнению, враг народа.

В Кузнецке Роговым отрублено семьсот голов. Разбиты наголову все учреждения, все бумаги в учреждениях, книги – всё предано огню. Разрушены или сожжены все церкви и дома богатеев. Рогов круто расправлялся. Суд Рогова – дело двух-трёх минут.

Сам батька Рогов обычно восседал в кресле, убранном коврами, окружённый своими партизанами.

Ведут очередную жертву.

- Кто это? В чём обвиняется? – грозно спрашивал атаман.

- Из этих... Из лягавых, - несётся из толпы чей-то туманный ответ.

- В расход!

Шашка палача свистит в воздухе, и одной отрубленной головой больше.

Но бывали исключения. Ведут обречённого, подводят к атаману. В это время кто-либо из стражи узнаёт в допрашиваемом знакомого. Лицо показалось знакомым, но кто это именно, хорошо не знает. Но всё-таки, на всякий случай, небрежно бросает:

- Не трожь, батька. Я как будто знаю его, где-то встречал.

И милостивый знак атамана даёт возможность счастливцу, не чувствуя под собой ног, улепётывать в сторону.

Печать роговщины до сих пор лежит на Кузнецке. Почти четвёртая часть домов в городе зияет чёрными впадинами вместо окон. Город-пустыня.

Лишь крепость старинная, Кузнецкая, забравшаяся на гору ещё выше присутственных мест, мудро, спокойно, по-старушечьи смотрит на окружающее. Сотни лет она занимает свой наблюдательный пост, многое видела на своём веку, и тяжёлыми следами кровавой роговщины её не удивишь».

И ещё один документ (или статья) попался мне в руки по ходу работы с данным материалом, который по своему смысловому значению кардинально противоположен двум предыдущим. Некоторый объём информации из этого документа, как и из предыдущих, хочется озвучить для полного понимания читателем сути нашего исторического прошлого под общим названием «РОГОВЩИНА».

Называется этот документ или статья почти так же, как и предыдущие – «Роговщина» по воспоминаниям партизан», опубликована она в историко-краеведческом сборнике (книге) «Кузнецкая старина», выпуск № 5 (стр. 225 – 255), авторами опубликованного материала являются О. А. Белоусова и Г. Г. Вашенкова:

«...В декабре 1919 года в Кузнецк вошёл отряд партизан под командованием Григория Рогова. События тех дней до сих пор будоражат память людей, так или иначе связанных с происходящими тогда событиями.

До настоящего времени нет однозначной оценки явлению, получившему среди старожилов города название «Роговщина».

Сегодня существуют две основные точки зрения. Одна из них получила отражение в исторической литературе, другая – в воспоминаниях бывших партизан отряда Рогова.

Документальных источников о деятельности роговцев до нас дошло немного. Поэтому для уяснения многих вопросов большое значение приобретают воспоминания участников партизанского движения на Алтае и в Кузбассе. Здесь исследователям приходится сталкиваться с рядом проблем. На воспоминаниях, как правило, сильно отражается характер автора, время их создания, а также место, которое занимал мемуарист в описываемых событиях.

Автором предлагаемых воспоминаний является бывший партизан отряда Г. Рогова – А. А. Конов. Мемуары были созданы в начале 1970-х годов и сейчас хранятся в Государственном архиве Новосибирской области. В основу характеристики отряда автором взяты воспоминания 24-х бывших партизан - роговцев и многих очевидцев. Причиной, побудившей А. А. Конова к работе, стала публикация книг: А. Н. Геласимовой - «Записки подпольщицы» и А. В. Кадейкина – «Сибирь непокорённая», в которых отряд роговцев рассматривается как «анархистская банда грабителей и убийц»...

По словам А. А. Конова, «это вызвало бурю возмущения и протестов среди участников партизанской борьбы на Алтае и в Кузбассе».

Конов обстоятельно и подробно рассказывает биографию Рогова, историю создания партизанского отряда, его численность, масштабы военных операций, роль и участие отряда в гражданской войне в Причумышье. Выводы об анархо-кулацком характере отряда Конов называет «клеветой», утверждая, что силами отряда Рогова было обеспечено восстановление Советской власти на Алтае значительно раньше прихода в Западную Сибирь Красной армии.

Самые страшные преступления и сейчас приписываются Рогову в Кузнецке. Конов, однако, утверждает, что Рогов навёл порядок в городе, опровергает грабежи и беспорядки, связанные с Роговым в Гурьевске, Кольчугин, Щегловске. В качестве одного из доказательств Конов приводит воспоминания местных жителей.

С нашей точки зрения, при объяснении характера, причин и сущности «роговщины» как одна, так и другая сторона впадают в крайности. Дальнейшее изучение воспоминаний поможет по-иному взглянуть на явление «роговщины», дать ему более взвешенную оценку.

В своих мемуарах А. А. Конов пишет (в сокращении):

«...Рогов Григорий Фёдорович родился в 1878 году в селе Жуланиха Мариинской волости Барнаульского уезда Томской губернии. Самоучка. Отец его бедный крестьянин, переселенец из Тульской губернии. Четыре сына его и две дочери оставались в бедности в Жуланихе.

У Григория Фёдоровича семья была тоже большой: три сына и три дочери. Хозяйство его состояло из пятистенной избы, двух лошадей и одной-двух коров. По сибирским меркам хозяйство было близко к бедняцкому.

Хозяйство в основном вела жена Рогова – Александра Сергеевна с детьми, так как сам Рогов долгое время находился на военной службе в армии, сначала на Русско-японской войне, затем в первую мировую. Военное звание - фельдфебель.

Октябрьскую революцию встретил в Петрограде, брал Зимний дворец.

По возвращении в 1917 году домой по демобилизации включился в активную борьбу за Советскую власть. На волостном съезде Советов был избран делегатом на Алтайский уездный съезд Советов, на котором был избран председателем земской комиссии Барнаульского уездного Совдепа, активно работал на этой должности вплоть до белого переворота в июне 1918 года. После чего принимал активное участие в борьбе с эсеро-меньшевистским правительством в Мариинской волости. Дважды, по предложению Рогова, волостное собрание крестьян отвергало предложение эсеровских властей о замене волостного Совдепа Земской управой, считая её незаконной.

В июле 1918 года по прибытии в Жуланиху белого карательного отряда и аресту многих волостных крестьянских активистов Рогов вынужден был скрыться.

К этому времени Рогов имел уже в округе значительную известность и популярность. Его выступления на сельских сходах и агитация имели успех, отчего в его лице эсеровская власть увидела серьёзного противника и взяла курс на его физическое уничтожение: дом Г. Ф. Рогова был уничтожен; старший брат – Фёдор (с десятком других крестьян-бедняков) расстрелян; жену Г. Рогова, оставшуюся без домашнего крова, с кучей ребят - спасли от расстрела друзья Григория.

Преследуемый карателями Григорий Рогов вынужден был уйти и скрываться в тайге. Так фактически было положено основание его партизанского отряда, который вначале состоял из 30-40 человек и испытывал огромные трудности (голод, холод и постоянное преследование карателей). Некоторые партизаны физически не выдерживали этого – замерзали, некоторые - уходили домой, там попадали в руки карателей, и их расстреливали после мучительных пыток... Тем не менее отряд Рогова не только жил, но и совершал налёты на карателей и милицию, в ночное время, держа их в постоянном страхе.

В белогвардейской газете «Алтайский вестник» от 25 февраля 1919 года сообщалось: «...В селе Жуланиха организована шайка разбойников, во главе которой стоит известный большевик Рогов. Милиция с ней бороться самостоятельно бессильна. Высланный из Барнаула воинский отряд с пулемётами и пушкой для борьбы с шайкой наткнулся на непроглядную деревенскую темноту...

Рогов – это, безусловно, большевик, и благодаря его агитации здесь организовалась масса дезертиров, которым он внушил, что весной произойдёт восстание против правительства...»

...О действиях роговского отряда знали тогда не только в Барнауле, Новониколаевске, но и в Кузбассе. В том же «Алтайском вестнике» летом того года сообщалось: «...В начале июля в пределы Алтайской губернии вторглась и третьего июля заняла Мариинскую волость красная банда, около 200 человек, составленная из разбитой и бежавшей из Кольчугинского района банды Лубкова и остатков банды Рогова.

4 июля немедленно был выслан из Барнаула правительственный отряд для ликвидации банды.

5 - 6 июля в тот же район были направлены дополнительные отряды из городов Бийска и Кузнецка, с назначением – отрезать путь к бегству.

Тем временем красные разделились, заняли Мариинскую, Титовскую, Дмитро-Титовскую, Верхне-Чумышскую и Чумышскую волости... Но встретившись с правительственными отрядами около села Каменка, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, банда, отступая, ушла в тайгу...»

Понеся ощутимые потери, тем не менее, вскоре Рогов вновь значительно пополнил численность своего отряда, в том числе и посланцами действующего подпольного Барнаульского комитета «ВКПб» - взял под свой контроль значительную территорию, в том числе и своё село Жуланиху.

12 июля 1919 года в Жуланихе состоялся первый съезд Советов, на котором были представлены четыре волости (75 человек). Съезд обсудил доклад Рогова «О борьбе с колчаковщиной и об установлении Советской власти в Причернском крае»...

После съезда и общего собрания боевые действия партизан стали ещё более активными и успешными. Первой из них была – ликвидация одной из крупнейших, отличавшейся своим зверством Пещеро-Залесской кулацкой дружины, действовавшей на линии связи партизанского отряда с Барнаулом, которая уничтожила очень много одиночек, малых групп подпольщиков и колчаковских дезертиров, следовавших в партизанский отряд из Барнаула.

Второй по своему значению, очень важной военной операцией отряда Рогова стал ночной налёт роговцев на колчаковский отряд, расположенный в селе Салаире. Эта операция принесла партизанам: 75 трёхлинейных винтовок, два станковых пулемёта, три ящика гранат и 25 тысяч патронов. Пленным солдатам колчаковского отряда было предоставлено право выбора: добровольное вступление в роговский партизанский отряд или идти домой (этого принципа Рогов придерживался до конца своей партизанской войны). Более половины бывших колчаковцев добровольно перешли на сторону партизан Рогова и добросовестно сражались в отряде до его расформирования...

Действиями отряда Рогова был сильно обеспокоен командующий войсками по Барнаульскому военному району – генерал Биснек, о чём сообщалось всё в том же «Алтайском вестнике»: «В разных местах Барнаульского уезда появились организованные агитаторами шайки, состоящие из подонков населения, и убивают должностных лиц, священников и всех, что по своему культурному уровню выделяются из тёмной крестьянской массы... Уже были столкновения шаек с высланными мною отрядами, и в этих столкновениях погибли десятки крестьян. Для быстрой ликвидации мятежа направлены крупные силы... Объявляю Барнаульский военный район на осадном положении и предписываю... уничтожать без суда и следствия всех принимающих прямое или косвенное участие в мятеже...»

В соответствии с этим приказом, для окружения и уничтожения отряда Рогова были посланы отборные и самые надёжные колчаковские войска в количестве 3000 штыков и сабель. В их числе были:

- полк «голубых улан» атамана Анненкова – 900 человек;

- пехотные подразделения Кузнецкого, Барнаульского и Бийского гарнизонов (1000 – 1200 человек);

- бело-кулацкие дружины: Кузнецка, Тогула, Титова и других сёл под командой попа Закурдаева (1000 – 1200 человек).

Эти огромные карательные силы колчаковцев пошли по всему притаёжному краю, уничтожая на своём пути почти все встречающиеся деревни. Убивая, насилуя и подвергая зверским пыткам сотни и тысячи ни в чём не повинных людей (крестьян); разграбляя их имущество и сельскохозяйственный инвентарь.

Роговский отряд, в десять раз уступающий противнику по численности и вооружению, всячески искусно маневрируя, всё-таки смог уберечься от поражения, разгрома и уничтожения. Более того, в конце августа 1919 года, когда колчаковцы возвращались из своей «карательной экспедиции», имея огромные обозы с награбленным крестьянским добром (заняв село Зыряновку-Мостовую), были неожиданно и стремительно атакованы с ногорно-лесной стороны села роговцами. Враг дрогнул, попятился назад в чистое поле в многочисленной своей массе, неся серьёзные потери от пулемётного и ружейного огня роговцев. В тот день только наступившая ночь спасла колчаковцев от полного уничтожения, что было сделано в последующие два дня не прекращавшихся боёвых действий роговцев.

Эта победа принесла отряду Рогова много оружия, боеприпасов, пленных и

прочего. Кроме того, эта победа окрылила партизан и вселила в них твёрдую веру в свою силу...

В начале октября 1919 года в Жуланихе состоялся второй Причернский съезд Советов, на котором присутствовало уже 150 делегатов от 18 волостей. Работа съезда продолжалась два дня. Как и на первом, с докладом выступил Г.Ф.Рогов, выступление которого было встречено большими овациями.

Решения этого съезда имели важное значение для развития партизанской борьбы и разгрома колчаковских карателей на правобережье Оби.

К этому времени роговский отряд по численности превышал уже 10000 человек (считай - общевойсковая армия) и вёл постоянные боевые действия с противником численностью 12000 человек. В итоге – роговцы, фактически уничтожив своего противника, очистили от колчаковцев всё правобережье Оби, в пределах границ: Бийска, Барнаула, Кузнецка и Новониколаевска; разогнала колчаковские управы и восстановила Советскую власть (ревкомы) на значительной территории Западной Сибири.

В конце ноября - начале декабря 1919 года в партизанский отряд Рогова пришла информация о вступлении в пределы Алтайской губернии воинских частей наступавшей Красной армии и распоряжение начальника штаба пятой дважды Краснознамённой Красной армии Кутерёва – «О необходимости перехода отряда Рогова форсированным маршем в район железной дороги Тайга – Мариинск, необходимости вывода из строя железной дороги и беспрерывных боевых действий отряда на сообщениях отступающего противника».

В это же время поступила информация о солдатских восстаниях в Бийском, Барнаульском и Кузнецком гарнизонах, восставшие просили военной помощи у алтайских партизан Рогова.

На это же время в отряде заранее планировалось проведение третьего съезда Советов Причернского края.

Сообразуясь с поступившим распоряжением начальника штаба наступавшей пятой... Красной армии и просьбами об оказании помощи из восставших гарнизонов Бийска, Барнаула и Кузнецка, Рогов высказался о нецелесообразности проведения ранее планировавшегося съезда Советов и необходимости переформирования отряда (разделения его на три части) для ведения боевых действий в трёх направлениях.

Сообразуясь с военно-революционной обстановкой в округе и предложением Рогова, военно-революционный комитет партизанского отряда Рогова на своём заседании принял решение о разделении партизанского отряда на три части для ведения боевых действий в трёх направлениях:

1) - «Кузнецк – Щегловск – Тайга», во главе с Г. Ф. Роговым;

2) - «Залесово – Черёмушки – Черепаново», во главе с Анатолием;

3) - «Бараново – Овчинниково – Бийск», во главе с Нехорошевым.

Парторганизация отряда также разделилась на три части.

Партячейку, следующую с Роговым, возглавил бывший парторганизатор барнаульских кожевников И. С. Бугров.

2 декабря 1919 года произошло солдатское восстание Кузнецкого гарнизона.

5 декабря 1919 года силы переформированных частей отряда Рогова выступили для выполнения поставленных боевых задач по своим направлениям.

Самые большие и наиболее жестокие преступления, приписываемые Рогову, были совершены в Кузнецке.

Что представлял собой Кузнецк того времени?

Кузнецк – старый, купеческий город богатеев, золотопромышленников и черносотенного кулачества. Во время колчаковщины – самое чёрное гнездо реакции, опора колчаковщины для расправы со всем революционным, которое было в округе. Здесь помимо крупного гарнизона солдат существовала одна из крупнейших дружин «именитых» жителей города, принимавших самое активное участие в подавлении партизанского движения в губернии. Здесь, в Кузнецке, неоднократно снаряжались крупные карательные экспедиции для уничтожения чумышских партизан.

Вот что, кратко говоря, представлял из себя Кузнецк того времени.

Однако, в связи с ростом партизанского движения и активной борьбы партизан Рогова, силы карателей к началу декабря 1919 года были крайне ослаблены и деморализованы.

9 декабря 1919 года отряд Рогова вступил в Кузнецк, на улицах которого были беспорядки: валялись неубранные трупы; на спиртзаводе большая толпа людей расхищала спирт; догорала одна из церквей.

Выяснилось, что во время восстания солдат Кузнецкого гарнизона из тюрьмы выпустили уголовников, которые, быстро вооружившись, начали грабить население (помогали им прибывшие из окрестных деревень близкие по духу сподвижники).

Кроме того (до отряда Рогова), в город заходили несколько небольших вооружённых отрядов. Самый большой из которых (состоявший, приблизительно, из 80-ти человек) отряд – Толмачёва, который обезоружил остатки гарнизона, расстрелял несколько местных белогвардейцев, произвёл кое-какие реквизиции имущества убитых и поспешил с уходом.

Отряды Побызакова и Тогаева, имея в своём составе по несколько человек, занимались реквизициями имущества убитых купцов и офицеров, так же, как и уголовники, в свою пользу.

Отряд Рогова пробыл в Кузнецке в течение двух дней, за которые: навёл порядок в городе; прибрал к рукам уголовщину; помог организовать охрану спиртзавода и восстановил власть городского ревкома; отрядным судом приговорил к расстрелу 15 человек, активных врагов революции. После чего выступил в направлении Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий).

15 декабря 1919 года в первой половине дня в Кольчугино вошёл партизанский отряд Сизикова (700 – 800 партизан). Под вечер этого же дня в Кольчугино вошёл и отряд Рогова в составе 3000 (трёх тысяч) партизан...

21 – 22 декабря 1919 года отряд Рогова занял Щегловск (ныне Кемерово), что стало большой неожиданностью для белых, поскольку туда отступала Третья армия колчаковцев под напором Красной армии.

Когда колонны белых вплотную подошли к Щегловску, роговский отряд, не побоявшись явного превосходства сил противника, развернувшись в боевой порядок, вступил с ними в неравный бой, введя в действие всё своё стрелковое вооружение, в том числе - 18 станковых и более 100 лёгких пулемётов. Введён был в бой и наскоро оборудованный железнодорожниками бронепоезд.

Бой длился в течение всего дня.

Ввиду неожиданности такой «встречи» со стороны Щегловска, белые, понеся огромные потери в живой силе, но, имея значительное превосходство в силе, начали окружать Щегловск. В связи с чем отряду Рогова пришлось отступить сначала в селение Щербаки, затем в Кабели и Панфилово.

В боях в Щегловске и Кабелях партизаны потеряли только убитыми более 100 человек.

К этому времени к деревне Бердаши, расположенной по соседству с селом Панфилово, подошли передовые части Красной армии.

24 декабря 1919 года, согласно договорённости с представителем командования «35-й стрелковой дивизии» регулярной Красной армии, без какого-либо давления с их стороны и какого-либо сопротивления со стороны Рогова, роговский отряд сложил своё оружие (передал оружие на баланс Красной армии). После чего был расформирован и прекратил своё существование...

Личный состав отряда: партизаны возрастом до 35 лет, подлежащие призыву, были призваны на службу в Красную армию и отправлены в запасной полк в Новониколаевск; партизаны возрастом старше 35 лет, были распущены по домам.

В январе 1920 года Рогов, Возилкин, Булгаков и Новосёлов с девятью разведчиками, были арестованы и доставлены в Новониколаевск (ныне Новосибирск) для придания суду ревтрибунала РВС. Находясь в «КПЗ» (камере предварительного заключения), вспоминает Булгаков В.А., Новосёлов, обозлённый условиями содержания под арестом, предложил Рогову и его соратникам бежать из-под ареста. Рогов, резко осадив Новосёлова, заявил, что ему и его товарищам бежать не от кого и некуда, сказав: «Мы воевали за Советскую власть и должны выслушать из её уст, правы мы были в своих действиях или нет...» Все согласились с Роговым.

Новосёлов же на следующий день, будучи отпущенным в одну из городских аптек за лекарствами, обратно в камеру не вернулся...

В итоге – ревтрибунал РВС, за «отсутствием состава преступления», «дело» по обвинению Рогова и его товарищей по выставленным им военным и прочим преступлениям, к слушанию не принял. А вопрос о реабилитации Рогова и его товарищей передал в ЧК (Чрезвычайную комиссию) Пятой дважды Краснознамённой армии. Которая, не заставляя себя долго ждать - освободила из-под стражи всех заключённых в КПЗ по «делу» Рогова. После чего всех бывших подследственных привели в божеский вид (помыли, побрили, переодели во всё новое, снабдили всем необходимым) и пригласили на собеседование с Председателем ЧК Пятой...армии. Который в тёплой и дружеской беседе с бывшими роговцами выразил своё сожаление и недоразумение по поводу их ареста с содержанием под стражей. Извинившись, он заявил, что предъявленные им обвинения оказались ложными.

В Сибпартбюро ЦК РКПб, куда бывшие арестанты-роговцы так же были приглашены для собеседования, Г. Ф. Рогову и В. А. Булгакову предложили заполнить анкеты для вступления в РКПб и тут же предложили ответственную работу: Рогову – в Томске, в губревкоме; Булгакову – в Новониколаевске, завгубземотделом. Но по личным просьбам: Рогову – в связи с сильным личным физическим недомоганием, Булгакову – в связи с болезнью матери - был предоставлен месячный отпуск с возможностью дальнейшей работы в Барнауле, в Алтайском губревкоме.

25 февраля 1920 года Рогов и Булгаков расстались на станции «Алтайская», с договором встретиться через месяц в Барнауле.

С приездом больного Рогова в Жуланиху началась его новая личная трагедия. Он буквально попал в плен к своим давним врагам. С одной стороны – кулачество, которое ненавидело его и мстительно жаждало его гибели, за партизанское его прошлое. С другой стороны - его атакуют его бывшие соратники: Леонов и Новосёлов, продолжавшие свою борьбу уже с Советской властью.

Уклоняясь от нападок первых и вторых, больной Рогов вновь вынужден был скрываться. Положение его стало сравнимо с положением затравленного дикого зверя. С единственным своим товарищем, Возилкиным (бывшим секретарём партячейки отряда), он, скитаясь по тайге, находился в крайне тяжёлом физическом состоянии.

В июле 1920 года, следуя в направлении Барнаула, Рогов с Возилкиным остановились на отдых в селе Евдокимово. Внезапно на них напала местная группа самообороны, состоящая из 12 человек: Возилкин, не оказывая сопротивления, сдался; Рогов бросился бежать к Чумышу. По нему было сделано несколько выстрелов, которыми он был ранен в ногу и шею. От полученных ран он и скончался.

Похоронен был Рогов Г.Ф. эскадроном чекистов, с отданием ему всех воинских почестей, как герою Гражданской войны. Гроб его был опущен в могилу под склонённое Красное знамя и оружейные залпы...

Спустя 48 лет после гибели Рогова Г.Ф., «2» августа 1968 года, в газете «Красная звезда» была опубликована статья «Глубже осмысливая подвиг», в которой было сказано: «...Фигура Рогова Г.Ф. весьма колоритна. Она живёт в памяти жителей районов Алтая и Западной Сибири вот уже почти пятьдесят лет. Рогов Г.Ф. – личность историческая...».

К вопросу о Кузнецком восстании 1919 года

В выпуске № 6 Историко-краеведческого издания «Кузнецкая старина» в 2004 году издательством «Кузнецкая крепость», по заказу Управления культуры города Новокузнецка, на страницах 128 – 140 опубликована научная статья «К вопросу о Кузнецком восстании 1919 года», автором которой является А. А. Лыкова.

Поскольку в статье затрагиваются события, описанные в предыдущем материале, то есть необходимость сообщить некоторую информацию и из этой статьи. Итак (в сокращении):

«Кузнецкое восстание с 1 на 2 декабря 1919 года событие неоднозначное и до конца не изученное. Большинство исследователей периода гражданской войны в Кузбассе, рассматривая основные события, лишь упоминают о восстании в Кузнецке и, наоборот, подробно анализируют деятельность Г.Ф.Рогова и его отряда. А тем временем кузнецкое восстание интересно не только тем, что оно явилось, по сути, первопричиной прихода партизан Рогова в Кузнецк. Оно интересно и тем, что это было восстание колчаковских солдат, принявших решение перейти на сторону противника.

Ситуация конца 1919 года в Кузнецке не была уникальна для того времени. Во многих сибирских городах происходили сходные события, образуя единую картину гражданской войны...

Местная воинская команда размещалась в Кузнецке на территории между спиртовым складом (винным заводом) и Крепостной горой. Это был постоянный воинский гарнизон города. Местная команда несла караульную службу

по охране кузнецкой тюрьмы, винного завода, кузнецкого казначейства и других объектов. Часть солдат выделялась на пост у ворот местной команды, а также на дежурство в казарме и по кухне. В местной команде числилось по разным источникам от 127 до 150 человек, и состояла она как из мобилизованных, так и из добровольцев. Призывались в неё в основном жители Кузнецка и окрестных поселений. Многие рассматривали службу в кузнецкой воинской команде как возможность избежать отправления на фронт, поэтому служили там не только сыновья крестьян, мелких ремесленников и служащих, но и вполне зажиточных горожан. Включала в себя местная команда четыре взвода (по четыре отделения в каждом) и созданную осенью 1918 года отдельную музыкальную команду численностью, по разным данным, от 16 до 18 человек. Командиром кузнецкой воинской команды был поручик Ковригин Александр, а взводами командовали унтер-офицеры...

В местной команде в плане дисциплины солдаты пользовались некоторыми вольностями: после вечерней поверки многие уходили в город самовольно, а музыканты совсем почти не притеснялись...

К маю 1919 года в Кузнецке произошли перемены: В связи с появлением партизанских отрядов и враждебно настроенных к колчаковской власти рабочих и крестьян, в город, видимо, не надеясь только на силу местной команды, командование кузнецкого гарнизона ввело часть 62-го Бийского батальона в составе 10-й, 11-й и 12-й рот. Командовал батальоном капитан Скурат, чех по национальности. Подразделения батальона разместились в центре Кузнецка, в зданиях вокруг Базарной площади. Из трёх рот только 11-я рота была в полном составе и считалась карательной, призывали в неё в основном сыновей купцов и чиновников. Многие из них были добровольцами. Командовал ротой поручик Миловидов. Поскольку 11-я рота рассматривалась как оплот колчаковской власти в Кузнецке, обмундирование и вооружение в ней было лучшее...

Самой неблагонадёжной в батальоне считалась 10-я рота, численностью в 60 человек, под командованием поручика Замащикова. Пополнялась рота из дезертиров колчаковской армии, а также из выздоравливавших солдат, прибывших ранее с фронтов Первой мировой войны. Солдаты этой роты долгое время не имели оружия, а позднее им выдали однозарядные винтовки старого образца. Одеты они были в старое обмундирование...

С усилением партизанского движения в районе Кузнецка и на Алтае командование кузнецкого гарнизона летом 1919 года неоднократно посылало отдельные свои подразделения патрулировать по населённым пунктам уезда, с целью запугивания населения своей военной силой. А так же несколько раз отправляло военные отряды в район Тогула против партизан Рогова. В этих военных экспедициях участвовали не только солдаты батальона, но и солдаты, и унтер-офицеры местной кузнецкой команды. Причём часть из них на добровольной основе.

Резко усложнилась обстановка в Кузнецке в ноябре 1919 года. Когда из-за Урала, сломив сопротивление колчаковской армии, начали продвигаться в Сибирь воинские регулярные части Красной армии. В середине ноября 1919 года пала сибирская столица Колчака, город Омск. Слухи об этих событиях доносились и до жителей Кузнецка, и до солдат кузнецкого гарнизона.

В этой ситуации активизировал свои действия партизанский отряд Рогова, совершая налёты на колчаковские гарнизоны, патрули и разъезды.

Крестьянские волнения против мобилизации в армию Колчака постоянно вспыхивали в деревнях Кузнецкого уезда и жестоко подавлялись. Так в селе Кандалеп часть крестьян, отказавшихся служить в колчаковской армии, была расстреляна карателями 11-й роты под командованием поручика Миловидова. От 12-ти до 22-х человек арестованных доставлено в кузнецкую тюрьму.

Расправа над восставшими кандалепскими крестьянами не была одобрена кузнечанами, поскольку многие имели там своих родственников...

К середине ноября кузнецкие военные власти приняли решение отходить всем гарнизоном из Кузнецка на восток, к атаману Семёнову. Планировалось идти через Хакасию в Монголию. По этому случаю по приказу поручика Ковригина командиры взводов выстроили солдат местной команды, и Ковригин объявил об отходе из города. Были открыты оружейный и вещевой склады. Солдаты получили новое обмундирование, запас белья. Многие примеривались надеть на себя сабли, заменили свои винтовки старого образца на новые трёхлинейки, набрали патронов в вещевые мешки, а солдаты из деревень запаслись чересседельниками. В тот же день поступил приказ всё сдать обратно, поскольку отход из Кузнецка пока откладывался.

В связи с такой обстановкой, в пекарне батальона собрались солдаты - «активисты» местной команды и трёх рот Бийского батальона. Речь шла о плане действий в случае отхода военных из города. Поскольку почти все солдаты местной команды и батальона, являясь жителями Кузнецкого уезда и Алтайской губернии, то все отказывались покидать родные места и идти на соединение с главными силами колчаковской армии.

В итоге на совещании солдатских активистов было высказано предложение - выступить против офицеров. Но большинство присутствовавших от поступившего предложения отказались, поскольку не было разработано чёткого плана действий, не было же и повода к восстанию.

1-го декабря 1919 года повод к восстанию появился. В этот день офицеры штаба гарнизона, собравшись в комендантском управлении, в доме Панова на улице Крепостной (ныне Грибоедова), обсуждали вопрос отхода из Кузнецка. Было принято решение: завтра, 2-го декабря – поднять по тревоге Кузнецкий гарнизон и увезти его через Хакасию в Монголию, на соединение с основными силами колчаковской армии. Был здесь поставлен вопрос и о судьбе политических арестованных кузнецкой тюрьмы (членов совдепов, партизан, участников крестьянских восстаний). По предложению капитана Скурата их надлежало расстрелять в 2 - 3 часа ночи, 2 декабря.

Исполнителями расстрела был назначен командир 11-й роты поручик Миловидов и солдаты его роты.

Невольным свидетелем этого совещания стал стоявший на посту в комендантском управлении часовой из 12-й роты Кузнецов. Сменившись с поста, он передал услышанный разговор вначале своим сослуживцам в 12-й роте, а затем повару местной команды Фёдорову. Вскоре об услышанном была осведомлена и 10-я рота, и представители местной команды. После чего на городской квартире одного из солдат (Суховольского) собрался тайный солдатский актив, на котором было принято решение о незамедлительном проведении восстания объединёнными силами местной команды и 10-й роты и спасении обречённых на расстрел... Был выработан план действий: Восстание начать с местной команды, для этого трое солдат из 10-й роты должны будут прийти в её казарму и тремя винтовочными выстрелами подать сигнал о начале восстания и выступления.

Потопаев (активист из местной команды) возьмёт на себя командование местной командой и приведёт её к 10-й роте. Затем Суховольский и Потопаев с группой солдат отправятся в тюрьму и освободят всех заключённых.

Кузнецов со своим отрядом солдат пойдёт занимать штаб воинского управления во втором Крепостном переулке (ныне улица Мариинская), арестовывает там начальника Кузнецкого уездного воинского управления подполковника Зволинского и бывшего начальника кузнецкого гарнизона, генерала Путилова.

Михайлов и Фёдоров с двумя отрядами окружат и разоружат 11-ю роту; Зенов и Ф.Тагаев разоружат - 12-ю роту; Аржаных и Цветков – офицерское собрание в доме Красимовича.

Трофейное оружие 11-й и 12-й рот должно быть перенесено в казарму 10-й роты, под охрану караула из числа восставших солдат.

В ночь на 2-е декабря дежурным по казарме местной команды был назначен И. В. Суховольский, который должен был обеспечить беспрепятственный доступ, в казарму местной команды, солдатам 10-й роты. Которые и пришли около 12 часов ночи и сразу же произвели ожидаемые выстрелы (от одного до трёх) в потолок, либо по канцелярии писаря, где в ночное время дежурил офицер прапорщик Ковалевский. Который выстрелом был ранен и скрылся во время начавшейся после выстрела суматохи, от которой погасла лампа. А когда лампу зажгли вновь, увидели, что солдаты в панике мечутся по казарме в нательном белье, некоторые из них залезли под койки.

После того, как паника улеглась, Потопаев и Суховольский наскоро объяснили сложившуюся ситуацию, призвали всех присоединиться к восставшим... После чего все молча и быстро оделись и вышли на улицу.

Суховольский, повзводно построив местную команду, ещё раз предоставил слово пользовавшемуся авторитетом среди солдат Потопаеву. После этого заговорщики из местной команды пошли к расположению 10-й роты... При переходе базарного переулка, у дома купца Окулова наткнувшись на убитого командира 11-й роты поручика Миловидова, обнаружили на базарной площади цепь залёгших на снегу солдат 11-й и 12-й рот.

Около каждой из рот было установлено по пулемёту. Вдоль цепи ходил капитан Скурат, ставший после отставки генерала Путилова начальником кузнецкого гарнизона...

Повстанцы из местной команды криком начали призывать залёгших солдат Бийского батальона к переходу на свою сторону. В результате чего, в скором времени, солдаты 11-й и 12-й рот, лежавшие на снегу, побросав своё оружие, действительно перешли на сторону восставших и, побратавшись с ними, пошли выполнять вместе с ними принятые решения повстанцев в различных группах.

Одна из групп отправилась в тюрьму - освобождать заключённых. Вторая к Кузнецкому воинскому управлению - арестовывать колчаковских офицеров...

По прибытии на тюремный двор вооружённых восставших солдат (около ста человек), по их требованию, надзиратели открыли камеры и выпустили всех до одного заключённого: как политических, так и уголовников...

В процессе освобождения заключённых тюрьмы повстанцами был застрелен начальник тюрьмы Цвех... На стихийно возникшем митинге бывших арестантов и их освободителей был избран новый начальник тюрьмы, из восставших – Вилисов.

В Кузнецком уездном воинском управлении были арестованы находившиеся там офицеры и уездный воинский начальник – подполковник Зволинский, с женой. У всех арестованных, повстанцы отняли их оружие...

После ареста подполковника Зволинского арестовали у себя дома и бывшего начальника Кузнецкого гарнизона генерала Путилова, изъяли его богатую коллекцию оружия.

Днём, 2-го декабря, всех арестованных колчаковских офицеров доставили и заключили в места выпущенных перед этим прежних арестантов, в кузнецкую тюрьму.

На общем победном митинге того дня был избран руководящий орган восстания - временный ревком. Который изначально был размещён в здании бывшего комендантского управления, затем переведён в помещение винного завода...

Несмотря на то, что в Кузнецке было достаточно много зажиточного населения, большинство кузнечан восприняли произошедший ночной военный солдатский переворот - спокойно, не высказав протеста против вновь установленной Советской власти. Многие горожане узнали о восстании лишь утром 2-го декабря, отправившись из своих жилищ по своим каждодневным делам. Те же жители, чьи дома располагались недалеко от Базарной площади, разбуженные множеством выкриков солдат и их выстрелами из винтовок, пережили прошедшую ночь в страхе, так и не заснув до утра...

Таким образом, проанализировав имеющийся в фондах Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ) материал, можно сделать ряд выводов:

В организации восстания существенную роль сыграла увлечённость солдат местной команды большевистскими идеями. Но это вовсе не означало, что в команде среди солдат был высокий уровень политической грамотности и кто-то из них являлся членом большевистской партии.

Руководители переворота, как и большинство их сослуживцев, попали в армию Колчака во время мобилизации в 1918 году. Такие мобилизованные солдаты были недовольны сложившейся ситуацией: их тяготила военная служба, они не хотели больше воевать и всё чаще выказывали своё желание вернуться домой.

Восстание кузнецкого гарнизона, поводом к которому послужила подготовка к расстрелу политзаключённых, началось неожиданно и развивалось стремительно.

При этом изначальное военное превосходство противника над восставшими компенсировалось «психологическим» превосходством последних. Ликвидация колчаковских офицеров позволила дезорганизовать рядовой состав колчаковских рот и способствовала их переход на сторону повстанцев».

Подборка и обработка материала проведена Анатолием ГУЛЯЕВЫМ.

Пётр ЗОТОВ

Сиротская жизнь беспризорника Пети Зотова

Провёл я детские и юношеские годы в детских домах и в «людях» на Средней Волге. Здесь я учился в начальной школе, начал трудовую жизнь. А когда вырос, возмужал, призвали меня на действительную военную службу в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), в Военно-Воздушные Силы, в истребительную авиацию. Затем находился на разных фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945гг.

Прослужил в Советской Армии 23 года, посвятил служению Отчизне всю свою молодость, лучшие годы честно и добросовестно, за что Правительство наградило меня орденом Красной Звезды и двенадцатью медалями, в том числе - «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» и другими.

В январе 1961 года был уволен в запас из Вооружённых Сил СССР на заслуженный отдых, на пенсию по выслуге 25 лет,с правом ношения военной формы одежды, в воинском звании «старший лейтенант», авиатор-связист.

Поэтому вполне естественно, что мне хочется рассказать моим сыновьям и внукам, всему молодому поколению о жизни молодёжи 30-х годов, в период коллективизации крестьянства, о наших нуждах, чаяниях и устремленях. Рассказать о военной службе в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг, о том, как боролись за счастье детей их отцы и деды в суровые годы войны. И, наконец, о событиях, участником и свидетелем которых мне довелось быть. О том, как Советская власть и Коммунистическая партия воспитали из беспризорного паренька офицера, авиатора-связиста.

Вам, молодые друзья мои, посвящается этот рассказ.

1918 - 1921 годы

Мои родители - отец Павел Лукьянович и мать Елена Никифоровна Зотовы после революции жили крестьянами-середняками. Мать моя умерла от голода и тяжёлой болезни в 1920 году, в возрасте 36 лет, а отец умер в 1921 году в возрасте 37 лет. Мне в ту пору было 3 года от роду.

После смерти родителей меня определили в детский дом в селе Тоцкое, а потом в город Бузулук Оренбургской области. В детских домах я находился до сентября 1927 года. В Бузулукском детдоме меня звали Петя Зотов. Это всё, что я знал о себе.

В сентябре 1927 года меня усыновил крестьянин-бедняк Власов Степан Трофимович, который проживал в селе Старой Таволжанке, Борского района Средне-Волжского края. Степан Трофимович отдавал мне отцовскую любовь, так как своих детей у него не было.

На его отеческую заботу я отвечал своей посильной помощью. Летом я выезжал в ночное пасти коня, зимой также помогал по дому.

В 1930 году я окончил 4 класса начальной сельской школы в селе Старой Таволжанке. Моё прилежное отношение к учёбе позволило мне программу первого и второго классов освоить за один год учёбы. После окончания начальной школы я добровольно вступил в колхоз имени Пугачёва. Так в 12 лет началась моя трудовая жизнь.

В 1929-1930-х годах в Средневолжском крае (Куйбышевской области) происходила коллективизация крестьянства и одновременно велась в стране «ликвидация кулачества, как класса» путём ссылки кулацких семей в Сибирь.

Из села Старой Таволжанки были сосланы в Сибирь семьи Ворожейкиных, Мечкаевых, Хворовых и другие. С 1930 по 1934 годы, не имея средств к существованию, я не мог учиться. Все эти годы я скитался на «людях». За кусок хлеба пилил людям дрова, вычищал навоз на скотном дворе. А жил я в ту пору у Алексеевых, Мечкаевых, Охриковых. Словом - у тех, кто звал меня в селе Старой Таволжанке. Голод преследовал меня все эти годы. Поэтому весной я ловил сусликов и ел их.

Жил долгое время в дежурке бригады №2, в холодном неотапливаемом помещении, где развешивался конский инвентарь: хомуты, седёлки, вожжи и уздечки. Ночью, когда засыпало всё село, я тайком, стыдясь односельчан, в ночной тишине ходил на конное кладбище и приносил оттуда куски мяса отравленных кулаками лошадей. Добытое мясо также тайком от людей я варил в консервной банке, потому что другой посуды у меня не было, и ел его в почти полусыром виде.

Работал я в ту пору в правлении колхоза посыльным. От голода у меня пухли руки, ноги и всё тело. Одежда моя состояла из рваных, замасленных ватных брюк, телогрейки, выброшенных трактористами из-за непригодности их для носки, в парусовых туфлях и бумажных чулках, которые мне приходилось надевать в 30-40-градусные морозы. За мой труд правление колхоза выдавало мне из «кассы взаимопомощи бедноты» полпуда рослой муки и пуд картофеля на месяц. Мяса и жиров мне не выдавали. Одежду приходилось добывать самому.

В 1934 году с большим трудом мне удалось поступить в 5-й класс в Усманскую неполную среднюю школу Борского района Куйбышевского края. Директором этой школы был тогда Горохов.

Долго меня не принимали в школу, так как мне было уже 16 лет, я считался переростком.

Помогла мне поступить в школу заведующая райОНО товарищ Сыромятникова. Она всегда с любовью относилась к детям сиротам.

Учиться мне было очень трудно. Потому что по-прежнему из «кассы взаимопомощи» для сирот колхоз им. Пугачёва выдавал мне пуд муки и столько же картофеля на месяц.

Придя со школы, вместо того, чтобы учить уроки, я отрабатывал хозяину за жильё: пилил дрова, носил воду из колодца для скотины и хозяину. Учить уроки на дому времени не хватало, поэтому на уроках в школе я был очень внимательным и хорошо осваивал все предметы.

Помощь со стороны райОНО была такая: для сирот выдавали бесплатно учебники и тетради. Но эта помощь для меня была слишком мала. Мне нужно было учиться и находить способы честным трудом зарабатывать себе на питание, одежду, обувь и жильё. Вот ведь как жилось нам, детям-сиротам в 1930-х годах.

Но, несмотря на все трудности жизни и учебы, я активно участвовал в общественной работе в школе: писал заметки в общешкольную стенную газету, руководил пионерским отрядом имени Будённого, а позднее, будучи секретарём Осовиахима, организовал обучение пионеров к сдаче норм на значок «Ворошиловский стрелок».

С 1935 года я писал заметки, вначале в районную газету «За социаллистический труд» Борского района,а потом в областные газеты «Волжская коммуна», «Волжский комсомолец», «Будь готов» и в центральные газеты «Колхозные ребята» и «Крестьянская газета».

На полученные в качестве гонорара деньги я мог покупать себе одежду, обувь, использовать их на другие нужды. За помещённые в газетах мои статьи я от редакции получал ряд положительных отзывов и характеристик. Много раз пориходилось мне бывать на слётах селькоров.

В 1936 году в Усманской НСШ я вступил в члены ВЛКСМ. Будучи комсомольцем, работал пионервожатым, членом редколлегии общешкольной стенной газеты, секретарём первичной организации Осовиахима, активно посещал школу Ленинского комсомола.

В 1937 году я окончил 7 классов Усманской НСШ и, получив положительную характеристику о работе с пионерами и активном участии в общественной работе, я был направлен от райОНО в колхоз имени Пугачёва села Старая Таволжанка, работать учителем школы взрослых по ликвидации неграмотности и малограмотности на селе.

По прибытии в колхоз, я сразу же приступил к обучению грамоте взрослых. По вечерам, без отрыва от производства, обучал в школе молодёжь, а днём ходил по домам и учил грамоте стариков и домохозяек. Кроме того, разъяснял людям Основной закон Союза Советских Социалистических Республик, положений о выборах в Верховный Совет СССР и местные советы,депутатов трудящихся, рассказывал о событиях внутри страны и за рубежом.

Работу в школе взрослых пришлось совмещать с работой заведующего клубом. В клубе организовывал и проводил массовые игры, танцы, собрания колхозников и комсомольцев. Клуб охотно посещала не только молодёжь нашего села, но и молодёжь из соседнего села Таволжанка.

8 июля 1937 года на закрытом отчётно-выборном комсомольском собрании, впервые при тайном голосовании, меня избрали комсоргом колхоза имени Пугачёва и делегатом районной конференции Борского райкома ВЛКСМ.

До моего избрания комсоргом работал заведующий сельской школы товарищ Н. Работа комсомольской организации по существу не велась. Занятия политкружка не проводились, а если и собирались комсомольцы в клуб, то вместо деловой работы, устраивали коллективные выпивки и организовывали танцы, игры в клубе.

Мне предстояло перестроить стиль работы с комсомольцами и молодёжью, наладить регулярное проведение занятий политкружка. С первых дней избрания меня комсоргом, я начал наводить жёсткий порядок комсомольской дисциплины. Некоторых сынков подкулачников, неблагонадёжных, пришлось исключать из комсомола. На место одного исключённого из комсомола в ряды комсомола вступали многие юноши и девушки из бедняцкой среды, которые с первых же дней их приёма в комсомол включались в активную общественную работу колхозной жизни. Они охотно посещали занятия политкружка, принимали активное участие на собраниях молодежи и колхозников.

На 7-й районной конференции комсомола меня избрали членом Пленума РК ЛКСМ и утвердили штатным пропагандистом РК ЛКСМ Борского района. Вел я занятия политкружка с комсомольцами колхоза имени Пугачева. На весь колхоз в селе Старая Таволжанка в 1937 году был один кандидат в члены ВКП/б/ тов. Тихонов, который входил в состав комсомольской организации. Ввиду того, что в колхозе не было партийной организации, мне приходилось работать и решать вопросы за комсорга и за парторга. Все вопросы, связанные с работой комсомольской организации, мы решали вместе с тов. Тихоновым.

25 июля 1937 года на общем собрании колхозников колхоза имени Пугачева избрали меня председателем первичной организации Осоавиахима и делегатом районной конференции Осоавиахима Борского района Средневолжского края. На районной конференции меня избрали /утвердили/ членом бюро по проведению 12-й лотореи Осоавиахима.

В воскресные дни я проводил с молодежью и колхозниками занятия по сдаче норм ГТО» и на значок «Ворошиловский стрелок». Стреляли мы из винтовки ТОЗ-9. Я и многие мои ученики были награж-

дены значком «Ворошиловский стрелок».

В 1937 году из актива комсомольцев и кандидата в члены ВКП/б/ тов. Тихонова, мною была создана бригада содействия милиции «Бригадмил». Бригада содействия милиции участвовала в охране общественного порядка на улице, в общественных местах, а также в поддержании порядка во время проведения различных массовых мероприятий в клубе; оказывала содействие органам внутренних дел, прокуратуры и судам в их деятельности по укреплению общественного порядка и борьбе с правонарушениями; принимала участие в борьбе с хулиганством, пьянством, самогоноварением, хищением государственной и общественной собственности, а также личного имущества граждан, с нарушениями правил торговли, со спекуляцией и другими правонарушениями; принимала участие в проведении воспитательной работы среди населения по соблюдению правил социалистического общежиития и предупреждению антиобщественных поступков.

Мечкаевы и после суда не успокаивались, продолжали запугивать меня тем, что они меня убьют. Мечкаев сам несколько раз приходил ко мне на квартиру к Охриковой Ф.М. и угрожал: «Если ты не покинешь наше село, то мы всё равно рано или поздно убьём тебя».

Выборы 1937 года.

Всеобщие выборы в Советы в 1937 году проходили впервые. Выборы проходили всеобщими, равными при тайном голосовании. Накануне выборов неблагонадёжные члены правления колхоза имени Пугачёва были отстранены от руководства колхозом. Отстранён был и председатель колхоза Мечкаев. Всё это проходило на общем собрании колхоников в присутствии представителей райкома партии и райисполкома Борского района. При переизбрании членов правления колхоза в состав правления вошли все колхозники-бедняки. С этого дня жизнь в колхозе пошла по-иному, радостно и зажиточно. В колхозе не стало вредителей. Всё делалось сообща. При выдвижении кандидатуры на пост председателя колхоза на этом собрании бедняки и подкулачники выдвинули мою кандидатуру. Выдвигая меня на пост председателя колхоза, бедняки искали во мне защиту их от подкулачников, а подкулачники имели свою цель. Мне было тогда 19 лет. Я умел хорошо руководить комсомольской и общественной работой. Но я не имел опыта управления колхозным хозяйством. Подкулачники, враги колхоза, выдвигая меня на пост председателя колхоза, были намерены запутать меня и посадить в тюрьму.

Я отклонил свою кандидатуру на пост председателя колхоза. Меня поддержали представители райкома и райисполкома. Согласились со мной и бедняки. Председателем колхоза избрали кандидата в члены ВКП/б/ тов.Тихонова. Тихонов по происхождению был из бедняков. Так накануне дня выборов в Верховный Совет СССР, Союзных республик, краевых, районнных и местных советов депутатов трудящихся в колхозе имени Пугачёва была достигнута победа колхозников-бедняков.

Встреча с братьями и сестрой

В мае 1938 года сбылась моя долгожданная мечта. Я встретился с родными братьями: Тимофеем, Михаилом и сестрой Анной. Встреча произошла через 20 лет со дня моего рождения. Двадцать лет я ничего не знал о своих родителях, о сестре и о других своих родственниках. Порою в трудные дни моей жизни я проклинал своих родителей за то, что они сделали меня сиротой, беспризорником. Но не родители в этом были повинны. Повинны в этом были бесконечные войны - война с иностранными интервентами и белогвардейцами, гражданская война. Это войны делают детей сиротами, а взрослых инвалидами, калеками. Не могу не сказать об одиночестве. Плохо жить одинокому, а ещё хуже жить среди «чужих людей»!

Как мне удалось разыскать своих родных

В детдоме №10 в городе Бузулуке Оренбургской области, где я был с 1921 по 1927 год, меня звали просто Петя Зотов. И это было всё, что я знал о себе. Настоящее имя отца я приобрёл только через двадцать лет, когда разыскал своих родных брытьев и сестру. Отца и мать я не помнил, видел их только на фотографиях. После смерти родителей в 1921 году мне было три года.

В июне 1937 года после окончания Усмансой неполной средней школы я написал «розыск» в Бузулукский детдом №10. Моё письмо было направлено в РайОНО. Бузулукское РайОНО мне ответило, что согласно архивных записей детдома, Петя Зотов значится уроженцем Тоцкой волости. Других сведений обо мне и моих родителях не имелось.

В 1937-1938 годах в нашей стране появились первые орденоносцы. В числе их был комбайнер-орденоносец Колесов из Тоцкого района. Об орденоносце Колесове была напечатана статья и помещена его фотография в одном из номеров журнала «Селькор». В статье говорилось: «Бывший комбайнер-орденоносец Колесов является председателем Тоцкого райисполкома».

Прочитав статью об орденоносце Колесове, я написал ему личное письмо. Но тов. Колесов в то время оказался в Москве, на курсах усовершенствования при ВЦИК. Моё письмо было переправлено ему в Москву. Колесов, получив моё письмо, незамедлительно отправил его в Тоцкий райисполком. Получив письмо от Колесова и.о. председателя тоцкого райисполкома дал указание всем председателям сельских советов района помочь разыскать мне моих родных.

В селе Кирсановке Тоцкого района проживало много людей с фамилией Зотовы. Председатель сельского совета села Кирсановка доложил на очередном заседании райисполкома о том, что по архивным данным метрических свидетельств числится уроженец села Кирсановки Зотов Пётр Павлович, рождения 1918 года, и что живы его братья Тимофей Павлович, Михаил Павлович, сестра Анна Павловна, дядя Пётр Лукьянович и многие двоюродные братья.

В мае месяце 1938 года я получил письмо от председателя Тоцкого райисполкома. В письме указывались данные обо мне, о моих братьях и сестре. Получив адрес братьев и сестры, я написал им письма. Сестра и братья быстро ответили на моё письмо и позвали к себе жить.

В детдоме мне установили год рождения 1919. С 1927 по 1938 годы я по отчеству значился Пётр Степанович Зотов. А в действительности я оказался 1918 года рождения и родного моего отца звали Пётр Лукьянович Зотов.

В связи с этим перед выездом на родину мне предстояло поменять паспорт, комсомольский билет и удостоверение «Бригадмила», сняться с учёта и получить разрешение от РайОНО на выезд к родным. Все эти вопросы я решил беспрепятственно.

23 мая 1938 года состоялась моя первая встреча с дядей Петром Лукьяновичем и его семьёй, с двоюродными братьями, которых оказалось более десяти человек, и двоюродной сестрой Марией Евстигнеевой Ляшенко. Встреча состоялась радостная и волнующая.

По приезду моему была истоплена деревенская баня. Я с дядей Петей помылись и напарились в бане. А когда мы возвратились из бани, в доме было полно родственников, братьев, сестёр и любопытных соседей. Когда все сели за стол и выпили по бокалу вина, каждый в отдельности подходил ко мне, или вставал из-за стола, и представлялся мне, называя своё имя, отчество и фамилию. И так по очереди представились мне родной дядя Петя и четырнадцать двоюродных братьев и сестер. От волнения, после двадцатилетней одинокой сиротской жизни и знакомства с многочисленными двоюродными братьями у меня в голове смешались все имена и я почти никого не запомнил, кроме дяди Петра Лукьяновича и его сына Михаила Петровича.

Через два дня мой дядя Пётр Лукьянович доставил меня на правленском коне за сто километров от Кирсановки в село Ташлу Ташлинского района Оренбургской области к родной сестре Анне Павловне. Мой дядя в это время работал конюхом в правлении колхоза. Братья Тимофей Павлович и Михаил Павлович жили в трёх километрах от Ташлы в селе Трудовом. Узнав о моём приезде, братья с семьями срочно приехали к сестре Анне Павловне, где я и остановился жить.Сестра Анна жила с мужем Скорниковым Ильёй Андреевичем. Илья Андреевич работал киномехаником, а сестра Анна кассиром при районном доме культуры села Ташлы.

К вечеру были все в сборе: дядя, я, братья с жёнами и сестра с мужем.За столом я рассказывал подробно о своей одинокой, горькой сиротской жизни. Все слушали внимательно и рыдали.До этой встречи я никогда не плакал, никогда никому не жаловался на свою горькую, безрадостную жизнь. Но здесь, при встрече с родными людьми, от радости и от горьких воспоминаний заплакал и я, и так заплакал, что всем пришлось унимать меня. Плакал я не с горя, а от радости. Встреча наша всех взволновала, все были очень рады моему приезду. Не удивительно, что эта встреча запомнилась мне на всю жизнь.

25 мая 1938 года я встретился с родными братьями и сестрой, а уже 1-го июня я приступил к работе инструктором-массовиком в редакции газеты «Большевик» Ташлинского района. как инструктор-массовик целыми месяцам разъезжал я по селам и колхозам, собирая материал для газеты. Эта работа для меня оказалась не под силу, трудной, потому что в то время я окончил всего 7 классов непоной средней школы, а от меня требовалось писать заметки и статьи каждый день, так, чтобы одна статья не была похожа на другую. Для этого был нужен опыт журналиста, а у меня его не было. Мне приходилось много думать, «ломать» себе голову, чтобы статья была написана грамотно, доходчиво и красиво. Я не осилил эту заботу и 1-го августа по решеню райкома комсомола я был направлен в Ташлинское райОНО на должность инспектора по колхозным клубам и избам-читальням. Эта работа также была связана с длительными командировками по сёлам, по колхозам и избам-читальням.

Приезжая в колхоз, село, я собирал молодёжь в клуб и проводил с ними собрания и танцы, а там, где не было клуба, или избы-читальни,проводил с молодежью субботники и воскресники по постройке клуба, избы-читальни. Ассигнования, смету на строительство приходилось «вырывыать с боем» в правлении колхоза. Не все председатели колхозов шли охотно навстречу молодёжи. За неимением строительного материала молодёжь на субботниках и воскресниках сама месила глину и выкладывала саманные кирпичи, строила из них клуб или избу-читальню.

Специальность инспектора райОНО по полит-просвет работе колхозных клубов и изб-читален была для меня также нелёгкой, но она пришлась мне по душе, потому что в каждом селе района я помогал просвещать молодёжь, помогал ей организовываться, объединяться, добросовестно трудиться и радостно веселиться. Я так полюбил свою специальность, что уходя на действительную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию, решил отслужить свой срок службы и снова вернуться на эту же работу. Мне нравилась эта работа потому, что я всегда был с людьми, с молодёжью, которые относились ко мне с уважением. В командировках я выполнял не только свои обязанности инспектора по полит-просвет работе. Выполнял я и отельные поручения инспектора по школам, инспектора по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Но не долго пришлось мне поработать на этой работе. 10 сентября 1938 года меня призвали на военную службу в ряды РККА, в Военно-Воздушные Силы. Очень мало мне пришлось пожить вместе с сестрой Анной и братьями Тимофеем и Михаилом. На короткое время я забыл своё одиночество, и оно снова вернулось ко мне...

Служба в армии и годы после службы

С ноября 1938 года по 20 июня 1941 года воинскую службу проходил в подразделении связи 6-й авиационной базы, 8-го истребительного авиаполка, 38-й истребительной авиационной дивизии Забайкальского военного округа, в гарнизонах Даурия-Отпор и Борзя-Барнаул.

В ноябре 1939 года меня приняли кандидатом в члены ВКП/б/ , а 19 июня 1941 года приняли в члены партии. 20 июня 1941 года я выехал на западную границу в составе роты связи 6-й авиабазы.

С 26 июля по 29 ноября 1941 года в должности механика и начальника военно-телеграфной станции, а затем начальника пункта сбора донесений обеспечивал боевой телеграфной связью командование дивизии и авиационных полков в оборонительных сражениях за Москву. А в период контрнаступления наших войск под Москвой с 1 декабря 1941 года по 5 мая 1942 года обеспечивал боевой телеграфной связью командование 28-й смешаной авиационной дивизии и ВВС 10-й армии.

С 13 декабря 1941 года по июль 1943 года несколько раз переизбирался парторгом роты связи 28-й сад и 110-й роты связи ВВС 10-й армии.

7 ноября 1941 года в городе Кашире, за образцовое обеспечение телеграфной связью командования ВВС 49-й армии мне было присвоено воинское звание «Старший сержант». А 23 февраля 1942 года командованием 49-й армии мне было присвоено воинское звание «Старшина».

С 5 июня по 15 июля 1942 года обеспечивал телеграфной связью командование 215-й истребительной авиационной дивизии в горое Калуга, участвовал в Одоевской авиационной операции в составе 80-й отдельной роты связи.

В июле-октябре 1942 года в Москве был сформирован 2-й истребительный авиационны корпус Резерва Верховного Главнокомандования под командованием Героя Советскогг Союза генерал-майора

авиации А.С.Благовещенского. В состав корпуса входила 215 иад и 80-я ОРС. Дивизией командовал Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г.П.Кравченко. 80-й ОРС командовал старший лейтенант Н.Сологуб.

С октября 1942 года по 23 июля 1943 года участвовал в боях, обеспечивая телеграфной связью командование 215-й ИАД 2-го ИАК РВГК в составе 80-й ОРС на Калининском, Волховском, Воронежском, Степном и Брянском фронтах.

С 23 июля 1943 года по 20 октября 1944 года участвовал в боях, обеспечивая телегафной связью командование 322-й ИАД под командованием Героя Советского Союза полковника М.П.Нога в составе 2-го ИАК РВГК на фронтах: 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском и 1-м Украинском по освобождению городов и населённых пунктов Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии и Польши.

20 октября 1944 года приказом командира 2-го ИАК РВГК в Польше был отправлен с фронта на учёбу в Харьковское военное авиационное училище связи (ХВАУС).

К сожалению, вступительный экзамен в училище я не сдал и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Советской Армии на узел связи Харьковсого военного округа, в распоряжение начальника связи ВВС ХВО полковника Ткачук, на должность начальника военно-телеграфной станции узла связи ВВС ХВО.

В декабре 1944 года в Москве я прошёл обучение на 40-дневных курсах по изучению американского телеграфного буквопечатающего рулонного аппарата типа «Т-19».

После возвращения из Москвы я проводил на базе узла связи ВВС ХВО сборы механиков батальонов аэродромного обслуживания по изучению аппарата «Т-19».

Одновременно оборудовал аппаратную узла связи телеграфными аппаратами «Т-19» и обслуживал их в телеграфной связи с Москвой, Центральным узлом связи и с авиационными полками 5-й запасной авиационно бригады в Рогани.

В октябре 1945 года я был демобилизован из рядов Советской Армии и поступил на работу мастером производственного обучения в 11-е ремесленное училище связи города Харькова, готовил аппаратных механиков телеграфных аппаратов «СТ-35» для центрального телеграфа города Харькова, на площади Фейербаха.

В октябре 1946 года был зачислен на сверхсрочную службу в ХВАУС на должность начальника радиостанции, а затем начальника военно-телеграфной станции.

В октябре 1950 года сдал экстерном экзамены за Харьковское военное авиационное училище связи, после чего мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант» и я был назначен на должность инсруктора практического обучения цикла Проводных средств связи ХВАУС.

В 1955-1956 гг в Вооружённых Силах СССР происходило значительное сокращение численности армии, впоследствии названное «хрущёвским» . Особенно в те годы пострадала авиация.Сокращались авиационные части, гарнизоны, базы и учебные заведения. Коснулось это сокращение и меня лично.

С апреля 1955 года по март 1956 года я проходил службу в г. Киеве, на авиационной ремонтной базе в должности старшего техника телефонно-телеграфной аппаратуры. Там же получил очередное воинское звание «лейтенант». Затем мне было предложен выбор - или уйти в отставку без пенсии, или переквалифицироваться на другую службу. Предложили пройти переобучение и перейти в пожарные. Я дал согласие.

С марта по май 1956 года я находился на должности заместителя начальника пожарной охраны Кировоградского Высшего военного авиационного училища лётчиков.

С мая 1956 года по октябрь 1957 года я проходил переподготовку на Курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС) в Военно-пожарном техническом училище г. Ленинград.

В октябре 1957 года я вернулся в город Харьков и по 1 января 1961 года проходил службу начальником пожарной охраны Харьковского военного авиационного училища связи. Конечно, совсем уже другая работа, совершенно не связистская, но что поделаешь?

1 января 1961 года закончилась моя военная служба и я был уволен в запас с общей выслугой 25 лет, с правом ношения военной формы одежды.

После увольнения из армии с 13 февраля 1961 года работал командир-инструктором Харьковского областного радиоклуба ДОСААФ.

В 1962 году был переведен на должность инженера-инструктора.

В Харьковском радиоклубе я готовил призывную молодёжь к службе в Вооружённых Силах СССР по специальности «телеграфист буквопечатающих аппаратов «СТ-35».

С 1 августа 1964 года перешёл на работу радистом радиоузла ХВАТУ-2, вскоре был избран парторгом клуба. С 15 февраля 1965 года - радиотехник ХВАТУ-2, парторг клуба.

С 1 сентября 1967 года перешёл на работу преподавателем по подготовке телеграфистов-телетайпистов Харьковского областного радиоклуба ДОСААФ.

С 1 сентября 1969 года - техник управления пожарной охраны УВД 10 ВПЧ.

С 18 мая 1970 года -работал лаборантом лаборатории автоматизации и механизации №2 НИОХИМ по обслуживанию ЭВМ.

С мая 1971 года - старший лаборант лаборатории автоматизации и механизации №2 НИОХИМ. Партгруппорг отдела автоматизации. С мая 1975 года по настоящее время работаю контролёром отдельной команды №2 Харьковского отряда военизированной охраны Министерства химической промышленности СССР. Партгруппорг отдельной команды №2, ударник коммунистического труда.

С октября 1974 года по настоящее время - член Совета военно-научного общества при Харьковском гарнизонном доме офицеров Советской Армии. С января 1978 года по январь 1980 года исполнял обязанности председателя харьковской группы Совета ветеранов 2-й Воздушной Армии.

За время службы в Вооружённых Силах СССР награждён орденом Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медялями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «250 лет Ленинграду», «20 лет Победы», «30 лет Советской Армии», «40 лет Вооружённых Сил СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «60 лет Вооружённых Сил СССР», «30 лет Победы», «20 лет безупречной службы» и «25 лет безупречной службы».

9 января 1982 года.

Олег ЗОТОВ

Олег Петрович Зотов

Родился в 1948 году в семье военнослужащего. В прошлом кадровый военный, авиационный инженер, подполковник в отставке. Образование: Харьковское «ХВАУС» и Военно-инженерная авиационная академия (ВИА имени профессора Н.Е.Жуковского), факультет радиоэлектроники. Литературным творчеством – поэзией, занимается со школьных лет. Живёт в городе Екатеринбург (в прошлом Свердловск).

Я не стану просить у судьбы

Я не стану просить у судьбы подарков
Легких и белых, как восточный хлопок.
Попрошу-ка я лучше блюдо яркого
Солнца, на сутки, из желтых волокон.

А то случится вдруг заблудиться в бору,
Дремучее воспоминаний старух.
Мне не придется сдирать и жевать кору –
Я солнце выну и... сырое съем за двух.

Или, возможен и этот случай –
Напишу стих из слов,
которых, по сути, нету,
Тогда нить солнца обратится в лучик
И погладит усталые пальцы поэта.
1966г

Ты помнишь, земля, тот бой?

Ты помнишь, Земля, тот бой
И солдата,
Который тогда не сумел
Живым возвратиться домой,
А мертвым прийти не посмел?

Запомни его лицо
И улыбку,
Ведь был он четвертым в роду,
Пропавшим без вести бойцом
В сорок втором году.

Сказала Земля:
«Не прав
Ты, сказавший «без вести».
Он жил и любил
Мой шелест ковыльных трав,
Их полуденную пыль.

И стай журавлиных след,
И равнины,
И добрый отцовский дом,
Который построил дед,
А он защитил потом»...
Август 1965

Колдуньи

Живут в городах далеких,
А может быть где-то рядом,
«Колдуньи» - как ночи, локоны,
Как дерзкие молнии взгляды.

Грустят над «колдуньями» звезды –
Хрусталь в океане синем.
И тихо ступают грозы,
Боясь разбудить красивых.

И ветры качают устало,
Как это на лес похоже,
В парках уснувших каштаны
И дарят листву прохожим.

Живут в городах «колдуньи»,
Похожие днем на ночи,
А мне о тебе все думать
И думать тревожно очень.

Поверьте, пожалуйста, люди,
Мне вовсе не нужно славы.
Живут далеко «колдуньи»,
Живет где-то рядом Клава...

Харьковская зима 1963 года

Мороз оседает над городом,
К утру он наделает бед.
С холодным, сибирским норовом,
С бородкой. Ну, точно – дед.

«Старик», рукава засучив,
Берется морозить окна.
Трещит он в лесу на сучьях,
Хватает за нос, притопнув.

Свистит соловьем под колесами
Машин, тормозящих стать.
Потом, почему-то их бросив,
Идет он нам ноги топтать.

Сует он свой нос вездесущий
Туда, где ему и не надо.
Девицам он щиплет уши,
Целует их в рот, в помаду.

Они притворно смеются,
Грозят отмороженным пальцем.
А сами, в перчатку подувши,
Идут по лыжне все дальше.
Январь 1963

О себе

Люблю я крестины и свадьбы,
Веселье в народе люблю,
Где выйти в круг да сплясать бы,
Да спеть бы любимую...

Теперь помолчать бы вам уж –
Взгляните, вино как пенится.
Девчонки выходят замуж,
А парни шальные женятся.

Хочу, чтоб влюблялись парни,
Сиренью хмелели девчата.
И чтобы с рассветом ранним
Они не ушли в солдаты...
Январь 1964

Может быть - это холодно, без звонка...

Может быть - это холодно, без звонка
Трамвай наш исчез вдалеке?
Может – это, как призрак, застыла река,
Может – звезды плескались в реке?

Может быть - этой ночью расстались друзья,
Может – счастье ушло от кого-то?
Может быть - самый грустный сегодня я,
«Человек за стенами грота»?

Может быть - это просто прошла гроза,
Пьет ладонями мир рассветы?
Или, может, соленая это слеза
Случайно упавшая где-то?

Может – радости жизни, стихи, любовь
Повторяются, как восход?
Может - песня родится в поэте вновь,
Может - песня в поэте умрет?

Только верит поэт, только знает поэт –
Наступает такое время:
Города, устояв от осады лет,
Вдруг стареют и... рухнут стены!